

3 звезды
НОВОЙ
фэнтези

Герой Веков

Рожденный
туманом

Книга 3

БРЕНДОН
САНДЕРСОН

Звезды новой фэнтези

Брендон Сандерсон

Герой Веков

«Азбука-Аттикус»

2008

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Сандерсон Б.

Герой Веков / Б. Сандерсон — «Азбука-Аттикус»,
2008 — (Звезды новой фэнтези)

Древнее пророчество истолковано ошибочно – и на свободу выпущен Разрушитель, воплощение распада. Уже не только Последняя империя, но и весь измученный мир с каждым днем все глубже погружается во тьму и хаос. Рожденные туманом Вин и Эленд Венчер должны остановить вездесущее и всеведущее божество, которое управляет ордами безумных монстров и вызывает извержения вулканов. Ключом к победе или поражению может стать атиум Вседержителя, самый ценный из алломантических металлов. Но каково же истинное предназначение этого металла и почему он спрятан так надежно, что даже Разрушителю не удастся его найти? Кто поможет могущественным, но не всесильным алломантам в их нелегкой борьбе? И осталась ли хоть малейшая надежда, что мифический спаситель, Герой Веков, все-таки придет?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

© Сандерсон Б., 2008
© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

Благодарности	6
Пролог	10
Часть первая	11
1	12
2	20
3	23
4	32
5	38
6	50
7	52
8	55
9	62
10	65
11	73
12	78
13	88
Часть вторая	90
14	91
15	97
16	102
17	111
18	115
19	119
20	123
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Брендон Сандерсон

Герой Веков

Посвящается Джордану Сандерсону, способному объяснить тому, кто спросит, каково это – иметь брата, который большую часть времени тратит на мечты.

(Спасибо, что терпишь меня)

Brandon Sanderson

THE HERO OF AGES: BOOK THREE OF MISTBORN

Copyright © 2008 by Dragonsteel Entertainment, LLC

Maps and interior art by Isaac Stewart

All rights reserved

© Н. Осоян, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Потрясающе!.. Все знакомые концепции и сюжеты эпического фэнтези вывернуты наизнанку, а происходящее в конце поражает своей правдоподобностью. Проработка характеров – на высшем уровне, миропостроение незыблемо, фабула сложна и увлекательна.

Romantic Times

Драматичная и неожиданная развязка... В саге Сандерсона сложные характеры героев, и захватывающий сюжет. Автор задает непростые вопросы о вере, верности и долге.

Publisher's Weekly

Если хотите почитать хороший книжный сериал, то «Рожденный туманом» Брендона Сандерсона для этой цели подойдет как нельзя лучше... Захватывающее действие, запоминающиеся герои, великолепный слог.

Fantasy Book Review

Брендон Сандерсон – настоящее явление. Восхитительный рассказчик с уникальной и мощной фантазией.

Дэвид Фарланд

Мало кто из писателей-фантастов хорошо разбирается в том, как работает лидерство, как формируются общества и как в человеческих сердцах прорастает любовь. Сандерсон поразительно мудр!

Орсон Скотт Кард

Благодарности

Как всегда, я должен поблагодарить очень многих за помощь в работе над книгой, которую вы сейчас держите в руках. В первую очередь моего издателя и моего агента – Моше Федера и Джошуа Билмеса – за невероятную способность доводить проекты до блестящего завершения. Также мою удивительную жену Эмили, которая была моей поддержкой и опорой, пока я писал.

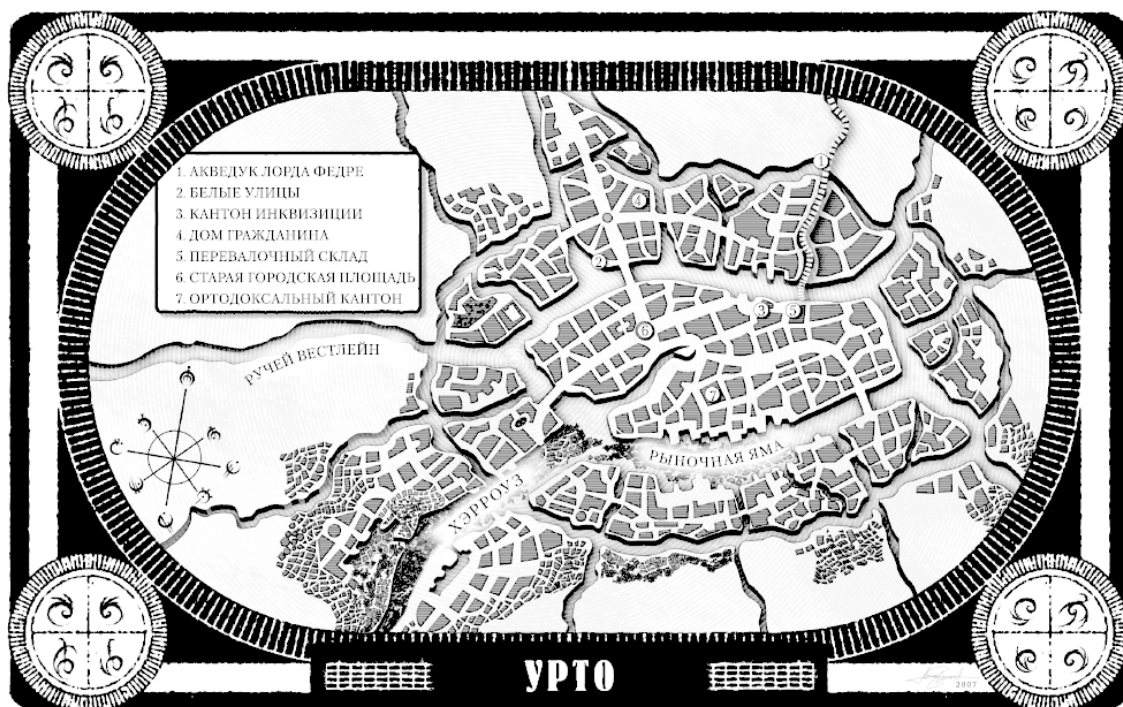
Как и раньше, Айзек Стюарт (nethermore.com) потрудился над картами, символами в заголовках глав и кругом алломантических металлов. Я высоко ценю обложку Джона Фостера. Это моя любимая из всех трех в цикле «Рожденный туманом». Спасибо Ларри Йодеру за то, что он крутой, и Дот Лин за ее рекламный труд в «Торе». Денису Вану и Стейси Хэг-Хилл – за помощь, оказанную моему редактору, и Ирэн Галло – как всегда, восхитительной – за художественную редактуру.

Над этой книгой работали альфа-ридеры: Пэрис Эллиотт, Эмили Сандерсон, Криста Ольсен, Итэн Скарстедт, Эрик Дж. Элер, Эрик Джеймс Стоун (Задавака), Жилена О’Брайен, С. Ли Плэйер, Брюс Кандик (Мур), Йенси Паттерсон, Хизер Кирби, Салли Тейлор, Бредли Ринер, Стив Даймонд (Уже-Не-Парень-Из-Книжной-Лавки), Генерал Мика Дему, Закэри Дж. Кавеней (Призрак), Алан Лэйтон, Джанет Лэйтон, Кейлинн Зобелл, Нэйт Хэтфилд, Мэтью Чемберс, Кристина Кюглер, Дэниэл Э. Уэллс, Питер Альстром, Мэриэнн Пиз, Николь Уэстенскоу, Натан Вуд, Джон Дэвид Пейн, Том Грегори, Ребекка Дорфф, Мишель Кроули, Эмили Нельсон, Наталия Джадд, Шелис Фокс, Натан Креншоу, Мэдисон Ван Ден Берг, Рейчел Данн и Бен Оль-Сун.

Кроме того, я благодарен Джордану Сандерсону, которому и посвящается эта книга, за неустанный труд над веб-сайтом. Джефф Крир также отлично поработал над оформлением brandonsanderson.com. Загляните и проверьте сами!

Пролог

Марш изо всех сил пытался себя убить.

Раз за разом, преодолевая сопротивление, тянулся он дрожащей рукой к штырю в спине: стоит его вытащить – и с кошмарным существованием будет покончено. Однако Марш уже почти потерял надежду. Три года. Три года, как он стал инквизитором; три года провел наедине с собственными мыслями... Нет, не получается – ему не вырваться. Вот и опять сознание начало погружаться в туман...

А потом им овладело Оно. Мир сразу словно завибрировал, и внезапно все прояснилось. Зачем сопротивляться? Зачем переживать? Все идет как надо.

Марш двинулся вперед. Утратив зрение, свойственное обычным людям – ведь в его глазницах сидели два больших и острых стальных штыря, – он тем не менее мог воспринимать окружающее. Штыри пронзали череп насквозь: касаясь затылка, инквизитор мог чувствовать их острия. Кровь из этих ран не текла.

Штыри наделяли силой. Благодаря им, все подсвечивалось алломантией. Тонкие голубые линии обрисовывали собравшихся вокруг стола в скромном по величине помещении. Люди были буквально пропитаны металлами. И у каждого торчали штыри из глазниц.

У всех, кроме привязанного к столу пленника. Марш с улыбкой взял штырь с бокового стола и взвесил его на ладони. Жертве не стали затыкать рот – жертва должна была кричать.

– Умоляю, – прошептал несчастный.

Даже террисийский дворецкий дрогнул перед лицом ужасной смерти. Он пытался сопротивляться, но находился в весьма неудобном положении: прямо под ним лежал еще один человек. На поверхности стола имелись особые углубления, позволявшие привязывать одно тело поверх другого.

– Что вам нужно? – взмолился террисиец. – Я больше ничего не знаю про Синод!

Марш провел по латунному штырю пальцем, попробовал острие. Пора было приступать к делу, но он медлил, наслаждаясь болью и страхом в голосе узника. Медлил столь долго, что...

Марш перехватил контроль над собственным разумом. Наполнявшие помещение сладкие ароматы сменились зловонием крови и смерти, и радость уступила место ужасу. Пленник был террисийским хранителем – человеком, посвятившим жизнь тому, чтобы нести людям добро. Его убийство станет не обычным преступлением, а трагедией. Марш попытался овладеть своим телом – заставить себя закинуть руку за спину и вытянуть наконец засевший в спине главный штырь.

Однако Оно, как обычно, оказалось сильнее. Необъяснимым образом оно контролировало Марша и остальных инквизиторов, потому что нуждалось в них; они были его руками. Оно получило свободу – Марш чувствовал его торжество, – но что-то мешало ему воздействовать на мир самостоятельно. Существовал противник. Некая сила, словно щитом, закрывала собой землю.

Оно пока не было полным. Ему требовалось что-то еще. Что-то... спрятанное. Маршу предстояло это найти и принести своему хозяину. Хозяину, которого освободила из заточения Вин. Существо, некогда пребывавшему в Источнике Вознесения.

Оно называло себя Разрушителем.

Марш улыбнулся, когда пленник заплакал, и шагнул вперед, занося руку со штырем. Террисиец тихонько заскулил, когда острие коснулось его груди. Штырь обязательно должен пройти сквозь сердце, пронзить его и оказаться в плоти инквизитора, привязанного снизу. Гемалургия – грязное искусство.

Потому она так и нравилась Маршу. Он взял молоток и принялся за работу.

Часть первая

Наследство Выжившего

Я, к сожалению, Герой Веков.

1

Прищурившись, Фатрен глядел на красное солнце, прятавшееся за неизменной завесой из темной дымки. С неба, как обычно в последнее время, сыпался черный пепел. Тяжелые крупные хлопья падали и падали, воздух был плотным, душным; ни намека на легкий ветерок, который мог бы хоть чуть-чуть поднять настроение. Фатрен со вздохом перевел взгляд на Ветитан. На свой город.

– Сколько еще? – спросил он.

Дрюффель почесал испачканный сажей нос. Фатрен и сам выглядел не лучшим образом: не до того было в последнее время.

– Может быть, час. – Дрюффель сплюнул под ноги.

Фатрен снова посмотрел на падавший с неба пепел:

– Думаешь, это правда, Дрюффель? Что говорят люди?

– Что именно? Что скоро конец света? Не знаю. Вообще-то, мне все равно.

– Как ты можешь так говорить?

Дрюффель пожал плечами:

– Когда появятся колоссы, я умру. Вот и весь конец света для меня.

Фатрен смолчал. О своих сомнениях он не говорил вслух: ему полагалось быть сильнее всех. Когда лорды покинули городок, который, по сути, мало чем отличался от обычной плантации, именно Фатрен убедил скаа продолжать работать в полях. И позаботился, чтобы отряды вербовщиков держались подальше. Когда все трудоспособные мужчины из соседних поселений оказались на той или иной войне, в Ветитане по-прежнему было кому работать. На взятки ушел почти весь запас зерна, зато Фатрен сберег своих людей.

До поры.

– Туман сегодня продержался до полудня, – тихо проговорил Фатрен. – С каждым днем он уходит все позже и позже. Ты видел поля, Дрюффель. Колосья выглядят неважно: наверно, им не хватает солнца. Боюсь, этой зимой нам нечего будет есть.

– Мы не доживем до зимы. Мы и до заката-то не протянем.

Самое грустное – Дрюффель слыл когда-то оптимистом. Но вот уже несколько месяцев Фатрен не слышал, чтобы брат смеялся. А Фатрен так любил его смех.

«Даже мельницы Вседержителя не перемололи Дрюффа, не выжали из него смех, – подумал Фатрен. – Но последние два года оказались сильнее».

– Фат! – крикнул кто-то. – Фат!

Повернувшись, Фатрен увидел мальчишку, карабкавшегося на вершину земляного вала. Они едва успели закончить строительство укреплений. Это Дрюффель подал идею; тогда он еще не успел по-настоящему сдаться. Город, в котором проживало почти семь тысяч человек, маленьким не назовешь. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы полностью окружить его защитной насыпью.

У Фатрена была едва ли тысяча настоящих бойцов и еще около тысячи слишком молодых, слишком старых или недостаточно умелых. Он понятия не имел, сколько воинов в армии колоссов, но наверняка уж больше двух тысяч. От земляного вала толку будет маловато.

Мальчишка – его звали Сев – подбежал наконец-то к Фатрену:

– Фат! Кто-то идет!

– Уже? Дрюфф говорил, колоссы еще далеко!

– Не колоссы, Фат. Человек. Пошли быстрее!

Фатрен повернулся к Дрюффу – тот лишь вытер нос и пожал плечами. Вдоль внутренней стороны вала они последовали за Севом к главным воротам. Плотную сбитую землю покрывали пепел и пыль, которые по углам собирались в целые холмы. Времени на поддержание чистоты не хватало: пока мужчины тренировались и готовились к войне, женщинам приходилось работать в поле.

Война. Фатрен только говорил себе, что у него две тысячи «солдат», – на самом деле это была тысяча крестьян-скаа. Да, они тренировались два года, да, были вооружены мечами, однако по-настоящему драться им почти не приходилось.

Несколько человек собралось у главных ворот; кто-то стоял на вершине земляного вала, кто-то прислонился к нему.

«Может, я ошибся, потратив так много наших сил на тренировку солдат, – подумал Фатрен. – Если бы эта тысяча работала в шахтах, у нас была бы руда для подкупа».

Но колоссы не брали взятку. Они просто убивали. Фатрен вздрогнул, вспомнив про Гартвуд. Из города, который превосходил по численности его собственный, до Ветитана добралась едва ли сотня выживших. Это случилось три месяца назад. Фатрен продолжал надеяться, хоть и понимал всю абсурдность надежды, что колоссы насытятся, разрушая Гартвуд.

Давно следовало бы понять, что голод колоссов утолить невозможно.

Солдаты в поношенной одежде с заплатками из ткани и кожи расступились, когда Фатрен забрался на вершину вала. Все в обозримом пространстве было покрыто толстым слоем похожего на черный снег пепла. Фатрен вгляделся.

К городу приближался одинокий всадник в темном плаще с низко надвинутым капюшоном.

– Что думаешь, Фат? – спросил один из солдат. – Разведчик колоссов?

Фатрен невольно фыркнул:

– Колоссы не послали бы разведчика, особенно человека.

– У него лошадь, – проворчал Дрюффель. – Нам бы еще одна не помешала.

Лошадей в городе было всего пять, и все они страдали от недоедания.

– Торговец? – предположил солдат.

– У него нет товаров, – возразил Фатрен. – И в этих краях только настоящий храбрец отважился бы путешествовать в одиночку.

– Никогда раньше не видел беженца верхом на лошади. – Говоривший поднял лук и посмотрел на Фатрена.

Тот покачал головой.

Никто не выстрелил в приближавшегося неспешным шагом всадника. Прямо перед воротами он остановил коня. Фатрен ими гордился. Настоящие ворота из настоящего дерева замыкали земляной вал. И доски, и камень он позаимствовал из роскошного особняка в центре города.

Под толстым темным плащом, который защищал незнакомца от пепла, почти ничего не удавалось рассмотреть. Фатрен заглянул за край вала, изучая чужака, потом перевел взгляд на брата и пожал плечами. Пепел продолжал тихо падать.

Незнакомец прыгнул.

Сиганул вверх прямо из седла, будто его кто подталкивал снизу – только плащ захлопал в воздухе. Под плащом на чужаке оказался ослепительно-белый мундир.

Когда незнакомец, пролетев над земляным валом, опустился на ворота, Фатрен выругался и отшатнулся. Алломант! Из благородных. Фатрен так надеялся, что аристократы и дальше будут увлечены своей грызней на севере и оставят простых людей в покое.

Или, по крайней мере, дадут им спокойно умереть.

Вновь прибывший повернулся. У него были коротко стриженные темные волосы и короткая борода.

– Так, народ, – сказал он и прошелся по верхней части ворот, необъяснимым образом сохраняя равновесие, – у нас осталось совсем мало времени. Пора приниматься за работу.

Незнакомец переступил с ворот на земляной вал – Дрюффель тотчас же вытянул меч и шагнул навстречу.

Меч выскользнул из руки Дрюффеля и взлетел, словно им управляла невидимая сила. Чужак схватил оружие, когда оно пролетало мимо его головы. Покрутил в руке и кивнул:

– Хорошая сталь. Я впечатлен. И сколько еще твоих солдат вооружены так же хорошо?

Перевернув меч, он вручил его хозяину рукоятью вперед.

Дрюффель растерянно посмотрел на Фатрена.

– Да кто ты такой?! – Фатрен изо всех сил старался выглядеть грозным и смелым. Он мало что знал об алломантии, но был почти уверен, что этот человек – рожденный туманом. Чужак, по всей видимости, мог убить всех собравшихся на земляном валу одной лишь силой мысли.

Проигнорировав вопрос, незнакомец повернулся, чтобы рассмотреть город.

– Этот вал окружает город со всех сторон? – обратился он к первому попавшемуся солдату.

– Э-э... да, мой господин, – ответил тот.

– А сколько здесь ворот?

– Только эти, мой господин.

– Откройте их и заведите мою лошадь, – распорядился чужак. – Надеюсь, у вас есть конюшня?

– Да, мой господин...

«Что ж, – с неудовольствием подумал Фатрен, когда солдат ринулся исполнять указания, – этот незнакомец хорошо знает, как командовать людьми».

Солдат Фатрена даже не замешкался, не спросил, следует ли подчиняться чужаку. Фатрен уже видел, как другие выпрямляют спины, забывают об осторожности. Незнакомец говорил так, словно ожидал, что все будут его слушаться, и солдаты действовали соответственно. Этот аристократ не походил на тех, кого Фатрен знал в бытность слугой в доме местного землевладельца. Он казался совсем другим.

Незнакомец продолжал рассматривать город. Пепел садился на его красивый белый мундир, и Фатрен вдруг подумал, что будет жаль, если такая замечательная одежда запачкается.

Кивнув самому себе, незнакомец начал спускаться по склону земляного вала.

– погоди, – окликнул Фатрен, и чужак приостановился. – Да кто ты такой?

Незнакомец повернулся, их взгляды встретились.

– Меня зовут Эленд Венчер. Я ваш император.

И продолжил спускаться по насыпи. Солдаты расступались; потом большинство потянулось следом.

Фатрен посмотрел на брата.

– Император? – пробормотал Дрюффель и сплюнул.

Фатрен был с ним согласен. Но что же делать? Он никогда раньше не сражался с алломантом; он даже не представлял, что следует предпринять для начала. Этот «император» с такой легкостью разоружил Дрюффеля.

– Соберите всех жителей, – где-то впереди раздался голос незнакомца, Эленда Венчера. – Колоссы придут с севера, они и не посмотрят на ворота, а полезут прямо через насыпь. Я хочу,

чтобы дети и старики собрались в самой южной части города. Их нужно разместить в возможно меньшем количестве домов.

– И что это даст? – требовательно спросил Фатрен.

Он поспешил следом за «императором», не зная, что еще можно сделать.

– Колоссы опаснее всего, когда впадают в кровавое безумие, – на ходу пояснил Венчер. – Если они и впрямь возьмут город, надо позаботиться о том, чтобы им пришлось долго искать твоих людей. Если их бешенство утихнет во время поисков, они заскучают и начнут мародерствовать. Тогда у жителей появится шанс ускользнуть, не опасаясь погони.

Венчер приостановился, потом повернулся и посмотрел Фатрену в глаза. Лицо у него было мрачное.

– Шанс ничтожный. Но уж лучше так.

И он снова двинулся вперед по главной улице города.

Фатрен шел позади и слушал, как шепчутся солдаты. Они все слышали о человеке по имени Эленд Венчер. Это именно он два года назад захватил власть в Лютадели после смерти Вседержителя. Новости с севера были скудными и недостоверными, но почти во всех случаях упоминался Венчер. Он расправился со всеми претендентами на трон, даже собственного отца прикончил. Он скрыл от всех, что является рожденным туманом, и предположительно женился на той самой женщине, которая убила Вседержителя. Фатрен сомневался, что столь важная персона – скорее легенда, чем живой человек, – могла бы явиться в скромный городок в Южном доминионе, да еще и без сопровождающих. Даже здешние шахты уже почти ничего не стоили. Незнакомец наверняка солгал.

Если не считать того, что он и в самом деле был алломантом.

* * *

Фатрен ускорил шаг, нагоняя чужака. Венчер – или как там его звали – остановился возле большого здания поблизости от центра города. Раньше оно принадлежало Стальному братству. По приказу Фатрена окна и двери забили досками.

– Ваши мечи отсюда? – поинтересовался Венчер.

Помедлив мгновение, Фатрен покачал головой:

– Из особняка.

– Лорд не забрал оружие? – удивился Венчер.

– Мы думаем, он собирался вернуться. Солдаты, которых он тут оставил, в конце концов дезертировали, присоединившись к проходившей мимо армии. Они забрали все, что сумели унести с собой, а мы прибрали оставшееся.

Кивнув, Венчер потер заросший подбородок и в задумчивости уставился на здание, в котором некогда располагалось братство. Дом был высоким и, несмотря на заброшенность – или, возможно, благодаря ей, – смотрелся зловеще.

– Твои люди выглядят хорошо подготовленными. Я этого не ожидал. Кто-нибудь из них участвовал в битвах?

Дрюффель тихо фыркнул, демонстрируя свое мнение по этому поводу: не стоило бы чужаку повсюду совать свой нос.

– Наши люди сражались достаточно, чтобы стать опасными, незнакомец, – ответил Фатрен. – Этот город пыталась захватить банда разбойников. Решили, что мы слабы и нас легко запугать.

Если чужак и расслышал в словах угрозу, то не подал вида – просто кивнул.

– А с колоссами вам драться приходилось?

Фатрен и Дрюффель обменялись взглядами.

– Никто еще не пережил сражения с колоссами, – проговорил наконец Фатрен.

– Окажись это правдой, – не согласился Венчер, – я был бы уже десять раз мертв.

Он повернулся к растущей толпе, в которой были и солдаты, и простые горожане.

– Я научу вас тому, что знаю сам о сражениях с колоссами, но у нас осталось совсем мало времени. Капитаны и командиры отделений должны собраться у городских ворот через десять минут. Рядовым построиться вдоль вала – я обучу командиров и капитанов несколькими приемам, а они потом передадут главное своим людям.

Некоторые солдаты зашевелились, но большинство, к их чести, остались там же, где стояли. Чужака невыполнение приказов как будто бы совсем не оскорбило. Он молча глядел на вооруженную толпу. Испуганным не выглядел, равно как и сердитым или разочарованным. Он выглядел... властным.

– Мой господин, – наконец решился один из капитанов. – Вы... привели на помощь войско?

– Вообще-то, я привел два, – сказал Венчер. – Но дожидаться их некогда. – Он повернулся к Фатрену и посмотрел прямо в глаза. – Ты написал и попросил меня о помощи. И, как твой сеньор, я не смог отказать. Помощь все еще требуется?

Фатрен нахмурился. Не просил он никого о помощи. Он уже открыл рот, чтобы возразить, но осекся:

«Я смогу уступить власть так, что это не будет выглядеть поражением. Мы, конечно, все умрем. Но... я смотрю в глаза этому человеку и почти верю, что у нас есть шанс».

– Удивлен, что вы... прибыли один, мой господин, – неожиданно для самого себя ответил Фатрен.

– Так я и понял. Идем, нам следует обсудить тактику, пока собираются твои солдаты.

– Очень хорошо. – Фатрен шагнул было вперед, но Дрюффель схватил его за локоть.

– Что ты творишь? – прошипел брат. – Ты послал за этим человеком? Не верю.

– Собери солдат, Дрюфф, – отрезал Фатрен.

На мгновение Дрюффель застыл, потом тихо выругался и ушел, гордо выпрямив спину. Не походило, что он собирался повиноваться. Взмахом руки Фатрен приказал заняться этим двум своим капитанам, а разобравшись с проблемой, присоединился к Венчеру. Вдвоем они зашагали обратно к воротам следом за несколькими солдатами, которым чужак дал указание удерживать на расстоянии горожан: Фатрену и Венчеру было о чем поговорить без посторонних ушей.

С неба по-прежнему сыпался черный пепел, усеивая улицу и собираясь на горбатых крышах одноэтажных домов.

– Кто ты такой? – негромко спросил Фатрен.

– Тот, кем назвался, – ответил Венчер.

– Я тебе не верю.

– Но доверяешь.

– Нет. Просто не хочу спорить с алломантом.

– Неплохо для начала, – заметил Венчер. – Послушай, дружище, к твоему городу приближаются десять тысяч колоссов. Тебе сейчас любая помощь будет кстати.

«Десять тысяч?» – подумал Фатрен и оцепенел.

– Я ведь правильно понял: городом руководишь именно ты?

Усилием воли Фатрен справился с потрясением.

– Да, – подтвердил он. – Мое имя Фатрен.

– Очень хорошо, лорд Фатрен, мы...

– Я не лорд.

– Что ж, ты только что им стал. Фамилию выберешь позже. До того как мы продолжим, тебе стоит узнать об условиях получения моей помощи.

– Каких условиях?

– Тех, которые не обсуждаются, – пояснил Венчер. – Если мы победим, ты поклянешься мне в верности.

Нахмурившись, Фатрен остановился посреди улицы. Вокруг сыпался пепел.

– Так вот в чем дело? Ты явился сюда перед битвой, назвал себя как бы верховным правителем и теперь собираешься приписать себе нашу победу в сражении? Почему я должен клясться в верности человеку, которого впервые встретил несколько минут назад?

– Потому что, если ты этого не сделаешь, – негромко проговорил Венчер, – я все равно лишу тебя власти.

И пошел вперед.

Фатрен ненадолго застыл, потом ринулся вперед и догнал Венчера:

– Ну да, я все понял. Даже если мы переживем эту битву, нами все равно будет править тиран.

– Да, – просто сказал Венчер.

Фатрен не ожидал столь прямого ответа.

– Раньше я считал, что все можно делать по-другому. – Венчер покачал головой, глядя на город сквозь завесу падающего пепла. – И все еще верю, что когда-нибудь так и будет. Но сейчас у меня нет выбора. Мне нужны твои солдаты и нужен твой город.

– Мой город? – сдвинув брови, переспросил Фатрен. – Зачем?

– Сначала надо пережить битву, – погрозил пальцем Венчер. – Остальным займемся после.

И Фатрен вдруг с удивлением понял, что действительно доверяет чужаку. Он не мог объяснить, откуда взялось столь странное чувство. Этот человек был из тех, за кем хотелось идти, – лидером, каким Фатрен всегда надеялся стать.

Венчер не ждал, согласится или не согласится на его «условия». Это было не предложение, а ультиматум. Фатрен снова заторопился и догнал Венчера, когда тот уже вышел на маленькую площадь перед городскими воротами. Там сустились солдаты. Они не носили мундиров – единственным отличием капитана от рядового была красная лента, повязанная выше локтя. Венчер дал им немного времени, чтобы собраться: все и так знали, что на город скоро нападут, и пришли бы сюда в любом случае.

– Времени нет, – в очередной раз громким голосом повторил Венчер. – Я мало чему успею вас научить, но даже это может сильно повлиять на исход сражения.

Колоссы разного роста: в самых мелких примерно пять футов, а в настоящих громадинах – почти двенадцать. Но будьте готовы, что даже маленький колосс сильнее любого из вас. К счастью, каждая из этих тварей дерется сама по себе. Ни один колосс никогда не придет на помощь своему товарищу.

Они нападают прямо, не прибегая к вероломству, и стремятся одержать верх при помощи грубой силы. Не давайте им такой возможности! Прикажите своим людям собраться в группы: по двое – на маленького колосса и по трое-четверо – на большого. Удержать большую полосу обороны мы не сможем, но хотя бы выстоим какое-то время.

Пусть вас не заботят твари, которые обойдут нас и ворвутся в город: жителей мы спрячем в самых отдаленных домах, и колоссы, скорее всего, займутся мародерством, позабыв о том, что их собратья продолжают сражаться. Нам только это и нужно! Не гонитесь следом. Ваши семьи не пострадают.

Сражаясь с большим колоссом, бейте его по ногам: сначала повалите, а потом уже пытайтесь убить. Если противник – маленький колосс, остерегайтесь, чтобы копье или меч не застряли в складках его отвислой шкуры. Поймите, колоссы вовсе не глупы – просто они действуют безыскусно. Предсказуемо. Они доберутся до вас самым простым способом и нападут прямо, без всяких ухищрений.

И вот наконец самая важная вещь, которую вы должны понять: их можно победить. Мы это сделаем сегодня. Не позволяйте себя запугать! Сражайтесь согласованно, сохраняйте присутствие духа, и я обещаю: мы выживем!

Речь Венчера не вызвала одобрительных возгласов, но командиры отрядов казались теперь чуть более уверенными в себе. Все разошлись, чтобы передать инструкции своим людям.

Фатрен приблизился к императору:

– Если подсчеты справедливы, на одного нашего придется пять колоссов.

Венчер только кивнул.

– Они больше, сильнее и опытнее нас.

Венчер снова кивнул.

– Тогда мы обречены.

Венчер наконец-то посмотрел на Фатрена и нахмурился; черный пепел покрывал рукава его мундира.

– Вы не обречены. У вас есть то, чего нет у них.

– И что же это?

Их взгляды встретились.

– У вас есть я.

– Мой господин, император! – раздался возглас с вершины земляного вала. – Идут колоссы!

«Они уже зовут первым его», – подумал Фатрен. Он не знал, стоит ли оскорбиться или восхититься случившимся.

Одним прыжком Венчер оказался на вершине вала, преодолев при помощи алломантии огромное расстояние. Большинство солдат пригibasлось и пряталось за укреплениями, хотя враг был еще далеко. Венчер же, выпрямившись во весь рост, стоял в своем белом мундире и вглядывался в горизонт, прикрывая сощуренные глаза ладонью.

– Они разбивают лагерь, – заметил он с улыбкой. – Отлично! Лорд Фатрен, готовьте людей к атаке.

– Атаке? – переспросил Фатрен, едва успевший вскарабкаться следом за Венчером.

– Колоссы устали после перехода и увлечены обустройством на ночлег. У нас не будет лучшей возможности, чтобы напасть.

– Но мы же заняли оборону!

Венчер покачал головой:

– Очень скоро твари разъярятся до умопомрачения. Надо атаковать первыми, а не ждать, пока нас всех перережут.

– И оставить вал без защиты?

– Ваши укрепления впечатляют, лорд Фатрен, но от них никакой пользы. У вас нет достаточного числа солдат, чтобы защитить весь периметр, а колоссы, как правило, выше и решительнее людей. Они просто захватят вал и хлынут в город.

– Но... – начал было Фатрен. И осекся.

Взгляд у алломанта был спокойный, но твердый и выжидающий. Все становилось понятным без слов. «Я теперь тут главный». Больше никаких споров.

– Да, мой господин.

И Фатрен подозвал гонцов, чтобы те передали приказы.

Император молча наблюдал за мальчишками-курьерами, которые ринулись прочь. Среди солдат началось волнение: они не ожидали, что придется идти в атаку. Все новые и новые взгляды устремлялись на Венчера, который с гордо поднятой головой стоял на земляном валу.

«Он и в самом деле выглядит как император», – против собственной воли подумал Фатрен.

Приказы передавались дальше, дальше... Когда уже вся армия смотрела на Венчера, он вытащил меч и поднял его к пепельному небу. Затем с нечеловеческой стремительностью спрыгнул с земляного вала и бросился по направлению к лагерю колоссов.

Секунду-другую он бежал один. Потом, стиснув зубы, к императору присоединился Фатрен. И наконец волной захлестнув укрепления и пронзительно крича, за ними последовали солдаты.

С оружием в руках они бежали навстречу смерти.

* * *

Сила, переданная мне, преобразила мой разум. Понадобилось лишь несколько мгновений, чтобы стали понятны ее природа, ее история и ее предназначение.

Однако знание еще не означало, что я смогу этой силой воспользоваться: не хватало опыта и необходимых умений. К примеру, мне было теперь известно, как передвинуть планету в небе. Но куда же ее поместить, чтобы она не оказалась слишком близко к солнцу или слишком далеко от него?

2

День Тен-Суна начался, как обычно, во тьме. Отчасти потому, что у него не было глаз. Конечно, Тен-Сун мог создать себе парочку: он ведь принадлежал к Третьему поколению, которое считалось старым даже среди кандра, и переварил достаточно трупов, чтобы изучить строение органов чувств и творить интуитивно, не нуждаясь в образце для подражания.

К несчастью, от глаз мало толку – требовался череп. И еще Тен-Сун знал, что большая часть органов не может нормально работать без полноценного тела и без скелета. Его же собственная масса раздавит глаза, стоит лишь неосторожно пошевелиться. Да и вращать ими будет очень сложно.

Тем более на что смотреть? Тен-Сун чуть сдвинулся, меняя форму внутри своей тюремной камеры. Его тело представляло собой грудку полупрозрачных мышц, похожих на скопище соединенных друг с другом больших улиток или слизней, или на тело моллюска. Сосредоточившись, кандра мог растворить одну из мышц и объединить ее с другой или создать что-то новое, однако без подходящего скелета он был почти беспомощен.

Тен-Сун снова пошевелился в своей камере. Его кожа обладала чувствительностью – своеобразным ощущением вкуса и запаха. Прямо сейчас кандра, к примеру, воспринимал смрад собственных экскрементов, покрывавших стены камеры, но не осмеливался отключить это чувство. Связей с внешним миром осталось не так уж много.

«Камера» на самом деле была не более чем каменной ямой, которую сверху прикрывала решетка. Тен-Сун едва в ней помещался. Через решетку тюремщики бросали еду и иногда поливали узника водой, чтобы утолить его жажду и смыть экскременты через маленькое дренажное отверстие в полу. Кандра не смог бы просочиться ни сквозь это отверстие, ни сквозь решетку – даже мышцы невозможно сжимать до бесконечности.

Сколько все это продолжалось, Тен-Сун не знал. Месяцы? Человек бы уже давно сошел с ума, но кандра был наделен Благословением Ясности. Его разум не сдавался с такой легкостью.

Впрочем, иногда узник проклинал Благословение за то, что оно не позволяло погрузиться в блаженное безумие.

«Сосредоточься!»

Даже не имея мозга, Тен-Сун был способен думать. Почему? Вряд ли это понимал хоть один кандра. Разве что Первое поколение? Они наверняка знали больше остальных, но не торопились просвещать своих сородичей.

«Они не могут держать тебя здесь вечно, – мысленно проговорил Тен-Сун. – Первый договор...»

Но он начинал сомневаться в Первом договоре – точнее, в том, что Первое поколение хоть как-то его соблюдало. Только вправе ли Тен-Сун их в чем-то обвинять, если и сам он нарушил обязательства? Пошел против воли хозяина, помог другому человеку. Предательство привело к смерти того, с кем он заключил Договор.

И даже столь постыдное деяние было лишь самым малозначительным из преступлений Тен-Суна. За нарушение Договора полагалась смерть, и если бы он не успел больше ничего натворить, собраты убили бы его, и дело с концом. К несчастью, на кону стояло нечто намного

более важное. Показания Тен-Суна – его допрашивало Второе поколение без свидетелей – выявили куда более серьезный и опасный промах.

Тен-Сун выдал тайну своего народа.

«Они не смогут меня казнить, – думал он, сосредотачиваясь на этой мысли. – По крайней мере, до тех пор, пока не узнают, кому я рассказал».

Тайна. Самое ценное.

«Я погубил всех. Весь свой народ. Мы снова станем рабами. Нет, мы уже рабы. Мы станем куклами, которыми будут управлять чужие разумы. Нас захватят и используют, и наши собственные тела уже не будут нам принадлежать».

Вот что он наделал, вот к чему могли привести его действия. Он заслужил заточение и смерть. И все же хотел жить. Он должен был презирать самого себя. Но почему-то казалось, что его поступок являлся единственно верным.

Тен-Сун снова изменил форму: клубок скользких мышц пришел в движение и вдруг застыл, не закончив трансформацию. В камне ощущались вибрации. Кто-то приближался.

Перестроившись, кандра растопырился по всей тюремной яме так, что в середине тела образовалось углубление. Предстояло поймать всю пищу до последней капли – кормили узника совсем скудно. Однако никто не стал лить на него похлебку. Тен-Сун все ждал и ждал, когда решетка вдруг открылась. У него не было ушей, но он чувствовал вибрацию, которая сопровождала движения наверху: грубую железную решетку оттащили в сторону, бросили...

«Что?»

В мышцы впились крючья и, вспарывая плоть, потащили тело из ямы. Было очень больно. Не только из-за крючьев, но еще и из-за внезапного ощущения свободы, когда его швырнули на пол. Против собственной воли Тен-Сун ощутил вкус грязи и засохшей похлебки. Мышцы дрожали, отсутствие каменных стен казалось удивительным, и он потянулся, двигаясь в направлениях, о которых почти забыл.

Потом в воздухе появился новый запах. Кислота. Густая и жгучая, должно быть, в позолоченном изнутри ведре, которое принесли с собой тюремщики. Они все-таки собирались его убить.

«Но они не посмеют! Первый договор, закон нашего народа – это...»

Что-то упало. Не кислота – что-то твердое. Тен-Сун нетерпеливо прикоснулся к незнакомому предмету, мышцы двигались одна за другой, ощущая, изучая, пробуя на вкус. Предмет был круглым, с отверстиями и кое-где казался острым... Череп.

Вонь кислоты усилилась. Ее размешивали? Тен-Сун быстро вобрал в себя и заполнил череп. В особом внутреннем кармане хранился небольшой запас растворенной плоти. Этим запасом узник и воспользовался, чтобы быстро покрыть череп кожей. Потом сосредоточился на легких, создал язык... Действовал с отчаянием, потому что кислота воняла все сильнее...

Боль. Мышцы на боку обожгло, часть тела растворилась. Видимо, Второе поколение отчаялось разузнать его секреты. Однако перед тем, как убить, приговоренному были обязаны дать возможность высказаться. Так гласил Первый договор – вот для чего потребовался череп. Но стражам явно приказали покончить до того, как Тен-Сун успеет сказать хоть что-нибудь в свою защиту. Следуя букве закона, исполнители в то же самое время игнорировали его дух.

Однако им было невдомек, насколько быстрым может быть Тен-Сун. Лишь немногие кандра провели столько же времени, исполняя Договоры, сколько он: все Второе поколение и большая часть Третьего давным-давно отошли от дел и жили, не зная невзгод, в Обиталище.

Такая жизнь ничему не учит.

Большинству кандра требовались часы, чтобы создать тело, а у молодых на это уходили дни. Тен-Суну понадобилось несколько секунд, чтобы сформировать подобие языка. Пожираемый кислотой, он из последних сил сотворил трахею, наполнил воздухом легкое и прохрипел единственное слово:

– Справедливости!

Кислоту лить тут же перестали, но тело продолжало гореть. Превозмогая боль, Тен-Сун создал в полостях черепа простейшие слуховые органы.

– Дурак! – прошептал поблизости чей-то голос.

– Справедливости! – повторил Тен-Сун.

– Прими смерть, – прошипел другой. – Не пытайся навредить нашему народу еще больше, чем успел до сих пор. Первое поколение даровало тебе возможность умереть, памятуя о твоих дополнительных годах службы!

Тен-Сун замер. Суд будет публичным. До сих пор о его предательстве знало лишь несколько избранных. Он мог умереть позорной смертью Нарушителя Договора, но сохранить хоть какое-то подобие уважения за свои былые заслуги. Где-то рядом – скорее всего, в какой-нибудь из ям по соседству – находились обреченные на вечное заточение, пытку, которая способна сломать даже разум того, кто наделен Благословением Ясности.

Хотел ли Тен-Сун пополнить их ряды? Открыв свои деяния на общем собрании, он получит вечность, полную боли. Требовать суда было глупостью, поскольку отсутствовала всякая надежда на оправдание. Признание решило его судьбу.

Если он заговорит, то не ради того, чтобы защититься. Причина заключалась совсем в другом.

– Справедливости! – повторил Тен-Сун на этот раз едва различимым шепотом.

* * *

Надо признаться, обладание таким могуществом в некотором смысле меня изрядно ошеломило. Чтобы понять его, потребовались бы тысячелетия. Это сделало бы переделку мира куда более легкой задачей. Опасность, таившаяся в моем невежестве, была очевидной. Ребенок, наделенный невероятной силой, может легко сломать свою игрушку, а моей игрушкой оказался целый мир, поэтому исправить сломанное представлялось совершенно невозможным.

3

Эленд Венчер, второй император Последней империи, не родился воином – он родился аристократом. Во времена Вседержителя это означало, что главным образом Эленд был профессиональным светским львом. Юность он провел, обучаясь легкомысленным играм Великих домов, и жизнь имперской элиты его избаловала.

Неудивительно, что в итоге Эленд стал политиком. Он всегда интересовался политической теорией и знал, что однажды возглавит свой Дом, хотя являлся в большей степени мыслителем, чем настоящим государственным деятелем. Поначалу хорошего короля из него не вышло. Эленд не понимал, что от правителя требуются не только хорошие идеи и честные намерения. Требуется намного больше.

«Сомневаюсь, что ты когда-нибудь станешь тем правителем, который способен возглавить атаку на врага, Эленд Венчер» – эти слова Тиндвил, террисийской хранительницы, которая обучала его практической политике, император вспомнил их, когда его солдаты ворвались в лагерь колоссов, и улыбнулся.

Он воспламенил пьютер. В груди немедленно разлилось тепло, и мышцы налились силой. Эленд не так давно стал алломантом, и временами это все еще приводило в трепет.

Как он и предсказывал, нападение застало колоссов врасплох. Они не могли не заметить приближение противника, но отреагировали не сразу. Неожиданности всегда сбивали колоссов с толку. Им было трудно осознать, что малочисленная группа слабых людишек бросилась в атаку на их лагерь. Для этого требовалось время.

Войско Эленда должным образом воспользовалось форой. Продолжая разжигать пьютер, император одним ударом сразил первого колосса. Тварь попала из мелких, со свисающей складками синей кожей, которая словно и не прилегала к мышцам. Когда Эленд вытащил меч из груди существа, в красных глазках-бусинках отразилось некое подобие удивления.

– Быстрее! – закричал Эленд, когда у походных костров, где собрались колоссы, началось волнение. – Убейте как можно больше, пока они не разъярились!

Солдаты – испуганные, но отчаянные – ринулись в атаку. «Лагерь» был на самом деле не более чем участком земли, где колоссы затоптали пепел и растения, а потом выкопали ямы для костров. Заметив, что первые успехи вселили в людей уверенность, Эленд разжег ее при помощи алломантии, сделав их храбрее. Он еще не приноровился использовать металлы так, как это делала Вин, но в эмоциях знал толк.

Фатрен, дюжий предводитель городского ополчения, держался рядом с императором, и вдвоем они повели группу солдат на большую стаю колоссов. Эленд старался не упускать его из вида: Фатрен являлся правителем этого маленького города, и его смерть подкосила бы боевой дух. Вместе они стремительно набросились на нескольких потрясенных колоссов. Самый крупный из них достигал почти одиннадцати футов, и некогда свободно свисавшая шкура была теперь туго натянута. Колоссы никогда не переставали расти, но кожа у них оставалась все того же размера. На молодых тварях она свисала складками – на более зрелых натягивалась и трескалась.

Эленд зажег сталь, бросил перед собой горсть монет и толкнул их всем весом в направлении колоссов. Конечно, сразить столько выносливых противников обычными монетами было практически невозможно, но кусочки металла все же ранили и в какой-то степени ослабляли.

Часть монет еще находилась в полете, когда Эленд ринулся в атаку на большого колосса. Тварь выхватила из-за плеча огромный меч, встречая врага с явным ликованием.

Колосс ударил первым. Его меч, больше напоминавший дубину, описал необыкновенно широкую дугу; поднялся ветер. Эленду пришлось отпрыгнуть: отразить такой выпад не помог бы даже пьютер. И колосс оказался слишком тяжелым, чтобы попытаться выбить оружие из его лап. Толкать с помощью стали можно было, лишь принимая во внимание вес и силу. Если бы Эленд толкнул что-то тяжелее самого себя, его бы просто отбросило.

Поэтому император лишь увернулся от удара, следя за тем, чтобы не попасть под следующий. Однако тварь еще не разъярилась как следует и пока больше не атаковала.

«Что я тут делаю? – уже далеко не в первый раз подумал Эленд. – Я ученый, а не воин».

Время от времени на него нападали сомнения: тот ли он человек, который должен вести за собой людей? Впрочем, следом всегда приходило понимание, что он слишком много думает. Пригнувшись, император бросился вперед. Колосс предвидел маневр и попытался снести человеку голову. Эленд, однако, рванул за меч другого колосса, отчего тварь потеряла равновесие и двое солдат смогли ее прикончить, а самого Эленда бросило в сторону, и он едва успел уйти из-под оружия противника. Резко повернувшись, Эленд сильнее разжег пьютер и нанес удар сбоку: перерубил ногу чудища в колене, и колосс рухнул на землю.

Вин всегда говорила, что алломантические способности Эленда необычайно сильны. Сам он, поскольку еще не имел достаточно опыта, в этом сомневался, но сила собственного удара и впрямь заставила его пошатнуться. Однако Эленд сумел сохранить равновесие и отрубил твари голову.

Белый мундир покрылся яркими пятнами крови – крови колосса. Не впервой. Эленд глубоко вздохнул и услышал, как по лагерю разносятся нечеловеческие вопли. Приближалось кровавое бешенство.

– Построиться! – закричал император. – Держать строй, не покидать ряды, приготовиться к атаке!

Солдаты повиновались медленно. Они были обучены куда хуже, чем войско, к которому привык Эленд, но все же под его командованием действовали неплохо. Император оглядел раскинувшееся перед ними поле боя. Они сумели уложить несколько сотен колоссов – невероятный успех.

Но на этом простая часть закончилась.

– Держитесь крепче! – Эленд побежал вдоль первого ряда своих солдат. – Не прекращайте сражаться! Мы должны прикончить как можно больше врагов, и как можно быстрее! От этого зависит все! Покажите им, на что вы способны в гневе!

Он зажег латунь и надавил на их чувства, погасив страх. Алломант не мог контролировать мысли – по крайней мере, человеческие, – но ему было вполне по силам разжечь одни эмоции и притушить другие. И в этом Вин тоже видела особенность Эленда, который мог воздействовать на гораздо большее количество людей, чем это представлялось возможным. Неудивительно: он приобрел свои силы недавно и подозревал, что прямоком из того же источника, что и самые первые алломанты.

Под влиянием гашения солдаты воспрянули духом. Эленд вновь ощутил огромное уважение к этим простым скаа. Он наделил их отвагой и уменьшил их страх, но решимость была их собственная. Хорошие люди.

Если повезет, он сумеет кого-то из них спасти.

Колоссы атаковали. Как и предполагал император, большая группа тварей покинула главный лагерь и ринулась к городу. Некоторые из солдат закричали, но никто не побежал следом:

им приходилось обороняться, защищая собственные жизни. Эленд бросался вперед, как только видел в рядах воинов слабое место, закрывая собой любую брешь. Всякий раз он разжигал латунь и пытался овладеть эмоциями ближайшего колосса.

Ничего не получалось. Твари сопротивлялись эмоциональной алломантии, особенно если ими уже управлял кто-то другой. Однако если Эленду все-таки удавалось проломить защиту, разум чудовищ переходил под его контроль полностью. Для этого требовались время, удача и готовность к неустанной борьбе.

И Эленд боролся. Он дрался рядом с простыми солдатами, видел, как они умирают, убивал колоссов и пытался удержать первую линию сражающихся полукругом, чтобы остальное войско не оказалось окружено врагами со всех сторон. Но битва все равно была жестокая. Все больше колоссов впадали в безумие, бросались на людей, и удача довольно быстро отвернулась от солдат Эленда. Колоссы продолжали сопротивляться его эмоциональному давлению. Нужно было продержаться еще немного...

– Мы обречены! – выкрикнул Фатрен.

Эленд обернулся и с некоторым удивлением отметил, что лорд-здоровяк все еще жив и по-прежнему держится рядом. Солдаты продолжали сражаться. Прошла только четверть часа с момента, когда колоссы начали безумствовать, но ряды воинов заметно поредели.

В небе появилось пятнышко.

– Ты повел нас на смерть! – продолжал кричать Фатрен. Он был покрыт кровью колоссов, а на плече, похоже, было пятно его собственной крови. – За что?

Вместо ответа Эленд указал на небо. Пятнышко увеличивалось в размерах.

– Что это? – спросил Фатрен в бушевавшем вокруг них хаосе битвы.

Эленд улыбнулся:

– Первое из тех войск, что я тебе обещал.

* * *

Вин упала с неба посреди вихря из подков и приземлилась точно в центре армии колоссов.

Не мешкая, она алломантическим толчком направила пару подков на подвернувшегося колосса. Одна – ударила тварь в лоб, опрокинув на землю; другая – пронеслась над головой и врезалась в другое чудище. Вин повернулась и бросила еще одну подкову, которая пролетела мимо большого колосса и сбила с ног его менее крупного собрата.

Затем Вин зажгла железо, притянула подкову назад, зацепив руку большого колосса. Тотчас же алломантическая сила потащила ее к чудовищу, а его выбила из равновесия. Массивный железный меч колосса упал на землю, когда Вин ударила противника в грудь. Оттолкнувшись от упавшего оружия, Вин прыгнула и, перевернувшись в воздухе, ушла из-под меча другого колосса.

Взмыла вверх футов на пятнадцать. Нападавший промахнулся и снес голову одному из своих братьев, но даже этого не заметил. Он следил за полетом Вин, и взгляд его налитых кровью глаз был исполнен ненависти.

Вин притянула упавший меч, и тот полетел к ней, одновременно потянув своим весом вниз. В падении поймав меч – он был почти такой же длинный, как сама Вин, но пьютер позволил легко справиться с громадной штуковиной – и едва коснувшись земли, рожденная туманом отсекала руку нападавшему колоссу.

Потом перерубила противнику колени и, бросив умирать, повернулась к новым. Как обычно, все действия Вин вызывали у колоссов что-то вроде извращенного, дикого восхищения. Для них размер и опасность были связаны напрямую, поэтому молодая женщина двадцати

лет от роду, едва ли пяти футов ростом и изящная, словно ива, казалась совершенно непостижимой угрозой. Но колоссы видели, как она убивает, и это их притягивало.

Вин не возражала.

Нападая, она закричала лишь для того, чтобы на слишком тихом поле битвы раздался хоть какой-то звук. Колоссы, достигая пика ярости, замолкали, полностью сосредотачиваясь на убийствах. Бросив через плечо горсть монет, Вин рванулась вперед, притягивая себя к мечу.

Колосс впереди споткнулся. Рожденная туманом приземлилась ему на спину и атаковала тварь, находившуюся рядом. Противник упал, а Вин пронзила мечом колосса, которого использовала в качестве опоры, и бросилась в сторону, притягивая себя к мечу умирающего чудовища. Поймала меч, поразила им третьего врага и бросила, словно огромную стрелу, в четвертого. Отдача от броска позволила увернуться от атаки. Вытащив меч из спины раненого колосса, Вин одним плавным ударом разрубила ключицу и грудную клетку пятого монстра.

Приземлившись, Вин огляделась. Вокруг замертво падали колоссы.

Нет, она больше не была воплощением ярости и ужаса – Вин переросла такие вещи. Она видела, как умирал Эленд – умирал у нее на руках, – и знала, что сама позволила этому случиться, полностью осознавая последствия своего поступка.

И все-таки он выжил. Каждый его вздох был неожиданным и, возможно, незаслуженным подарком. Когда-то Вин приводила в ужас одна лишь мысль о том, что она может подвести Эленда. Но теперь ее в какой-то степени успокаивало то, что она не могла удержать его от рискованных действий. И не хотела удерживать.

Теперь Вин сражалась без страха за любимого. Сражалась с умом. Она была ножом – ножом в руке Эленда, ножом Последней империи. Дралась не за одного человека, а за тот образ жизни, который он создал, за народ, который он так отчаянно хотел защитить.

Основой ее силы стала умиротворенность.

Колоссы умирали вокруг, и брызги их алой крови – слишком яркой для человекоподобных существ – наполняли воздух. Войско в десять тысяч – слишком огромное даже для Вин. Однако ей и не нужно было перебить всех монстров до единого.

Необходимо было лишь напугать.

Предположения о том, что колоссы не испытывают страха, оказались ошибочными. Вин видела, как он прячется под маской неудовлетворенности и ярости, становясь все сильнее и сильнее. Колосс напал – Вин увернулась с проворством, которое даровал пьютер. Вонзила меч в спину противника, оглянулась и увидела, как сквозь толпу монстров к ней продвигается громаднейшая тварь.

«Великолепно...»

Существо оказалось огромным – наверное, самым крупным из всех, что попадались Вин. В нем было почти тринадцать футов роста. Оно уже давно должно было умереть от остановки сердца, разорванная шкура свисала большими лоскутами.

Рев колосса эхом раскатился над странно тихим полем битвы. Вин улыбнулась и подожгла дюралюминий. В тот же миг пьютер, уже горевший внутри нее, взорвался и породил мощную волну силы. Дюралюминий, когда его использовали вместе с другими металлами, усиливал их, заставлял выгорать в одной яркой вспышке, отдавая при этом всю свою силу разом.

Вин зажгла сталь и толкнула сразу во всех направлениях. Усиленный дюралюминием алломантический толчок обрушился на бегущих к ней колоссов. Мечи вылетали из рук, сами твари падали, и их массивные тела разбрасывало, словно хлопья пепла, под кроваво-красным солнцем. Вин удержалась на ногах только благодаря дюралюминию и пьютеру.

Пьютер и сталь выгорели без остатка. Вытащив маленький флакон с жидкостью – то был спиртовой раствор с хлопьями металлов, – Вин осушила его одним глотком, восстанавливая запасы. Затем зажгла пьютер и, перепрыгнув через упавших дезориентированных колоссов, направилась к громадному существу, которое заметила чуть раньше. Маленький колосс попы-

тался ее остановить, но Вин поймала его запястье и одним движением сломала сустав. Забрала его меч, увернулась от атаки другого колосса и, размахнувшись, повалила сразу троих, перерубив им колени.

Завершив маневр, рожденная туманом вонзила меч острием в землю. Секундой позже атаковал тринадцатифутовый колосс – от его огромного меча загудело в воздухе. Даже при помощи пьютера Вин не смогла бы отразить столь страшный удар. Но оружие колосса ударилось о лезвие меча, который был воткнут в землю. Металл завибрировал в руках, но Вин устояла на ногах.

Затем отпустила рукоять меча – пальцы все еще болели от сильнейшей отдачи – и прыгнула. Не отталкиваясь – в этом не было нужды, – приземлилась на крестовину меча и оттуда взмыла в воздух. На лице колосса появилось уже знакомое удивление: он следил, как хрупкая фигурка в облаке развевающихся лент туманного плаща поднимается футов на тринадцать, заноса ногу для удара.

Вин пнула противника прямо в висок – череп треснул. Колоссы отличались нечеловеческой выносливостью, но против полыхающего пьютера ее было недостаточно. Маленькие глазки существа закатились, и оно грохнулось на землю. Вин чуть-чуть оттолкнулась от его меча, удержавшись в воздухе несколько лишних мгновений, чтобы можно было приземлиться прямо на грудь поверженного врага.

Колоссы вокруг застыли. Даже в разгар кровавого бешенства они были шокированы тем, что кому-то удалось расправиться одним лишь пинком с таким громадным чудищем. Возможно, их разумы работали слишком медленно, чтобы осознать увиденное. Или, быть может, они способны были испытывать не только страх, но и некое подобие осторожности. Вин не знала наверняка. В обычном войске колоссов того, что она только что сделала, было бы достаточно для завоевания покорности всех тварей, которые следили за происходящим.

К несчастью, это войско контролировалось извне. Вин стояла в гордом одиночестве, наблюдая, как в некотором отдалении бился маленький отряд Эленда. Под его руководством они еще держались. Сражавшиеся люди оказывали на колоссов то же воздействие, что и загадочная сила Вин: твари не понимали, как столь слабые существа могут им противостоять. Они не замечали, что войско людей несет потери и его положение постепенно ухудшается; они просто видели, что маленькая армия продолжает сражаться.

Вин снова вошла в битву. Колоссы приближались с опаской, но все-таки приближались. В этом заключалась еще одна странность колоссов. Они никогда не отступали. Боялись, но не действовали так, как велел им страх. Он мог лишь ослабить их. Вин ощущала это в их движениях, в их взглядах. Противники были почти сломлены.

Поэтому она зажгла латунь и направила алломантический толчок на эмоции одного из колоссов поменьше. Сначала он сопротивлялся. Вин надавила сильнее. Наконец что-то внутри твари сломалось. Тот, кто управлял колоссом, находился слишком далеко, и ему требовалось удерживать слишком многих сразу, а разум твари пребывал в смятении от ярости; это были его собственные эмоции, поэтому он оказался во власти Вин.

Она тотчас же приказала напасть на своих соратников. Колосса убили спустя минуту, но за это время он успел прикончить уже двоих. Продолжая сражаться, Вин перехватила контроль над другим колоссом, потом над еще одним. Она выбирала жертвы случайным образом, отвлекая противников ударами своего меча, и постепенно перетаскивала их на свою. Вскоре вокруг Вин воцарился хаос, и в этом хаосе часть существ сражалась за нее. Когда кто-то из них умирал, она заменяла его двумя другими.

В пылу битвы Вин успевала бросать взгляды на отряд Эленда и с облегчением замечала, что и там многие колоссы дерутся теперь против своих. Сам Эленд уже не сражался, а полностью сосредоточился на том, чтобы переманивать на свою сторону колоссов. Он рисковал,

отправляясь сюда в одиночку, и Вин до сих пор не знала, как следует к этому относиться. Но сейчас она просто радовалась, что успела вовремя.

Следуя примеру Эленда, Вин перестала драться и занялась своим маленьким войском, пополняя его раз за разом. Вскоре на ее стороне сражалась уже сотня колоссов.

«Еще немного», – подумала она.

Действительно, вскоре в небе появилась черточка, не имевшая отношения к пепельному снегопаду. Она приближалась, быстро увеличиваясь в размерах, и наконец превратилась в облаченную в темные одеяния фигуру, которая пронеслась над войском колоссов, отталкиваясь от их мечей. Вновь прибывший был высокого роста, лицо его покрывали татуировки. В свете полуденного солнца, приглушенном пеплом, Вин могла разглядеть два толстых штыря в его глазницах. С этим Стальным инквизитором они еще не встречались.

Он ударил жестоко, сразив украденного Вин колосса парой обсидиановых топоров. Безглазое лицо обратилось к рожденной туманом, и она против собственной воли ощутила всплеск паники. Перед ее внутренним взором промелькнули яркие картины прошлого. Темнота, дождь, мелькание теней. Шпили и башни. Боль в боку. Долгая ночь, проведенная в темнице во дворце Вседержителя.

Кельсер, Выживший в Хатсине, умирает посреди лютадельской улицы.

Вин зажгла электрум. Это создало вокруг нее облако теней, отражений того, что она могла бы сделать в будущем. Электрум – алломантический напарник золота. Эленд как-то назвал его «атиум бедняка». Он влиял на битву лишь тем, что делал невосприимчивым к атиуму, если у инквизитора таковой имелся.

Стиснув зубы, Вин метнулась вперед, в то время как армия колоссов расправлялась с ее последними заемными солдатами. Прыгнула. Чуть оттолкнулась от упавшего меча и позволила инерции нести себя к инквизитору. Грозный призрак поднял свои топоры, замахнулся, но в последний момент Вин вильнула в сторону. Алломантическое притяжение выдержало меч из рук колосса – Вин поймала его и направила на инквизитора.

Инквизитор оттолкнул массивный металлический клин, не удостоив его и взглядом. Выживший в Ямах Хатсина победил однажды такого врага, но ему пришлось изрядно потрудиться. А спустя несколько мгновений уже сам Кельсер пал от руки Вседержителя.

«Хватит воспоминаний! – приказала себе Вин. – Сосредоточься!»

Взметнув облако пепла, она закружилась в воздухе, все еще во власти алломантического отталкивания от меча. Приземлилась, скользя по земле, пропитанной кровью колоссов, и метнулась к инквизитору. Вин намеренно выманила его из укрытия, убивая колоссов и перехватывая контроль над ними, заставила открыться. Теперь предстояло его одолеть.

Рожденная туманом выхватила стеклянный кинжал – меч колосса инквизитор бы оттолкнул при помощи алломантии – и зажгла пьютер. Скорость, сила и равновесие. К несчастью, у инквизитора тоже был пьютер, что уравнивало их возможности.

За одним исключением: у инквизитора имелось слабое место. Увернувшись от топора, Вин, чтобы двигаться быстрее, потянула за меч колосса, потом оттолкнулась от того же самого меча и бросилась вперед, целясь инквизитору в шею. Тот отбил кинжал одним взмахом, однако второй рукой Вин схватила его за воротник просторного одеяния.

Она зажгла железо и повлекла себя назад, дернув разом за добрый десяток мечей колоссов. Внезапное алломантическое тяготение потащило ее прочь от инквизитора. Алломантические силы притяжения и отталкивания проявлялись резко, грубо, в них хватало мощи, но почти не было изящества. Разжигая пьютер, Вин повисла на робе инквизитора, который удерживал себя на месте, притягиваясь к мечам стоявших впереди колоссов.

Ткань поддалась, шов разошелся, и в руках у Вин остался кусок одеяния инквизитора. На обнажившейся спине она предполагала увидеть один-единственный штырь, похожий на те, что находились в глазницах. Однако штырь прикрывала металлическая пластина, которая

защищала не только спину инквизитора, но и грудь. Он был словно черепаха в блестящем панцире.

Инквизитор с улыбкой повернулся к Вин, и она невольно выругалась. Спинной штырь, сидевший у каждой такой твари между лопаток, и являлся их слабостью. Чтобы убить любого инквизитора, достаточно вытащить штырь. Оттого и появился панцирь, использование которого, как подозревала Вин, Вседержитель наверняка запрещал. Он хотел, чтобы у его слуг были слабые места: а иначе как ими еще управлять?

Поскольку колоссы продолжали атаковать, времени на размышления не оставалось. Стоило Вин приземлиться и отбросить лоскут, оторванный от робы инквизитора, как на нее тотчас же понеслось большое синее кожное чудовище. Вин подпрыгнула и, оказавшись над мечом, оттолкнулась от него алломантией, чтобы подняться еще выше. Инквизитор бросился следом.

Вин летела над полем битвы, посреди вихрящегося в воздухе пепла, пытаясь сосредоточиться. Другой известный ей способ убить инквизитора подразумевал, что его надо обезглавить. Учитывая, что тварь использует пьютер, задача была простой лишь в теории.

Вин опустилась на одинокий холм в стороне от сражения. Позади с гулким звуком ударился о покрытую пеплом землю инквизитор. Рожденная туманом увернулась от лезвия топора, попыталась подобраться ближе, чтобы ударить, но инквизитор взмахнул вторым топором и задел ее руку, хотя сам удар Вин удалось отбить кинжалом.

Теплая кровь потекла по запястью. Кровь цвета красного солнца. Вин зарычала, устремив взгляд на противника, в чьем облике не было ничего человеческого. Улыбка инквизитора выводила ее из себя. Вин бросилась вперед, чтобы ударить снова.

Что-то сверкнуло.

Быстрое движение алломантических голубых лучей предупредило ее о приближающихся кусочках металла. Вин едва успела отпрыгнуть в сторону, как горсть монет обрушилась на инквизитора, пронзая его тело в десятке разных мест.

Тварь, застигнутая врасплох, повернулась и закричала, а на холм опустился Эленд. Его сверкающая белая униформа испачкалась сажей и кровью, но лицо было чистым, а глаза сияли. В одной руке он сжимал дуэльную трость – другой упирался в землю, удерживая равновесие после стального прыжка. Его алломантии все еще не хватало изящества.

Да, он стал рожденным туманом, как и Вин. И теперь инквизитор был ранен. Колоссы уже собирались у подножия холма, продираясь к вершине, но у Вин и Эленда еще оставалось несколько мгновений. Занося кинжал, она рванулась вперед; Эленд также атаковал. Инквизитор, пытаясь уследить за двумя противниками сразу, наконец-то перестал улыбаться. Подался назад, собираясь отпрыгнуть.

Эленд бросил монету. Кусочек металла одиноко блеснул среди хлопьев пепла. Заметив это, инквизитор снова улыбнулся, явно ожидая от Эленда алломантического толчка. Тварь рассчитывала приложить к монете собственный вес, столкнув его с весом Эленда. Алломантов примерно одной массы отбросило бы назад: инквизитора – на Вин, а Эленда – на колоссов.

Только инквизитор понятия не имел, насколько мощной алломантией владеет Эленд. Да и откуда он мог знать? Эленд лишь зашатался, а вот его противника ударило сильнейшей алломантической отдачей и швырнуло спиной вперед.

«До чего же он силен!» – подумала Вин, глядя, как падает застигнутый врасплох инквизитор.

Эленд был необычным алломантом: возможно, он еще не научился как следует распоряжаться своими возможностями, но, разжигая металл для алломантического толчка, он толкал по-настоящему.

Вин ринулась на инквизитора, не давая ему времени прийти в себя. Тот схватил ее за руку и заставил выронить кинжал. От железной хватки раненое предплечье обожгло болью. Вин закричала – инквизитор отшвырнул ее в сторону.

Рожденная туманом ударилась о землю, перекатилась и заставила себя вскочить. Голова кружилась, но Вин следила за тем, как Эленд замахивается на инквизитора дуэльной тростью. Противник подставил под удар предплечье – дерево разлетелось в щепки, – а потом метнулся вперед и локтем ударил Эленда в грудь. Император охнул от удара.

Оттолкнувшись от находившихся теперь всего в нескольких футах колоссов, Вин снова полетела к инквизитору. Она потеряла кинжал, но и тварь осталась без своих топоров. Инквизитор смотрел туда, где лежит потерянное оружие, но Вин не позволила ему приблизиться к этому месту. Обхватив его, она попыталась повалить противника на землю, но, физически более сильный, инквизитор отбросил ее в сторону – от удара у Вин вышибло воздух из легких.

Колоссы были уже практически рядом. Но Эленд подобрал один из упавших топоров и замахнулся на инквизитора.

Тот уклонился с внезапным проворством. Он двигался так быстро, что превратился в размытое пятно, и топор рожденного туманом рассек воздух. Потрясенный, Эленд повернулся навстречу своему врагу, который теперь надвигался, держа в руках не топор, а странного вида металлический штырь – почти такой же, как штыри в его собственном теле, но более гладкий и длинный. Тварь приближалась, замахиваясь новым оружием, с нечеловеческой скоростью, слишком быстро даже для алломанта.

«Это не вспышка пьютера, – подумала Вин. – И даже не дюралюминий».

Не спуская глаз с инквизитора, она с трудом поднялась. Тот уже двигался с обычной скоростью, но все еще находился у Эленда за спиной и мог в любой момент нанести удар. Вин была слишком далеко, чтобы помочь.

Зато совсем рядом были враги – на склоне холма, всего в нескольких футах от Эленда и его противника. В отчаянии Вин разожгла латунь и перехватила эмоции ближайшего к инквизитору монстра. И в тот момент, когда противник атаковал Эленда, ее колосс повернулся и своим клинообразным мечом ударил инквизитора по лицу.

Удар не отделил голову от тела – он ее полностью раздавил. Этого оказалось достаточно, потому что инквизитор без единого звука упал на землю и больше не двинулся.

По войску колоссов словно пробежала волна.

– Эленд! – закричала Вин. – Давай!

Император отвернулся от умирающего инквизитора, и она увидела на лице мужа сосредоточенное выражение. Когда-то Вин довелось поглядеть на Вседержителя, который подчинил себе целую площадь народа при помощи эмоциональной алломантии. Он был сильнее, чем она, и даже намного сильнее Кельсера.

Вин не могла видеть, как Эленд поджигает сначала латунь, а потом дюралюминий, но она это почувствовала. Почувствовала, как волна его силы, которой подчинились тысячи колоссов, давит и на ее собственные эмоции. Битва прекратилась. Поодаль Вин увидела потрепанные остатки крестьянской армии Эленда – измученные, окруженные мертвыми телами. Пеплопад продолжался. В последнее время он почти не останавливался.

Колоссы сложили оружие. Эленд победил.

* * *

Думаю, именно это и произошло с Рашеком. Он перестарался. Попытался выжечь туман, передвинув планету слишком близко к солнцу, и мир стал чересчур жарким, чтобы люди могли в нем выжить.

С задачей Рашек справился при помощи Пепельных гор. Ему стало ясно, что перемещать планету туда-сюда следует с изрядной осторожностью, и потому поступил иначе: вызвал извержение вулканов, из-за которого воздух

*наполнился пеплом и дымом. Щит из пепла уберег планету от излишков
солнечного тепла, а само солнце из-за него сделалось красным.*

4

Сэйзед, верховный посол Новой империи, изучал лежавший перед ним лист бумаги: «Догматы канзи. О красоте, бренности, важности смерти и предназначении человеческого тела, несущего частицу божественной целостности».

Эти слова террисиец собственной рукой скопировал из одной из своих ферухимических метапамятей, где хранились тысячи и тысячи книг. Под заголовком мелким почерком были изложены основные принципы религии народа канзи. Написанное занимало большую часть листа.

Откинувшись на спинку кресла, Сэйзед в очередной раз перечитывал свои заметки. В догматы этой религии он вникал вот уже целый день и теперь хотел окончательно с ней определиться. Еще до начала работы хранитель многое знал о верованиях канзи, потому что изучал ее – вместе с другими религиями, существовавшими до Вознесения, – большую часть своей жизни. Религии были его страстью, целью всех его изысканий.

А потом настал день, когда Сэйзед понял, что подобные знания бессмысленны.

«Религия канзи противоречит сама себе, – записал он на полях, наконец-то приняв решение. – Она утверждает, что все живые существа являются частями „божественной целостности“, и подразумевает, что каждое тело представляет собой шедевр, созданный духом, который хочет жить в этом мире.

Однако один из канонов той же конфессии гласит, что зло всегда будет наказано ущербным телом».

Сэйзед считал это отвратительным. Рожденные с физическим или душевным недостатком заслуживали сочувствия и, быть может, жалости, но не презрения. Кроме того, какую же из идей данной религии следовало считать истинной? Что духи вольны были выбирать и создавать себе тела или что тела им доставались в наказание? А как быть с наследственным влиянием на характер или внешность ребенка?

Кивнув самому себе, хранитель сделал примечание в нижней части страницы: «Логически непоследовательно. Без сомнения, неверно».

– Что ты там пишешь? – поинтересовался Бриз.

Террисиец поднял глаза. Расположившись за маленьким столиком, Бриз потягивал вино и ел виноград. Его наряд, как всегда роскошный, включал темный сюртук, ярко-красный жилет и дуэльную трость, которой Бриз любил размахивать во время разговора. Он похудел во время осады Лютадели и того, что за ней последовало, но потом снова набрал вес и теперь стал таким же дородным, как раньше.

Аккуратно вложив лист в матерчатую папку, где уже была почти сотня других таких же листов, Сэйзед завязал шнурки:

– Ничего особенного, лорд Бриз.

– Ничего особенного? – Бриз отпил вина. – Ты все время возишься с этими бумагами. Как только выдается свободная минутка, ты тут же их вытаскиваешь.

Террисиец положил папку рядом со своим креслом. Как объяснить? Каждый лист содержал описание одной из трех сотен разных религий, сведения о которых собирали хранители. Все до единой религии были теперь, как говорится, «мертвы», поскольку Вседержитель уничтожил их почти сразу же после начала своего владычества, около тысячи лет назад.

Год назад погибла женщина, которую любил Сэйзед. Теперь он хотел узнать... нет, должен был узнать... существовал ли хоть в одной из религий мира ответ на его вопрос. Он отыщет истину или окончательно разберется со всеми верованиями разом.

По-видимому, Бриз все еще ждал ответа.

– Я бы не хотел об этом говорить, лорд Бриз.

– Как пожелаешь. Быть может, тебе стоит использовать свои ферухимические силы, чтобы подслушать разговор, который сейчас происходит в соседней комнате...

– Не думаю, что это будет вежливо.

– Мой дорогой террисиец, – улыбнулся Бриз. – Только ты мог захватить город, а потом озаботиться вопросами «вежливости» по отношению к правителю, которому предъявил ультиматум.

Сэйзед сконфуженно опустил глаза. Возразить Бризу он не мог. Хотя они и не привели в Лекаль войско, целью их прибытия определенно был захват. Просто осуществить его они намеревались при помощи листа бумаги, а не мечей.

Все зависело от того, что происходило в соседней комнате. Подпишет король договор или нет? Бриз и Сэйзед могли только ждать. Террисийцу отчаянно хотелось снова достать папку и заняться следующей религией. Он размышлял по поводу канзи весь день и теперь, когда вердикт был вынесен, изнемогал от желания двигаться дальше. За последний год Сэйзед пересмотрел примерно две трети религий. Оставалось меньше сотни, хотя если принимать во внимание все секты и конфессии, то число увеличивалось примерно до двухсот.

Он почти закончил. Всего через несколько месяцев Сэйзед наверняка разберется с оставшимися религиями. Он хотел по каждой из них сделать справедливый вывод. Без сомнения, какая-нибудь из них подарит озарение, в котором будет столь необходимое зерно истины. Объяснит, что произошло с душой Тиндвил, не подсовывая при этом полдюжину разных точек зрения, противоречащих друг другу.

Но читать сейчас, в присутствии Бриза, Сэйзеду казалось неловко. Поэтому он заставил себя успокоиться и набраться терпения.

Они сидели в комнате, богато украшенной по старой имперской моде. Сэйзед успел отвыкнуть от такой пышности. Чтобы обеспечить своим людям пищу и тепло, Эленд распродал или пустил на растопку все предметы роскоши. Король Лекаль, видимо, не стал этого делать, хотя причина могла заключаться и в том, что зимы здесь, на юге, намного мягче.

Сэйзед выглянул из окна, которое находилось как раз возле его кресла. В Лекале не было настоящего дворца – еще лет двести назад здесь располагалось всего лишь загородное поместье. Из окон особняка, однако, открывался занятный вид на растущие предместья, которые пока что напоминали скорее трущобы, чем городские кварталы.

Но эти самые трущобы находились в опасной близости от земель Эленда. Необходимо было обеспечить преданность короля Лекаля. Потому император и направил посольство, возглавляемое Сэйзедом, чтобы заключить договор с местным правителем. Сейчас этот правитель в соседней комнате решал вместе со своими советниками, стоит ли подписывать соглашение, которое превращало его в вассала Эленда Венчера.

«Верховный посол Новой империи...»

Сэйзеду новый титул не нравился, потому что означал принадлежность к этой самой империи. Террисийцы, его соплеменники, поклялись никого и никогда больше не признавать своим хозяином. Тысячу лет провели они в рабстве: их разводили, словно животных, чтобы

вывести породу идеальных покорных слуг. Только после падения Последней империи террисийцы вернули себе свободу.

Пока что она не принесла им ничего хорошего. Конечно, значительную роль в этом сыграли Стальные инквизиторы, уничтожившие весь правящий совет Терриса, из-за чего соплеменники Сэйзед оказались брошенными на произвол судьбы.

«Мы в каком-то смысле лицемеры, – подумал он. – Вседержитель был террисийцем. То есть все эти ужасные вещи с нами проделал наш собственный собрат. Так почему же мы настаиваем, что ни один чужак не имеет права нами управлять? Вовсе не чужак уничтожил нас вместе с нашей культурой и нашей религией».

Потому Сэйзед и нес бремя, возложенное на него Элендом Венчером. Его другом и человеком, которого уважал больше, чем многих других. Даже сам Выживший не смог бы сравниться с Элендом по твердости характера. Император даже не пытался управлять террисийцами, хоть и позволил им поселиться на своих землях. Сэйзед не мог с уверенностью сказать, что его соплеменники по-прежнему обладали свободой, но, на его взгляд, были в долгу у Эленда Венчера, поэтому он усердно выполнял обязанности посла.

Даже если ему полагалось заниматься совсем другими делами. Например, управлять своим народом.

«Нет. – Сэйзед бросил взгляд на матерчатую папку. – Нет. Человек, который ни во что не верит, не может вести за собой. Я должен найти правду, в первую очередь ради самого себя. Если правда вообще существует».

– Они явно не торопятся, – продолжая поедать виноград, заметил Бриз. – Можно подумать, после всех наших переговоров они еще не решили, будут ли подписывать договор.

«Как же поступит король Лекаль? – размышлял Сэйзед, машинально рассматривая красивые резные двери по другую сторону комнаты. – И есть ли у него на самом деле выбор?»

– Как вы думаете, лорд Бриз, мы все сделали правильно? – спросил он и удивился собственным словам.

– «Правильно» и «неправильно» к делу никакого отношения не имеют, – хмыкнул Бриз. – Если бы мы не заявили сюда, угрожая королю Лекалю, пришел бы кто-то другой. Стратегическая необходимость. По крайней мере, я все вижу именно в таком свете, хотя не исключено, что я просто слишком расчетливый.

В задумчивости Сэйзед перевел взгляд на своего собеседника. Бриз был гасильщиком – фактически самым беспардонным и возмутительным гасильщиком из всех, с кем Сэйзеду доводилось встречаться. Большинство из них использовали свои способности избирательно и искусно, воздействуя на эмоции только в самые необходимые моменты. Бриз, однако, играл с чужими чувствами постоянно. Прямо сейчас террисиец ощущал его прикосновения, хотя прекрасно знал, что надо быть начеку.

– Прошу простить за это замечание, лорд Бриз, но меня не так просто обмануть, как вам кажется.

Вместо ответа Бриз вздернул бровь.

– Я знаю, что вы хороший человек, – улыбнулся Сэйзед. – Правда, очень тщательно это скрываете. Вы играете роль грубияна и эгоиста. Но для тех, кто следит за поступками, а не за словами, нет никакого секрета в том, какой вы на самом деле.

Бриз нахмурился, и Сэйзед почувствовал внезапное удовольствие оттого, что ему удалось удивить гасильщика, который явно не ожидал от своего собеседника такой прямоты.

– Мой дорогой друг. – Бриз отпил немного вина. – Я в тебе разочаровался. Не ты ли только что твердил о вежливости? Так вот, совсем невежливо указывать сварливому старому пессимисту на его тайный порок.

– Тайный порок? – переспросил Сэйзед. – Это вы так о добросердечии?

– О качестве, которое я всячески старался в себе искоренить. К несчастью, мне не хватило на это сил. Итак, чтобы сменить тему, которую я нахожу весьма и весьма деликатной, вернемся к заданному тобой вопросу. Ты спросил, правильно ли мы поступаем. Поступаем как? Принуждая короля Лекаля стать вассалом Эленда?

Сэйзед кивнул.

– Ну что ж, – продолжал гасильщик. – Должен сказать, что мы все делаем верно. Благодаря нашему договору, Лекаль получит защиту армии Эленда.

– Взамен на свободу решать судьбу своих людей.

– Чушь! – отмахнулся Бриз. – Мы оба знаем, что Лекалю никогда не стать лучшим правителем, чем Эленд. Ради Вседержителя, да большинство его подданных ютятся в недостроенных лачугах!

– Да, но вы должны признать, что мы угрожали.

– В этом и заключается политика, – помрачнел Бриз. – Сэйзед, племянник этого короля собирался уничтожить Лютадель с помощью армии колоссов! Он должен быть благодарен, что Эленд в качестве возмездия не стер весь город с лица земли. У нас больше солдат, больше ресурсов, да и алломанты сильнее. Этим людям будет лучше, если Лекаль подпишет договор. Да что с тобой случилось, друг? Ты же сам все это твердил за столом переговоров, каких-то два дня назад.

– Прошу прощения, лорд Бриз. В последнее время меня обуревают... противоречивые чувства.

Гасильщик ответил не сразу:

– Все еще больно, да?

«Он слишком хорошо понимает чувства других людей», – подумал Сэйзед.

– Да, – шепотом признался он.

– Тебе станет легче. Со временем.

«Станет ли?» – мысленно спросил себя Сэйзед и отвернулся.

Прошел целый год, а все еще казалось... что ничего уже никогда не будет прежним. Иногда он задавался вопросом, не стало ли погружение в религии всего лишь средством, при помощи которого он надеялся справиться с болью?

Если все так, то средство было никудышным, потому что боль не утихала. Сэйзед потерпел крах. Нет, его вера потерпела крах. Больше ничего не осталось.

Только пустота.

– Послушай, – отвлекая его от размышлений, снова заговорил Бриз, – это ожидание, пока Лекаль разберется со своими сомнениями, явно действует нам обоим на нервы. Давай поговорим о чем-то другом? Ты мог бы рассказать мне об одной из тех религий, что хранятся в твоей памяти. Ты уже несколько месяцев не пытался меня обратить в новую веру!

– Я уже год не ношу медную метапамять, лорд Бриз.

– Но ты ведь должен хоть что-то помнить? Давай, обрати меня. Как в старые добрые времена и все такое.

– Не думаю, что это хорошая идея.

Сэйзед вдруг почувствовал себя предателем. Будучи хранителем – террисийским ферухимиком, – он мог сохранять воспоминания внутри медных предметов. Во времена Последней империи соплеменники Сэйзеда шли на любые жертвы, чтобы накопить огромные запасы информации, и не только о религиях. Они собирали по обрывкам сведения обо всем, что предшествовало воцарению Вседержителя. Они запоминали и передавали их друг другу, целиком и полностью полагаясь на ферухимию.

Но то, что искали особенно усердно, так и не нашли – собственную религию террисийского народа. Вседержитель позаботился о ее уничтожении еще в первые сто лет своего правления.

И тем не менее многие трудились до кровавых мозолей и умирали ради того, чтобы Сэйзед мог заполнить сведениями свои металлические хранилища. А он их снял. Перенес на бумагу самое основное по каждой религии, сложил листы в папку, которую теперь везде носил с собой, а метапамять спрятал и больше к ней не прикасался.

Она казалась теперь... бессмысленной. Как время от времени и все остальное. Сэйзед старался об этом не думать. Но мысль засела в сознании – невыносимая мысль, от которой невозможно было избавиться. Он чувствовал себя недостойным метапамяти. Насколько террисиец знал, он был последним выжившим ферухимиком. Он не имел возможности отправиться сейчас на поиски других, но за целый год в земли Эленда больше не пришел ни один беженец из числа хранителей. Остался только Сэйзед. И, как все террисийские дворецкие, в детстве он перенес кастрацию. Передававшийся по наследству дар ферухимии, по всей видимости, умрет вместе с ним. Террисийцы сохраняют малую долю былых возможностей, но, принимая во внимание усилия Вседержителя по уничтожению ферухимии и гибель Синода, надеяться было не на что.

Сэйзед везде возил с собой тщательно упакованную метапамять, но не использовал. Он сомневался, что когда-нибудь снова прибегнет к ее помощи.

– Ну? – Бриз поднялся и, подойдя к окну, выглянул наружу. – Ты не расскажешь мне о какой-нибудь вере? Что бы ты мог выбрать? Ту, где верующие рисовали карты, возможно? Или ту, где поклонялись растениям? Наверняка ты знаешь о каком-нибудь народе, который поклонялся вину. Это бы мне подошло.

– Пожалуйста, лорд Бриз. – Сэйзед глядел на город. С неба, как обычно, падал пепел. – Я не хочу об этом говорить.

– Почему? – удивился гасильщик. – С чего бы это вдруг?

– Если бог существует, лорд Бриз, отчего, по-вашему, он позволил Вседержителю убить столько людей? Думаете, он бы допустил, чтобы мир стал таким, каков он сейчас? Я никогда не буду учить вас или кого-то еще вере, которая не дает ответов на эти вопросы. С меня хватит.

Сэйзед прикоснулся к своему животу. Слова гасильщика причинили ему боль. Заставили мысленно вернуться на год назад, в тот ужасный день, когда погибла Тиндвил. Когда Сэйзед дрался с Маршем у Источника Вознесения и чуть не погиб сам. Даже сквозь одежду он чувствовал шрамы там, где инквизитор ударил его горстью металлических колец, которые пронзили кожу и едва не убили.

Чтобы спасти свою жизнь и исцелить тело, Сэйзед воспользовался ферухимическими силами, собранными в этих самых кольцах. Кусочки металла остались внутри, но чуть позже террисиец собрал в метапамять немного здоровья и обратился к хирургу, который их вытащил. Несмотря на протесты Вин – она считала, что такой резерв был бы выгоден, – Сэйзед опасался, что металл и плоть плохо сочетаются друг с другом. Кроме того, он просто хотел от них избавиться.

Бриз повернулся к окну.

– Ты всегда был лучшим из нас, Сэйзед, – заметил он негромко. – Потому что верил.

– Простите, лорд Бриз. Я не хотел вас разочаровывать.

– О, ты меня не разочаровал! Просто я тебе не верю. Ты не создан для того, чтобы быть безбожником, Сэйзед. Предчувствую, что ничего у тебя не выйдет – да и не к лицу тебе такое. Все в конце концов как-то образуется.

Сэйзед снова посмотрел в окно. Для террисийца он считался дерзким, но даже ему не хотелось продолжать спор.

– Я тебя так и не отблагодарил, – сказал вдруг гасильщик.

– За что, лорд Бриз?

– За то, что не дал мне окончательно замкнуться в себе. За то, что год назад заставил меня встать и идти дальше. Если бы не ты, не думаю, что я смог бы когда-нибудь справиться... с тем, что случилось.

Сэйзед кивнул. В голову пришла горькая мысль, которую он не мог произнести вслух: «Да, мой друг, ты видел смерть и разрушение. Но женщина, которую ты любишь, жива. Я бы тоже вернулся, если бы она была со мной. Я бы снова стал прежним, как и ты».

Оба собеседника повернулись на звук открывшейся двери.

Одиноким секретарь внес изукрашенный лист пергамента. Король Лекаль подписал договор. Подпись стояла в нижней части листа – в щедро отведенном для соответствующих целей пространстве, но выглядела при этом маленькой и какой-то судорожной. Король признал свое поражение.

Положив договор на стол, секретарь удалился.

* * *

Каждый раз, когда Рашек пытался что-то исправить, получалось только хуже. Ему пришлось изменить все растения, чтобы они смогли существовать в новом суровом мире. Но теперь люди не могли их есть. Кроме того, пепельные дожди вызывали болезни, заставляли постоянно кашлять, как кашляют рудокопы, которые слишком много времени проводят под землей. И потому Рашеку пришлось изменить еще и весь людской род.

5

Эленд опустился на колени возле мертвого инквизитора, избегая смотреть на то, во что превратилась его голова. Подошла Вин, и он заметил рану на ее предплечье. Сама она, как обычно, почти ничего не чувствовала.

Войско колоссов спокойно стояло вокруг. Эленд все еще не привык, что может контролировать этих тварей. Прикосновение к ним, даже мысленное, казалось ему чем-то... скверным. Но другого пути не было.

– Что-то не так, Эленд, – заметила Вин.

Он повернулся, по-прежнему стоя на коленях возле трупа.

– Что? Думаешь, где-то рядом есть еще один?

Вин покачала головой:

– Я не об этом. Ближе к концу инквизитор двигался слишком быстро. Никогда не видела человека – даже алломанта, – способного на такое.

– У него, видимо, был дюралюминий. – Эленд отвел взгляд.

На некоторое время им с Вин удалось сохранить преимущество в виде металла, о котором не знали инквизиторы. Судя по последним донесениям, преимущества у них больше не было.

К счастью, оставался еще электрум. Вообще-то, за него следовало благодарить Вседержителя. Как правило, алломант, который поджигал атиум, становился почти неуязвимым, с ним мог сражаться только другой алломант, обладающий запасом того же металла. Электрум не наделял алломанта способностью заглядывать на несколько мгновений в будущее, как атиум, но давал защиту против такого предвидения.

– Эленд. – Вин опустилась рядом. – Это был не дюралюминий. Даже он не способен наделить инквизитора подобной скоростью.

Эленд нахмурился. Он видел инквизитора лишь краем глаза, но был уверен, что не так уж быстро тот на самом деле двигался. Вин иногда становилась чрезмерно подозрительной и во всем усматривала только худшее.

И частенько оказывалась права.

Вин протянула руку и одним движением разорвала одеяние инквизитора по швам. Эленд отвернулся:

– Вин! Уважай мертвых!

– Не испытываю никакого уважения к этим тварям. И никогда не буду испытывать. Ты видел, как он пытался убить тебя одним из своих собственных штырей?

– Да, и впрямь получилось странно. Возможно, он понял, что не успевает дотянуться до топоров.

– Посмотри-ка сюда.

Эленд так и сделал. Штыри инквизитора располагались в обычных местах – по три в ребрах, с каждой стороны. Но... имелся еще один, подобного которому Эленд еще ни разу не видел. Штырь пронзал грудную клетку насквозь.

«Вседержитель! – подумал Эленд. – Эта штука проходит прямо через его сердце! Как можно после такого выжить?»

С другой стороны, если два штыря в голове не убивали инквизитора, то еще один в сердце тоже вряд ли мог это сделать.

Вин выдернула штырь – Эленд поморщился – и принялась разглядывать его, хмуря брови.

– Пьютер.

– Уверена? – уточнил Эленд.

Она кивнула:

– Значит, штырей всего десять. Два в глазницах, один между лопатками – все из стали. Шесть между ребрами, из них два стальных и четыре бронзовых. И вот этот, из пьютера. А еще не забудь про тот, которым он пытался убить тебя. Вроде тоже из стали.

Эленд изучил штырь, который Вин держала в руке. В алломантии и ферухимии разные металлы использовались для разных целей, и он мог лишь предполагать, какое значение вид металла имел для инквизиторов, раз уж штыри были неодинаковыми.

– Или они вовсе не алломантией пользуются, а... чем-то еще.

– Надо разрезать ему желудок и посмотреть, есть ли там атиум. – Вин поднялась, сжимая штырь в руке.

– Может, у этого что-нибудь найдем.

Они всегда поджигали электрум на всякий случай. Впрочем, пока что ни один из встреченных ими инквизиторов атиума не использовал.

Вин покачала головой; взгляд ее был устремлен на покрытое пеплом поле боя.

– Мы что-то упускаем, Эленд. Мы как дети, которые подражают игре, наблюдая за игроками-родителями и не зная на самом деле никаких правил. А ведь мы... сражаемся с тем, кто эти правила создал.

Эленд обошел труп и встал рядом.

– Вин, мы ведь даже не знаем, куда оно подевалось. То существо, которое видели год назад у Источника... а что, если оно ушло? Просто покинуло этот мир, когда освободилось. Вдруг ему больше ничего и не требовалось?

Во взгляде Вин легко читалась убежденность в обратном. Возможно, она заметила, что Эленд и сам не очень-то верит в собственные слова.

– Оно где-то рядом, Эленд, – прошептала она. – Оно направляет инквизиторов; оно знает, что мы делаем. Из-за него колоссы всегда двигаются к тем же городам, что и мы. Оно владеет миром: оно может изменять написанные слова, провоцировать непонимание и смятение. Оно знает наши планы.

Эленд положил руку ей на плечо:

– Но сегодня мы его победили. Более того, нам досталась неплохая армия колоссов.

– А скольких людей мы потеряли, сражаясь за эту армию?

Эленду не нужно было произносить ответ вслух. Слишком многих. Их ряды постоянно сокращались. Туман – Бездна! – становился все сильнее, он убивал наугад, а тех, до кого не мог дотянуться, морил голодом. Дальние доминионы опустели, и лишь вблизи от столицы, Лютадели, дни еще оставались достаточно долгими, чтобы хоть что-то могло расти на полях. Но даже этот островок жизни постепенно уменьшался.

«Надежда, – подумал Эленд, внушая эту мысль самому себе. – Ей нужно видеть, что я не утратил надежду, ей всегда это было необходимо».

Его рука на плече Вин сжалась сильнее, а потом он привлек ее к себе и обнял.

– Мы справимся с ним, Вин. Мы обязательно что-нибудь придумаем.

Она не возразила, однако явно не поверила. Правда, обнять себя все же позволила, закрыла глаза и прижалась к груди мужа. Они стояли на поле боя, возле своего поверженного врага, но Эленд прекрасно осознавал, что это была не настоящая победа. Мир вокруг них разваливался на части.

«Надежда! – снова подумал он. – Я же принадлежу к Церкви Выжившего. А у нее только одна главная заповедь – выжить».

– Дай мне колосса, – высвобождаясь из объятий, попросила Вин.

Отпустив монстра среднего размера, Эленд позволил ей взять над ним контроль.

Он по-прежнему не понимал, как им удавалось управлять этими тварями. Получив колосса в свое распоряжение, можно было держать его на поводке целую вечность, даже во время сна, даже если не горели металлы. Эленд многого не понимал в алломантии. Он пользовался новыми способностями всего лишь год, и приходилось тратить много времени на управление своей империей и борьбу с голодом, не говоря уже о войнах. Когда тут практиковаться?

«Конечно, у Вин было еще меньше времени на подготовку, а ведь она прикончила самого Вседержителя».

Однако Вин особенная. Она использовала алломантию с той же легкостью, с какой дышала; эта сила являлась естественным продолжением ее самой, а не чем-то приобретенным. Вин упрямо повторяла, что Эленд намного превосходит ее по возможностям. Даже если это и было правдой, все равно ему не хватало ее истинного мастерства.

Повинуясь приказу Вин, колосс-одиночка подошел и поднял инквизитора и его штырь. Эленд и Вин спустились по склону холма к ожидавшей их армии людей; колосс шагал следом. Войско колоссов расступилось, пропуская новых хозяев. Отдавая им мысленные команды, Эленд едва сдерживал дрожь.

Перемазанный в грязи правитель городка сообразил организовать отряд для переноски раненых, хоть Эленд и не был уверен в том, что лекари-скаа обладают навыками хирургии. Вин и Эленд двигались по полю, покрытому пеплом, и Фатрен, отделившись от своих людей, первым делом спросил:

– Почему они остановились?

– Я пообещал вам второе войско, лорд Фатрен, – ответил Эленд. – Вот, собственно, и оно.

– Колоссы?!

– Да.

– Но ведь они же пришли нас уничтожить!

– А теперь они наши. Ваши солдаты проявили себя очень хорошо. Убедитесь, осознают ли они, что победили. Нам нужно было выманить инквизитора из укрытия, и нет иного способа, кроме как обратить его воинов друг против друга. Колоссы боятся, когда видят, что маленькое существо способно победить большое. Ваши люди сражались отважно – благодаря им мы и получили в свое распоряжение это войско.

– Значит... – Фатрен почесал подбородок, – они трусили и перешли на нашу сторону?

– Вроде того. – Эленд окинул взглядом солдат и мысленно приказал нескольким колоссам выйти вперед. – Эти твари теперь будут подчиняться людям из вашего отряда. Пусть перенесут раненых в город. Однако вам необходимо следить за тем, чтобы ни один человек не напал на колоссов, пытаясь отомстить за случившееся. Они теперь наши слуги. Понятно?

Фатрен кивнул.

– Пошли, – поторопила Вин, поглядывая в сторону городка.

– Лорд Фатрен, вы пойдете с нами или останетесь со своими людьми? – спросил Эленд.

– А что вы собираетесь делать?

– В вашем городе есть кое-что нужное нам.

– Тогда я с вами, – после некоторого раздумья принял решение Фатрен.

Вин с трудом дождалась, пока он отдаст приказы своим солдатам. Эленд ободряюще ей улыбнулся. Наконец Фатрен присоединился к Вин и Эленду, и втроем они направились к воротам Ветитана.

– Лорд Фатрен, отныне вам следует называть меня «мой господин».

Тот перевел взор с колоссов, стоявших повсюду и явно его нервировавших, на императора.

– Вы понимаете? – спросил Эленд, глядя ему в глаза.

– Э-э... да. Мой господин.

Эленд кивнул, и Фатрен немного отстал от них с Вин, словно демонстрируя почтение. В нем не ощущался мятежный дух: сейчас он просто был рад, что остался в живых. Возможно, в конце концов он возненавидит Эленда, который отнял у него власть над городом, но тогда уже ничего нельзя будет сделать. Горожане, которых возглавлял Фатрен, привыкнут к покровительству большой империи, а истории о том, как Эленд загадочным образом подчинил себе колоссов и спас всех жителей, будут еще свежи в памяти. Фатрену уже никогда не стать настоящим правителем.

«Все идет без осложнений, – думал Эленд. – А всего лишь два года назад я наделал куда больше ошибок, чем этот человек. Он хотя бы сумел, когда стало совсем плохо, удержать и объединить своих людей. Я же потерял трон, и Вин пришлось его отвоевывать для меня».

– Я боюсь за тебя, – вдруг сказала Вин. – Неужели и впрямь нужно было начинать бой до моего появления?

Эленд отвел взгляд. В ее голосе не чувствовалось упрека – только обеспокоенность.

– А если бы ты опоздала или вообще не появилась? Нельзя же упускать такой шанс. Колоссы устали после дневного перехода. Мы прикончили, наверное, сотен пять еще до того, как до них дошло, что надо защищаться.

– А инквизитор? Неужели ты собирался драться с ним один на один?

– А ты? – парировал Эленд. – Вы с ним сражались добрых пять минут, пока я сумел подобраться ближе и помочь.

Вин с легкостью могла бы возразить, что куда более искусна в том, что касалось умений рожденных туманом. Но смолчала. Она уже не пыталась оградить Эленда от всех опасностей, но по-прежнему переживала за него. Тревога Вин, готовность позволить ему рисковать собой составляли часть ее любви к мужу. И он был ей искренне признателен и за первое, и за второе.

Они старались проводить вместе как можно больше времени, но удавалось не всегда – как на этот раз. Когда Эленд узнал об армии колоссов, марширующих в сторону беззащитного города, Вин не было в их военном лагере: она отправилась в Лютадель, чтобы передать указания Пенроду. Эленд надеялся, что Вин вернется вовремя и поспешит на помощь. Император не мог ждать: на кону были тысячи жизней.

Тысячи жизней... и кое-что еще.

Они приблизились к воротам. Солдаты, которые опоздали на битву или оказались слишком трусливы, стояли на вершине земляного вала и глядели на них с благоговением. Несколько сотен колоссов обошло войско императора и попыталось атаковать город. Теперь они, словно изваяния, застыли возле городских укреплений, ожидая приказов Эленда.

Солдаты открыли ворота, впустили императора, Вин, Фатрена и колосса-слугу. На последнего, как и следовало ожидать, многие смотрели с недоверием. Вин приказала существу положить на землю труп инквизитора и следовать за ними по усыпанной пеплом улице. Вин рассуждала по-своему: чем больше людей видели колоссов и привыкали к ним, тем лучше. Если тварей перестанут так уж сильно бояться, в дальнейшем будет легче справиться с ними в бою.

Вскоре они приблизились к зданию братства, которое Эленд осмотрел, едва оказавшись в городе. Колосс Вин подошел к заколоченным дверям и начал отдираать доски.

– Дом братства? Зачем он вам? Мы там уже все обыскали! – удивился Фатрен. – Мой господин, – поторопился прибавить он, заметив взгляд Эленда.

– Стальное братство подчинялось напрямую Вседержителю. Поручители были его глазами по всей империи, через них он контролировал аристократов, наблюдал за торговлей и следил, чтобы никто не уклонялся от влияния Церкви.

Колосс распахнул двери. Эленд вошел, воспламенив олово, которое позволило видеть в сумеречном свете. Вин, которая сделала то же самое, без особого труда пробиралась среди усеивавших помещение обломков мебели. По всей видимости, люди Фатрена не обыскали здание, а разгромили его.

– Да, я знаю про поручителей, – согласился Фатрен. – Их тут не осталось, мой господин. Ушли вместе со знатью.

– Поручители занимались некоторыми весьма важными вещами, Фатрен, – продолжал Эленд. – Вроде поиска новых алломантических металлов или подходящих для разведения террисийцев. Кое-что из того, чем они занимались, меня очень сильно интересует.

– Здесь. – Вин остановилась, указывая на потайной люк.

Фатрен оглянулся на дверь, за которой виднелся солнечный свет; вероятно, жалел, что не захватил с собой нескольких солдат. Вин зажгла фонарь, который разыскала посреди обломков: в подвале даже горение олова не спасет от полной темноты. Затем открыла люк. Лестница под ним привела в винный погреб.

Оглядываясь по сторонам, Эленд прошел в самый его центр, а Вин начала проверять стены.

– Нашла, – вскоре сообщила она.

Эленд приблизился. Без сомнения, между плитами имелся едва заметный зазор. Стоило поджечь сталь, как два слабых голубых луча выявили спрятанный под камнем металл. Два куда более заметных луча указывали за спину – на большую металлическую пластину, накрепко прикрученную к противоположной стене огромными болтами.

– Готов? – спросила Вин.

Кивнув, Эленд зажег железо. Вдвоем они потянули за спрятанный в каменной стене механизм, одновременно притягивая самих себя к металлическим пластинам, расположенным с другой стороны погреба.

В очередной раз Эленд изумился тому, насколько предусмотрительным оказалось братство. Откуда поручители знали, что когда-нибудь власть в городе захватят скаа? И все же эту дверь не просто спрятали, а сделали такой, чтобы открыть ее смогли лишь алломанты. Эленду казалось, что его тянули в разные стороны две лошади – лишь благодаря пьютеру алломантические воздействия не разорвали его напополам. Вин тоже кряхтела от усилий, и вскоре часть стены сдвинулась. Ни один рычаг не поднял бы такую тяжесть – понадобилась бы долгая, напряженная работа, чтобы попасть в расположенный по другую сторону тайник. С помощью алломантии же они справились с дверью за несколько секунд.

Наконец-то можно было расслабиться. Вин тяжело вздохнула, и Эленд увидел, что ей пришлось намного хуже, чем ему. Иногда казалось несправедливым, что он сильнее: в конце концов, он же совсем недавно стал алломантом.

Вин подняла фонарь, и они направились в открывшуюся пещеру. Как и две, которые Эленд уже видел, эта тоже оказалась громадной: края терялись в темноте, неподвластной слабому свету фонаря. Фатрен шагнул следом и потрясенно охнул. Полки. Сотни полок. Тысячи.

– Что это? – спросил он.

– Запасы продовольствия, – откликнулся Эленд. – И самое необходимое: лекарства, одежда, вода.

– Так много. – Фатрен был потрясен. – А мы все это время...

– Собери людей, – приказал Эленд. – Солдат. Понадобится охрана, чтобы люди не ворвались сюда и не разворовали припасы.

Лицо Фатрена омрачилось.

– Это место принадлежит моему народу.

– Моему, Фатрен, – уточнил Эленд, наблюдая, как Вин идет по подземелью, освещая себе путь фонарем. – Этот город теперь мой, равно как и все, что в нем находится.

– Ты пришел, чтобы ограбить нас, – упрекнул Фатрен. – В точности как бандиты, которые пытались захватить город год назад.

– Нет. – Эленд повернулся к перепачканному сажей здоровяку. – Я пришел, чтобы завоевать вас. Это не одно и то же.

– Не понимаю.

Эленд стиснул зубы, чтобы не рявкнуть: усталость и опустошенность, проистекавшие из осознания того, что империя обречена, в последнее время часто выводили его из себя.

«Нет, – подумал он. – Таким, как Фатрен, не нужен еще один тиран. Им нужен кто-то, на кого можно положиться».

И намеренно не стал влиять эмоциональной алломантией. Гашение эмоций было эффективно во многих ситуациях, но подобный эффект слишком быстро исчезал. Такой способ вряд ли поможет заполучить настоящего союзника.

– Лорд Фатрен. Я хочу, чтобы вы хорошенько подумали, о чем мы сейчас спорим. Что произойдет, если я и в самом деле оставлю вас? С таким количеством провианта в этих подземельях? Уверены, что они не ворвутся сюда? Что солдаты не попытаются какую-то часть продать другим городам? Что случится, когда этот склад перестанет быть тайной? Что вы примете, если сюда начнут тысячами приходить беженцы? Сумеете защитить их и эту пещеру от налетчиков и бандитов, которые обязательно появятся следом?

Фатрен потрясенно молчал.

Эленд положил руку ему на плечо:

– Я сказал вам правду, лорд Фатрен. Ваши люди сражались храбро – я был весьма удивлен. И выжили они сегодня благодаря вашей предусмотрительности и вашей тренировке. Каких-то несколько часов назад они считали, что скоро тут всех перебьют колоссы. Теперь они не только в безопасности, но и под защитой большого войска.

Не забывайте об этом. Вы проявили отвагу, а теперь настал момент, когда нужно положиться на союзников. Я не стану лгать: мы собираемся забрать содержимое этой пещеры, даже если встретим сопротивление. Но я намереваюсь предоставить вам защиту с помощью моей армии, стабильные поставки продовольствия и даю слово, что вы сможете продолжать править своим народом от моего лица. Нам нужно держаться вместе, лорд Фатрен. Только так вы сумеете пережить следующие несколько лет.

– Вы правы, конечно, мой господин. Я прикажу солдатам явиться сюда.

– Благодарю, – улыбнулся Эленд. – И если среди ваших людей есть грамотные, пришлите кого-то из них. Надо будет составить опись.

Кивнув, Фатрен удалился.

– Когда-то у тебя так не получалось, – заметила Вин. Голос ее эхом отдавался от потолка большой пещеры.

– Что именно?

– Отдавать жесткие приказы. Приказы, не оставляющие выбора. Ты предпочитал, чтобы к империи присоединялись после всеобщего голосования.

Эленд оглянулся на дверной проем и немного помолчал. Он не прибегнул к эмоциональной алломантии, но все равно казалось, что Фатрен просто сдался перед превосходящей силой.

– Иногда мне кажется, что я все делаю неправильно, Вин. Должен быть другой путь.

– Но прямо сейчас его нет. – Вин подошла и взяла его за руку. – Ты им нужен, Эленд. Ты это и сам знаешь.

Он кивнул:

– Знаю. Просто никак не могу перестать думать о том, что кто-то лучше меня сумел бы отыскать способ, позволяющий править в соответствии с волей народа.

– Ты так и делаешь. Твоя парламентская Ассамблея в Лютадели по-прежнему работает, и королевства, которые ты присоединил к империи, наделили скаа правами и привилегиями.

– Компромисс, – возразил Эленд. – Они делают что хотят, пока я не выражу свое несогласие.

– Этого достаточно. Надо принимать мир таким, каков он есть.

– Когда мы встречались с друзьями, я говорил о великих целях, которых мы должны достичь. Я всегда был идеалистом.

– Непозволительная роскошь для императора, – негромко заметила Вин.

Эленд со вздохом отвернулся.

* * *

В холодном свете фонаря Вин смотрела на Эленда. Было невыносимо видеть его таким опечаленным, таким... разочарованным. В каком-то смысле трудности, с которыми он столкнулся не так давно, оказались намного хуже сомнений, с которыми ему приходилось бороться когда-то. Он считал себя неудачником, несмотря на все, чего сумел достичь.

Но все-таки Эленд не позволял себе погружаться в мысли о собственных неудачах, а продолжал делать то, что должен, хоть и сожалел о последствиях. Он стал сильнее, чем раньше. Это было, в общем-то, неплохо, хотя Вин немного тосковала о прежнем Эленде – гении с прекрасными идеями, но совершенно не способном управлять. Тосковала о его простом идеализме. Эленд оставался оптимистом и ученым, но оба этих качества приглушали события, свидетелем и участником которых ему пришлось стать.

Вин наблюдала, как он, двигаясь вдоль стеллажа с провиантом, ведет пальцем по краю полки. Останавливается, смотрит на испачканный палец и щелчком стряхивает пыль. Борода придавала Эленду суровый вид, вполне соответствующий королю на войне. Год усиленных алломантических тренировок и упражнений с мечом сделал тело сильнее – пришлось даже перешивать мундиры. Тот, в котором Эленд был сейчас, все еще хранил следы сражения.

– Удивительное место, правда? – спросил он.

Повернувшись, Вин глянула в темноту подземного хранилища:

– Вроде того.

– Он знал, Вин, – продолжал Эленд. – Вседержитель. Он подозревал, что этот день наступит, – день, когда вернется туман и начнется голод. Потому и позаботился о складах с провиантом.

Вин подошла к стеллажу, возле которого стоял Эленд. Она знала, что продукты, как и в остальных хранилищах, окажутся качественными, большей частью упакованными в банки на каком-нибудь из заводов Вседержителя, и останутся годными к употреблению еще несколько лет. Того, что здесь хранилось, хватило бы городу очень надолго. К несчастью, этот город был не единственным, чья судьба зависела от Вин и Эленда.

– Представляешь, каких усилий это ему стоило? – Эленд разглядывал банку с тушеной говядиной. – Каждые несколько лет запасы приходилось обновлять: постоянно упаковывать новые продукты и направлять их в хранилища. Это продолжалось веками, и никто ничего не знал.

– Нетрудно хранить секреты, когда ты господь-император, окруженный фанатично преданными священниками.

– Да, но все-таки сам факт... силы, которые он на это тратил... – Эленд повернулся к Вин. – Понимаешь, что это означает? Вседержитель знал: с ним можно справиться. С тем суще-

ством, которое мы выпустили, – с Бездной. Вседержитель предполагал, что в конечном счете сумеет его победить.

Вин фыркнула:

– Вовсе не обязательно, Эленд.

– Тогда зачем все это было нужно? Вероятно, он считал, что сопротивление не безнадежно.

– Люди всегда сопротивляются, Эленд. Даже умирающее животное продолжает бороться.

– Но ты не можешь не признать, что эти пещеры – хороший знак, – настаивал Эленд.

– Хороший знак? – подходя ближе, тихонько переспросила Вин. – Я знаю, ты просто пытаешься на что-то надеяться, но мне в последнее время трудно видеть в происходящем хоть какие-то «хорошие знаки». Ты сам должен признать: солнце темнеет. И краснеет. Здесь, на юге, это особенно заметно.

– Вообще-то, я сомневаюсь, что изменилось солнце, – заметил Эленд. – Это все дым и пепел в воздухе.

– Еще одна проблема, – не унималась Вин. – Пепельные дожди теперь идут почти без остановки. Люди боятся выходить на улицу. Свет меркнет, все становится темнее. Даже если в следующем году туман не уничтожит урожай, это сделает пепел. Две зимы назад – когда мы сражались с колоссами в Лютадели – я впервые увидела снег в Центральном доминионе, а последняя зима была еще хуже. Мы не можем сражаться с этим, Эленд, даже если у нас большое войско!

– Что я, по-твоему, должен делать, Вин? – Эленд со стуком поставив банку обратно на полку. – Во Внешних доминионах собираются колоссы. Если мы не организуем оборону, наши люди не продержатся даже до начала голода.

Вин покачала головой:

– Армий недостаточно. Этого, – взмахом руки она указала на стеллажи вокруг них, – недостаточно. Что мы тут делаем?

– Мы выживаем. Кельсер говорил...

– Кельсер умер, Эленд! – выкрикнула Вин. – Неужели только я вижу в этом иронию? Мы называем его Выжившим, но ведь он-то как раз и не выжил! Он добровольно стал мучеником. Он покончил с собой. Разве подобное можно назвать выживанием?

Она замолчала, глядя на Эленда и тяжело дыша. Он выглядел явно не удивленным внезапной вспышкой эмоций.

«Что я творю? – одернула себя Вин. – Я только что восхищалась тем, что Эленд продолжает надеяться. Так зачем же я с ним спорю?»

Они слишком измотаны. Оба.

– У меня нет ответов на твои вопросы, Вин, – раздался во тьме подземелья голос Эленда. – Я понятия не имею, как бороться с чем-то вроде тумана. А вот с войсками я справиться могу. По крайней мере, могу этому научиться.

– Прости. – Вин отвернулась. – Я не хотела опять ссориться. Просто все это нагоняет на меня тоску.

– У нас получается. Мы найдем выход. Мы выживем.

– Ты в самом деле так считаешь?

– Да, – твердо сказал Эленд.

И она поверила. Потому что он сам надеялся – никогда не переставал надеяться. Это было частью того, за что Вин его так сильно любила.

– Идем. – Эленд положил руку ей на плечо. – Надо отыскать то, за чем мы сюда пришли.

Колосс остался, а они углубились в недра хранилища; где-то снаружи слышались шаги. Существовала еще причина, по которой им понадобилось это место. Продукты и прочие запасы на бесконечных полках были важны, но имелось кое-что не менее важное.

На дальней, грубо обработанной каменной стене висела большая металлическая пластина. Вин прочитала вслух высеченные на ней слова:

– «Это последний металл, о котором я вам расскажу. Не могу точно определить его предназначение. Он позволяет в некотором смысле видеть прошлое. Кем мог стать человек, если бы принял в определенный момент другое решение. Похоже на действие золота, только по отношению к другим людям.

Сейчас, по всей видимости, туман уже вернулся. Это злая, полная ненависти стихия. Остерегайтесь ее. Держитесь от нее подальше. Она хочет всех нас уничтожить. Если случится беда, знайте, что колоссов и кандра можно контролировать при помощи нескольких алломантов, которые будут влиять на их эмоции одновременно. Я создал их с такой уязвимостью. Распожайтесь этим секретом мудро».

Под текстом находилась формула алломантического сплава, который был уже знаком Вин: сплав атиума – малатиум, одиннадцатый металл Кельсера. Выходит, Вседержитель знал о нем, просто, как и все они, не сразу разобрался в его сущности.

Надпись была сделана Вседержителем или, по крайней мере, по его приказу. В каждом предыдущем хранилище также содержались инструкции, высеченные на стальных пластинах. В Урто, к примеру, они узнала об электруме. На востоке нашли описание алюминия, хотя уже знали об этом металле.

– Не очень-то много нового, – разочарованно произнес Эленд. – Про малатиум нам известно. И про то, как контролировать колоссов. Хотя я не подумал о том, что несколько гасильщиков могут работать вместе. Это пригодится.

Раньше они считали, что для управления колоссами нужны рожденный туманом и дюралюминий.

– Не имеет значения. – Вин указала на другую часть пластины. – У нас есть это.

Как и в трех предыдущих хранилищах, на пластине была высечена карта Последней империи, разделенной на доминионы. Квадратик в центре обозначал Лютадель, а знак «X» в западной части – то, что они искали: место расположения последней тайной пещеры.

Вин и Эленд считали, что пещер должно быть пять. Первую нашли под Лютаделью, рядом с Источником Вознесения. Она содержала сведения о второй, на востоке. Третья располагалась в Урто – Вин сумела туда прокрасться, но вывезти продукты пока не могли. Оттуда направились сюда, на юг.

На каждой карте было по две цифры: пятерка и еще одна, меньшая. Лютадель значилась номером один. Эта пещера оказалась номером четыре.

– Вот оно, – сказала Вин, ощупывая кончиками пальцев высеченные на стальной пластине надписи. – В Западном доминионе, как ты и думал. Где-то возле Чардиса?

– В Фадрексе, – уточнил Эленд.

– В родном городе Сетта?

Эленд кивнул. В географии он смыслил куда больше.

– Значит, мы его нашли, – подытожила Вин. – Он там.

Они с Элендом переглянулись: он прекрасно понял, о чем идет речь. Каждое хранилище оказывалось больше и богаче предыдущего. В каждом находилось что-то особенное: в первом, кроме провианта, было еще и оружие, во втором – большие запасы древесины. Изучая каждый тайник, они с волнением гадали, что же ждет их в самом последнем? Что-то грандиозное, без сомнения. Может быть, даже он.

Атиумный запас Вседержителя – самое ценное сокровище Последней империи.

Несмотря на все старания, никто так и не сумел его найти. Поговаривали даже, будто его и не существует вовсе. Но Вин чувствовала, что это не так. На протяжении целой тысячи лет, пока единственная шахта, где добывали редчайший металл, находилась в его владении, Все-

держитель выпустил в свободное обращение лишь малую долю атиума. Большую часть добытого он веками держал при себе, и никто не знал, как он ею распорядился.

– Только не надо слишком радоваться, – предупредил Эленд. – У нас нет доказательств, что в последней пещере находится именно атиум.

– Он должен там быть, – возразила Вин. – В этом есть смысл. Где еще Вседержитель мог спрятать свой атиум?

– Если бы я мог ответить на твой вопрос, мы бы уже его нашли.

Вин покачала головой:

– Уверена, он спрятал атиум в надежном месте, но в таком, где его в конце концов обязательно найдут. Эти карты – ключи для его последователей, которые он оставил на тот случай, если каким-то образом потерпит поражение. Он не хотел, чтобы враг, который захватит одну из пещер, получил все и сразу. Цепь подсказок должна привести к последнему хранилищу. Самому важному. В этом весь смысл. Он просто обязан быть!

Эленд не выглядел убежденным.

– Допустим, мы его найдем. – Он задумчиво потирал заросший подбородок и разглядывал металлическую пластину, на поверхности которой отражался свет фонаря. – Не знаю, будет ли от этого толк. Разве нам сейчас нужны деньги?

– Это не просто деньги! Это власть. Оружие, которое можно использовать в борьбе.

– С туманом? – усмехнулся Эленд.

Вин помолчала.

– Видимо, нет, – наконец согласилась она. – Но с колоссами и другими армиями – да. С атиумом твоя империя будет в безопасности. Кроме того, атиум – часть всего, что происходит, Эленд. Он ценен только из-за алломантии, которой не было до Вознесения.

– Еще один вопрос без ответа, – вслух размышлял Эленд. – Почему та крупница металла, что я проглотил, сделала меня рожденным туманом? Откуда она взялась? Почему ее оставили у Источника Вознесения и кто оставил? Почему она там была одна и что случилось с остальными?

– Возможно, мы найдем ответы, когда возьмем Фадрекс.

Вин знала, что Эленд считает сведения, содержащиеся в хранилищах, самой важной причиной для их поиска. Как и оставленные там запасы. А вот возможность отыскать атиум его почти не привлекала. Вин же была уверена, что атиум необыкновенно важен. Просто знала, и все. Ее бывшее отчаяние таяло, пока она смотрела на карту. Им следует отправиться в Фадрекс. Именно там их ждут ответы на все вопросы.

– Взять Фадрекс будет нелегко, – заметил Эленд. – Враги Сетта успели как следует окопаться. Слышал, там всем заправляет бывший поручитель из братства.

– Атиум того стоит.

– Если он там, – пробормотал Эленд.

Вин одарила мужа хмурым взглядом. Он вскинул руку:

– Я лишь пытаюсь делать то, о чем ты просила, Вин, – быть реалистом. Однако я согласен, что Фадрекс стоит усилий. Даже если там нет атиума, нам необходимо содержимое хранилища. Мы должны узнать, что еще спрятал Вседержитель.

Вин не спорила. Последнюю частицу атиума она сожгла полтора года назад и с тех пор так и не сумела привыкнуть – чувствовала себя без него беззащитной. Электризм немного смягчал этот страх, но не мог полностью его устранить.

В другом конце пещеры послышались голоса – Эленд глянул в ту сторону:

– Я должен с ними поговорить. Нужно как можно быстрее все тут уладить.

– Ты уже сказал, что нам придется переселить их в Лютадель?

Эленд покачал головой:

– Боюсь, им это не понравится. Они хотят самостоятельности.

– Это необходимо сделать, Эленд. Город находится слишком далеко от границы наших земель. Кроме того, солнце здесь наверняка показывается из-за тумана лишь на несколько часов в день. Их поля уже обречены.

Продолжая вглядываться в темноту, Эленд кивнул:

– Я прихожу, захватываю власть в городе, забираю сокровище, а потом заставляю людей покинуть свои дома. И отсюда мы отправимся в Фадрекс, чтобы там все повторить.

– Эленд...

Он махнул рукой:

– Знаю, Вин. Надо.

Повернувшись, император оставил фонарь и пошел к выходу из пещеры. Его спина сразу стала прямее, а лицо жестче.

Вин снова посмотрела на пластину, перечитала слова Вседержителя. На другой, очень похожей, Сэйзед обнаружил послание Кваана – давно умершего террисийца, который изменил мир, объявив, что нашел Героя Веков. Кваан оставил свою историю, признал свои ошибки и предупредил, что некая сила способна менять историю человечества и все, во что люди верят. Он опасался, что именно эта сила исказила террисийскую религию, чтобы Герой явился в северные края и освободил ее из Источника Вознесения.

Вин так и сделала: назвала себя Героем и освободила врага, будучи до самого конца убежденной, что жертвовать своими интересами ей приходится ради блага всего мира.

Она провела рукой по большой пластине.

«Мы должны не просто сражаться! Если ты знал так много, – обращаясь к Вседержителю, со злостью подумала Вин, – почему не рассказал нам больше? Несколько карт в разбросанных тут и там пещерах с припасами, парочка фраз про металлы, от которых нам почти никакой пользы... Что толку от пещеры с провиантом, если нам надо прокормить целую империю!»

Вин замерла. Ее пальцы – олово обостряло не только зрение в темноте, но и осязание – ощутили борозды на поверхности металлической пластины. Она опустила на колени и обнаружила короткую надпись, высеченную в самой нижней части гораздо более мелкими буквами, чем написанное выше: «Будьте осторожны с тем, что говорите вслух. Оно слышит ваши слова. Оно читает то, что вы пишете. Полагаться можно только на собственные мысли».

Вин вздрогнула.

«Полагаться можно только на собственные мысли...»

Что же узнал Вседержитель в момент просветления? Что за тайны он хранил, всегда надеясь лишь на собственный разум, ни разу не доверив их бумаге, опасаясь раскрыть их, в ожидании того момента, когда сила в конце концов вернется? Что ему придется снова забрать ее себе? Возможно, он планировал использовать ее, чтобы уничтожить тварь, которую Вин выпустила на свободу?

«Ты погубила всех...»

Последние слова Вседержителя, сказанные за миг до того, как Вин пронзила копьем его сердце. Он знал. Уже тогда – до того, как туман начал приходить днем, до того, как она начала слышать странный грохочущий звук, который и привел ее к Источнику Вознесения. Уже тогда это беспокоило Вин.

«Будьте осторожны с тем, что говорите вслух... Полагаться можно только на собственные мысли...»

Необходимо это обдумать. Необходимо собрать воедино все, что известно, найти способ победить – или перехитрить – существо, которое она освободила.

«И я не могу ни с кем об этом говорить, потому что тогда оно поймет, что именно я собираюсь сделать».

* * *

Вскоре Рашек сумел уравновесить изменения, произведенные им в мире, что оказалось большой удачей, поскольку сила довольно быстро выгорела. Доставшаяся ему мощь воспринималась как нечто колоссальное, но на самом деле это была лишь малая доля чего-то куда более значительного.

В итоге Рашек стал называть себя, согласно созданной им же религии, Осколком Вечности. Возможно, он понимал больше, чем мне хотелось бы признать.

Так или иначе, именно его мы должны благодарить за мир без цветов, в котором растения скорее коричневые, а не зеленые и в котором люди могут выживать, даже если с неба регулярно падает пепел.

6

«Я слишком слаб», – подумал Марш.

Разрушитель контролировал постоянно, но если его внимание было сосредоточено на чем-то другом, Марш словно просыпался от кошмарного сновидения и мог позволить себе поразмышлять. Как раз это и произошло сейчас: он брел через лагерь колоссов, и внезапно сознание прояснилось.

«С этим невозможно бороться...»

Имелись все основания полагать, что Разрушитель не способен читать мысли. И все-таки Марш не мог с ним бороться, сопротивляться. Стоило лишь попытаться, как Разрушитель тотчас же брал сознание под полный контроль. Чтобы в этом окончательно убедиться, потребовалось не меньше десяти попыток. Иногда у Марша получалось шевельнуть пальцем или, быть может, споткнуться, но на большее рассчитывать не приходилось.

Это угнетало. Однако Марш всегда считал себя прагматиком, поэтому счел необходимым смириться с истиной. Он никогда не сможет вернуть контроль над собственным телом, достаточный для того, чтобы себя убить.

Инквизитор шел через лагерь под дождем из пепла. Неужели он не прекратится теперь никогда? Маршу почти захотелось, чтобы Разрушитель больше не отпускал его разум. Когда это происходило, виделись только боль и разрушение. Но если контроль переходил к Разрушителю, падающий пепел становился чем-то прекрасным, красное солнце превращалось в знамя победы, а умирающий мир – в сладостную обитель.

«Безумие, – приближаясь к центру лагеря, думал Марш. – Мне нужно сойти с ума. Тогда можно будет про все это забыть».

Шурша одеяниями, другие инквизиторы также двигались к центру лагеря. Молча. Зачем утруждать себя беседой, если ими управлял Разрушитель? Кроме обычных штырей в глазницах, Марш замечал у своих собратьев и красноречивые признаки присутствия новых: они выпирали из грудной клетки или из спины. Многие из них разместил сам Марш, убивая террисийцев, которых захватили на севере или выследили где-то еще.

У него также появились новые штыри: одни проходили между ребрами, другие пронзали грудную клетку. Они казались прекрасными. Марш не понимал почему, но штыри его восхищали. Они познали смерть, и это уже само по себе казалось чудесным. Почему-то он знал, что инквизиторы были несовершенны: чтобы сделать своих слуг более зависимыми и чтобы они не представляли опасности, Вседержитель не наделил их некоторыми способностями. Но теперь наконец справедливость восторжествовала.

«До чего же прекрасен мир», – подумал Марш, подставляя лицо под пепельный дождь и чувствуя ласкающие прикосновения легких хлопьев.

* * *

Я говорю, «мы». Наш отряд. Все те, кто пытался обнаружить и победить Разрушителя. Возможно, мои мысли сейчас путаются, но мне нравится оглядываться назад и осознавать, что наши действия оказались частями единой совместной атаки, хотя и занимались мы разными делами и строили разные планы.

Мы были единым целым. Это не предотвратило конец света, но, как известно, все к лучшему.

7

Ему дали кости.

Тен-Сун перетек на них, растворил мышцы и заново создал органы, сухожилия и кожу. Выстроил тело на костях, используя навыки поглощения и переваривания людей, приобретенные на протяжении веков. Только трупов, разумеется: он не убил ни одного человека. Подобное запрещал Договор.

После года в тюремной яме Тен-Сун почти забыл, как использовать тело. Каково это – трогать окружающий мир твердыми пальцами, а не колыхаться от стены к стене? Ощущать вкусы и запахи только языком и ноздрями, а не всей кожей, видеть...

Он открыл глаза и судорожно вздохнул, расправляя только что созданные настоящие легкие. Мир был полон чудес и... света. Тен-Сун поднялся на колени, посмотрел на свои руки, осторожно ощупал лицо.

Тело не принадлежало конкретному человеку. Чтобы создать копию, требовался образец, поэтому кандра просто покрыл кости мышцами и кожей. Он был достаточно опытен, чтобы знать, как создать подобие человека. Его черты вряд ли получились красивыми, – возможно, они выглядели даже немного уродливыми, но пока что большего и не требовалось. Тен-Сун снова почувствовал себя... настоящим.

Все еще стоя на коленях, упираясь в пол руками, он перевел взгляд на своего тюремщика. Пещеру освещал мерцающий каменный светильник – большой осколок пористой породы, водруженный на вершину массивной колонны. Голубоватый грибок, обитавший на поверхности камня, источал достаточно света, чтобы видеть, особенно если у смотревшего имелись глаза, предназначенные для тусклого голубого света.

Тен-Сун знал своего тюремщика. Знал почти всех кандра, по крайней мере из Шестого и Седьмого поколений. Его звали Вар-Сель. В Обиталище он не носил кости животного или человека, а использовал Истинное тело – набор искусственных костей, которым мастер кандра придал форму человеческих. Истинное тело Вар-Селя было из кварца, кожу он оставил прозрачной. Каменные кости слабо поблескивали в свете гриба, когда он разглядывал Тен-Суна.

«Я сделал свое тело непрозрачным, – догадался Тен-Сун. – Как у людей с загорелой кожей, которая скрывает расположенные под ней мышцы».

Почему это показалось таким естественным? Раньше он проклинал годы, которые приходилось проводить среди людей, используя их кости вместо Истинного тела. Возможно, Тен-Сун последовал старой привычке из-за того, что тюремщики не дали ему Истинного тела. Дали человеческие кости. Можно сказать, оскорбили.

Тен-Сун поднялся.

– Что? – спросил он, глядя в глаза Вар-Селю.

– Я выбрал наугад первые попавшиеся кости из хранилища, – пояснил тот. – Надо же было такому случиться: дал тебе те же самые кости, которые ты сам туда принес.

«Что?» – не понял Тен-Сун.

И вдруг до него дошло. Должно быть, тело выглядело очень уж убедительно – совсем как настоящее. Вот Вар-Сель и решил, что Тен-Сун сумел воссоздать столь правдоподобный образ,

потому что сам когда-то переварил именно этот труп и знал, как именно должно выглядеть тело.

Тен-Сун улыбнулся:

– Я никогда раньше не носил этих костей.

Вар-Сель явно ничего не понял. Он был из Пятого поколения – на два века моложе Тен-Суна. Ну конечно, ведь даже в Третьем поколении не каждый кандра обладал столь же обширным опытом во внешнем мире, как Тен-Сун.

– Ясно, – видимо, просто, чтобы что-то сказать, проговорил Вар-Сель.

Тен-Сун огляделся. Возле дверей стояли еще три представителя Пятого поколения. Как и Вар-Сель, они не носили одежды: в Стране кандра принято было всячески выставлять напоказ свое Истинное тело.

У каждого Пятого в прозрачных мышцах плеча сидело по мерцающему металлическому стержню – они были наделены Благословением Силы. Ясно, Второе поколение опасалось, что Тен-Сун попробует сбежать, и не хотело рисковать. Это, конечно, тоже выглядело явным оскорблением: он ведь выбрал свою судьбу добровольно.

– Ну? – Тен-Сун снова повернулся к Вар-Селю. – Не пора ли нам идти?

Тот перевел взгляд на одного из своих спутников:

– Мы не предполагали, что ты так быстро справишься.

Тен-Сун невольно фыркнул:

– Второе поколение утратило опыт. Они думают, что если им самим требуется несколько часов для создания тела, то и всем остальным нужно столько же.

– Их поколение старше твоего, – напомнил Вар-Сель. – Тебе следует их уважать.

– Второе поколение сидит в этих пещерах уже много веков, – возразил Тен-Сун. – Они бездельничают, в то время как остальные отрабатывают свои Договоры. Я уже давно превзошел их по мастерству.

Вар-Сель зашипел, и на миг Тен-Суну показалось, что сейчас молодой кандра его ударит. К его удивлению, Вар-Сель сдержался, хоть и с трудом. В конце концов, как представитель Третьего поколения Тен-Сун был старше Вар-Селя – в той же степени, в какой Вторые были старше Тен-Суна.

Однако Третьи оказались особым случаем. Вторые так долго отправляли их выполнять Договоры, потому что им не хотелось, чтобы младшие собратья все время находились рядом, разрушая маленький рай кандра.

– Пошли. – Вар-Сель кивком приказал двоим стражникам идти вперед.

Третий вместе с Вар-Селем двинулись следом за Тен-Суном. У всей троицы были роскошные каменные Истинные тела. У Пятого поколения была возможность их заказывать и использовать – ходили у Вторых в любимчиках и проводили в Стране кандра больше времени, чем многие другие.

Одежды Тен-Суну не дали. По дороге он растворил гениталии, разгладил плоть в паху, как было принято у кандра. Он пытался шагать с достоинством, гордо, однако знал, что его тело не внушает особого почтения. Слишком оно было тощим: Тен-Сун потерял вес во время заточения и под воздействием кислоты, поэтому создать достаточно большие мышцы никак не мог.

Гладкий туннель в скале когда-то возник естественным путем, но на протяжении многих веков младшие поколения своими пищеварительными соками обрабатывали его стены. Другие кандра почти не попадались навстречу. Вар-Сель вел преступника окольными путями, явно не желая устраивать громкое представление.

«Я так долго здесь не был, – подумал Тен-Сун. – Уже, наверное, выбрали Одиннадцатое поколение. И я почти никого не знаю из Восьмых, не говоря уже о Девятых и Десятых».

Он заподозрил, что Двенадцатого поколения может и не быть. Даже если он ошибался, жизнь не могла продолжаться по-прежнему. Отец мертв. Что же теперь делать с Первым договором? Его народ провел десять веков в рабстве у человечества, выполняя Договоры ради собственной безопасности. Большинство кандра именно за это и ненавидели людей. До недавнего времени Тен-Сун и сам был из их числа.

«Забавное дело, – продолжал размышлять Тен-Сун, – даже наши Истинные тела по форме похожи на человеческие. Две руки, две ноги, и лица выглядят так же, как у людей».

Иногда он себя спрашивал, не были ли нерожденные – создания, которых люди называли туманными призраками, – более честны, чем их собратья-кандра. Туманные призраки творили свои тела как хотели, соединяя кости в произвольном порядке, создавая почти изысканные конструкции из человеческих и животных костей. Кандра же превращали себя в подобию людей. И при этом продолжали проклинать человечество, которое держало их в рабстве.

Ну и странный народ! Но это его народ. Даже если он их всех и предал.

«И теперь мне надо убедить Первое поколение, что мое предательство являлось правильным шагом. Не для меня. Для них. Для всех нас».

Миновав несколько коридоров и комнат, процессия в конце концов прибыла в ту часть Страны кандра, что была лучше знакома Тен-Суну. Они явно направлялись в Сокровенное место, и ему придется защищать себя в святилище своего народа. Странно, что он не догадался об этом раньше.

Год мучительного заточения наделил Тен-Суна правом на суд Первого поколения. Весь этот год он обдумывал, что будет говорить. А если все пойдет прахом, о своих ошибках он сможет размышлять целую вечность.

* * *

Разрушителя можно описать как силу, стремящуюся к разрушению, но это будет слишком примитивно. Лучшие считайте его разумным распадом. Не просто хаосом, но стихией, которая все низводит к самым простым формам, обосновывая свои действия разумными – и опасными – доводами.

Разрушитель мог планировать и устраивать заговоры, зная, что если ему и приходится что-то создавать, то лишь для того, чтобы потом разрушить в два раза больше созданного. Такова природа нашего мира: когда мы что-то творим, зачастую по ходу дела что-то другое приходится уничтожить.

8

В первый же день после ухода из Ветитана Эленд и Вин убили сотню горожан. Так, по крайней мере, истолковала случившееся сама Вин.

Она сидела на гнилом пне в центре лагеря, смотрела на солнце, которое опускалось к далекому горизонту, и знала, что сейчас произойдет. Вокруг падал пепел. Надвигался туман.

Когда-то – не так уж давно – туман приходил только ночью. Однако за год, последовавший после смерти Вседержителя, все изменилось. Как будто тысяча лет темноты сделала туман нетерпеливым.

И он стал приходиться днем. Иногда надвигался огромными клубящимися волнами, появляясь из ниоткуда и быстро исчезая в никуда. Но чаще туман просто заполнял воздух тысячами призраков, которые кружились и прорастали друг в друга. Он выпускал щупальца и лозой раскидывался в небе. Каждое утро туман исчезал немного позже, а каждый вечер появлялся чуть-чуть раньше. Возможно, еще до конца года он окутает все вокруг и останется навсегда. И самое страшное – с той ночи, когда Вин взяла силу у Источника Вознесения, туман стал убивать.

Два года назад Эленд не поверил Сэйзеду, когда тот пришел в Лютадель с ужасающим рассказом о перепуганных крестьянах и убивающем тумане. Вин также предположила, что Сэйзед ошибается. И сейчас, когда она смотрела на собравшихся на равнине горожан в окружении солдат и колоссов, она бы очень хотела продолжать в это верить.

Умирать начали сразу же, как только появился туман. Большинство он обходил стороной, выбирая некоторых без видимых причин. Люди начинали трястись, потом в конвульсиях падали на землю, а родные и друзья в ужасе наблюдали их страдания.

Вин тоже испытывала ужас. И еще отчаяние. Кельсер говорил, что туман – ее союзник, что он защитит и наделит силой. Она верила, что это правда, пока туман не начал казаться чуждым, пока в нем не появились странные призраки со склонностью убивать.

– Я тебя ненавижу, – прошептала Вин, наблюдая, как туман продолжает свое наводящее ужас занятие.

Словно старый знакомый вдруг принялся наугад резать глотки случайным людям из толпы. И она совершенно ничего не могла сделать. Ученые Эленда перепробовали все: предлагали носить капюшоны, препятствовавшие вдыханию тумана, выходить из дома только после того, как туман уже сгустился, заносить людей в дом сразу же после того, как начинался приступ. Животные по какой-то причине не были подвержены подобной напасти, но ни один человек не мог считать себя в безопасности. Выходя из дома в туман, можно было умереть, и ничто не могло этого предотвратить.

Вскоре все закончилось. Туман вызвал припадок у каждого шестого, но умерли лишь немногие. Кроме того, рискнуть нужно было всего лишь раз: одна отчаянная ставка – и ты уже неуязвим. Большинство из заболевших выздоравливали. Правда, семьям тех, кто погиб, легче от этого не становилось.

Вин сидела на пне и смотрела в туман, который подсвечивало заходящее солнце. Странное дело, но видела она сейчас хуже, чем в темноте: если сильнее разжечь олово, то ослепит солнечный свет, а без олова туман становился непроницаемым.

Потому-то окружающее и напоминало о тех временах, когда Вин боялась тумана. Поле зрения сузилось до каких-то десяти футов – дальше можно было разглядеть лишь тени. Бесформенные фигуры бегали туда-сюда и кричали. Кто-то упал на колени, кто-то застыл в ужасе. Обманчивое эхо отражалось от невидимых предметов, все вокруг заполнилось плачущими призраками.

Вин сидела опустив голову, и дождь из пепла казался ей дождем из жгучих слез.

– Лорд Фатрен! – Голос Эленда заставил Вин оглянуться.

Когда-то его голос не был таким властным. Когда-то... Император вышел из тумана, одетый в неизменный белый мундир – тот, что был еще чистым, – лицо его посуровело из-за случившихся смертей. Вин чувствовала аллюмантическое прикосновение Эленда ко всем, кто находился поблизости. Воздействие на эмоции должно было лишь слегка приглушить боль, поэтому он не стал действовать в полную силу. Полностью устранять скорбь от потери близкого человека Эленд считал неправильным.

– Мой господин! – послышался ответный возглас Фатрена, а вскоре и сам он подошел к Эленду и Вин. – Это катастрофа!

– Все не так плохо, как кажется, лорд Фатрен, – возразил Эленд. – Я уже объяснил: большинство из заболевших выздоровеют.

Фатрен остановился возле пня, на котором сидела Вин. Потом оглянулся и посмотрел в туман, наполненный плачем и стонами своих людей.

– Не могу поверить, что мы сделали это. Не могу... не могу поверить, что вы уговорили меня вывести их в туман.

– Твоих людей нужно было вакцинировать, Фатрен, – твердо сказал Эленд.

Он не лгал. На всех горожан не хватило бы палаток, и потому оставалось лишь два выхода. Бросить их в умирающем городке или силой увести на север – заставить выйти в туман и посмотреть, кто умрет, а кто выживет. Жестоко, но рано или поздно это все равно бы произошло. Даже понимая причины, почему так пришлось поступить, Вин чувствовала себя ужасно.

– Что же мы за чудовища? – приглушенно проговорил Фатрен.

– Такие, какими должны быть, – откликнулся Эленд. – Займись подсчетами. Узнай, сколько человек умерло. Успокой живых и пообещай, что от тумана больше никакого вреда не будет.

– Да, мой господин. – Фатрен удалился.

Вин проводила его взглядом.

– Мы их убили, Эленд, – прошептала она. – Мы их обнадежили. Мы заставили их покинуть город и прийти сюда, чтобы умереть.

– Все будет хорошо. – Эленд положил руку ей на плечо. – Так лучше, чем медленно умирать в том городке.

– Мы могли предоставить им выбор.

– Нет никакого выбора, – покачал головой Эленд. – Через несколько месяцев туман укроет их земли полностью. Им пришлось бы или запереться в домах и умирать от голода, или выйти в туман. Лучше уж мы заберем их в Центральный доминион, где еще достаточно света, чтобы выращивать зерно.

– От правды не легче.

Эленд стоял посреди тумана, под дождем из пепла.

– Не легче, – согласился он. – Я соберу колоссов, чтобы они похоронили умерших.

– А раненые?

Тех, кого не убивал, туман укладывал в постель на несколько дней – иногда больше – с судорожными припадками. Если пропорция и на этот раз будет такой, как всегда, в последнюю группу должна была попасть почти тысяча горожан.

– Когда мы завтра отправимся в путь, колоссы понесут их. Доберемся до канала и там погрузим на баржи.

* * *

Вин не любила чувствовать себя беззащитной. Все детство она провела, прячась по углам, а в юности стала тихим ночным убийцей. И вот теперь на одной из главных дорог Южного доминиона, в сопровождении пяти тысяч усталых горожан, ей было не по себе, и Вин ничего не могла с этим поделать.

Она шла на некотором расстоянии от горожан – рожденная туманом никогда не ездила верхом – и пыталась как-то отвлечься от мыслей о людях, которые умерли накануне вечером. К несчастью, Эленд с Фатреном и другими городскими старейшинами были заняты переговорами. Вин осталась в одиночестве.

Если не считать ее колосса.

Массивное чудовище неуклюже топало следом. Вин держала его под рукой отчасти ради удобства: присутствие монстра вынуждало горожан держаться подальше. Смотреть в их испуганные, обиженные предательством глаза было выше ее сил. Только не сейчас.

Никто не понимал колоссов, и Вин не являлась исключением. Она обнаружила скрытый алломантический механизм для управления ими. Но всю тысячу лет своего владычества Вседержитель держал колоссов отдельно от людей, не позволяя распространять о них иные сведения, кроме тех, что касались их жестокости и мастерства в бою, а также примитивной звериной природы.

Даже сейчас Вин чувствовала, как колосс дергается, пытаясь вернуть себе свободу. Ему не нравилось быть в чьей-то власти – ему хотелось напасть на ту, которая его поработила. К счастью, это было невозможно: Вин контролировала его и будет контролировать наяву и во сне, с горящими металлами и без, если только кто-то не украдет у нее эту тварь.

Хоть их и связывали узы, колосс все равно оставался загадкой. Вин подняла голову и встретила взгляд налитых кровью глаз. Кожа на лице чудовища была натянута, нос полностью расплюсчен. Возле правого глаза она треснула, и рваная рана протянулась до угла рта; из-под свисавшего синего лоскута виднелись красные мышцы и окровавленные зубы.

– Не смотри на меня, – медленно проговорила тварь.

Слова прозвучали невнятно, отчасти из-за того, что губы монстра были растянуты в разные стороны.

– Почему?

– Ты считаешь, что я не человек, – пояснил колосс в неторопливой манере, обычной для его собратьев. Словно приходилось обдумывать каждое слово.

– Ты не человек, – подтвердила Вин. – Ты что-то другое.

– Я буду человеком. Мы убьем вас. Заберем ваши города. И станем людьми.

Вин вздрогнула. Колоссы говорили об этом часто. Она слышала, как и другие делали похожие заявления. Было что-то воистину леденящее душу в том, как они своими невыразительными, ровными голосами твердили, что собираются убить всех людей.

«Их создал Вседержитель, – подумала Вин. – Конечно, они испорченные. Такие же испорченные, каким был и он сам».

– Как тебя зовут?

Колосс продолжал идти рядом, неуклюже переставляя ноги. Наконец посмотрел на Вин:

– Человек.

– Я знаю, что ты хочешь быть человеком. У тебя есть имя?

– Это мое имя. Человек. Называй меня «Человек».

Вин нахмурилась:

«Это прозвучало почти... разумно».

Раньше она никогда не пыталась разговаривать с колоссами. Всегда считала, что они были сделаны из одного теста – просто множество тупых тварей, похожих друг на друга во всем.

– Ладно, пусть будет Человек. – Вин была явно заинтригована. – Сколько ты уже живешь?

Какое-то время шли молча – так долго, что казалось, будто колосс уже и забыл о вопросе.

Но в конце концов он заговорил:

– Ты разве не видишь мою громадность?

– Громадность? Твой рост?

Человек просто продолжал идти вперед.

– Так вы все растете одинаково?

Он не ответил. Вин с досадой потрянула головой: вероятно, вопрос оказался для этого существа слишком абстрактным.

– Я больше некоторых, – вдруг сказал Человек. – Меньше некоторых, но таких не много. Это значит, я старый.

«Еще один признак разумности», – вскинув бровь от удивления, подумала Вин. Логика колосса была впечатляющей.

– Я тебя ненавижу, – снова заговорил Человек, когда они прошли еще некоторое расстояние. – Я хочу тебя убить. Но я не могу тебя убить.

– Не можешь, – подтвердила Вин. – Я тебе не позволю.

– Ты большая внутри. Очень большая.

– Да. Человек, а где ваши женщины?

Тварь протопала еще несколько шагов:

– Женщины?

– Как я, – попыталась объяснить Вин.

– Мы не такие, как ты, – возразил колосс. – Мы большие только снаружи.

– Нет. Не в размере дело. Я...

Как же объяснить ему, чем мужчина отличается от женщины? Только обнажиться – ничего другого ей в голову не пришло. Вин решила зайти с другой стороны.

– Существуют ли колоссы-дети?

– Дети? – не понял Человек.

– Малыши.

Колосс указал на марширующую впереди армию своих братьев.

– Маленькие, – пояснил он, имея в виду одного из пятифутовых колоссов.

– Еще меньше.

– Меньше нету.

Насколько Вин было известно, еще никому не удалось разгадать загадку воспроизводства колоссов. Даже после года сражений вместе с ними, она так и не поняла, откуда брались новые. Когда армии Эленда уменьшались, они вдвоем просто перетаскивали на свою сторону тех тварей, что сражались за инквизиторов.

Но было бы смешно думать, что колоссы не размножались. Вин сама видела, что в походных лагерях, которые не находились под контролем алломантов, твари убивали друг друга с пугающим постоянством. Такими темпами они непременно уничтожили бы сами себя за несколько лет. Но ведь им удалось продержаться десять веков.

Это означало, как предполагали Сэйзед и Эленд, что колоссам требовалось совсем мало времени на превращение из детей во взрослых. Теорию подтвердить пока что не удалось, и Вин понимала, что это сильно огорчает Эленда – особенно с той поры, когда обязанности императора стали отнимать у него почти все время, ранее уходившее на исследования, которые он так любил.

– Если колоссов меньшего размера не существует, – продолжала Вин, – тогда откуда вообще берутся новые колоссы?

– Новые колоссы берутся от нас, – не сразу, но все же ответил Человек.

– От вас? Что-то я совсем ничего не понимаю.

Однако больше Человек не прибавил ни слова. Его разговорчивость внезапно иссякла.

«От нас», – повторила про себя Вин. – Может, они разделяются на части?»

Она слышала о созданиях, которых можно было разрезать определенным способом, чтобы из каждой части выросло новое существо. Но к колоссам это точно не имело отношения: изрубленные куски тел на полях битв оставались лишь кусками мертвой плоти. А женщин среди колоссов Вин не видела – только мужчин: большинство тварей носили грубые набедренные повязки, и ошибиться было невозможно.

От дальнейших размышлений Вин отвлекла собравшаяся впереди толпа; продвижение замедлилось. Из любопытства она бросила монету и, оставив Человека позади, взмыла в воздух. Туман рассеялся много часов назад, и хоть приближалась ночь, пока что было достаточно светло и ясно.

Сквозь падающий пепел Вин с легкостью разглядела, что они находились уже недалеко от канала. Русло его казалось неестественно прямым – куда прямее, чем у обычной реки. Эленд предполагал, что постоянные пепельные дожди вскоре покончат с большей частью каналов. Без рабочих-скаа, которые бы регулярно углубляли дно, осадок из пепла заполнит русла, и никакой пользы от них уже не будет.

Вин стремительно взлетела, а потом начала снижаться, направляясь к палаточному лагерю на берегу канала. Там дымили тысячи костров и двигались люди – почти пятьдесят тысяч солдат упражнялись, работали, к чему-то готовились.

Бросив еще одну монету, рожденная туманом снова взмыла вверх и быстро догнала небольшой отряд верховых, которые отделились от строя устало маршировавших скаа. Следующая монета помогла замедлить падение, и Вин приземлилась, взметнув облако пепла.

Придерживая лошадь, Эленд оглядел лагерь и улыбнулся. Он так редко в последнее время улыбался, что Вин невольно улыбнулась сама. Впереди их ждали несколько человек – разведчики, которые должны были уже давным-давно доложить о приближении горожан.

– Лорд Эленд! – воскликнул человек, возглавлявший солдат. – Вы опередили расписание!

– Думаю, генерал, вы все равно уже готовы. – Эленд спешил.

– Вы же меня знаете, – подходя ближе, улыбнулся Дему.

Генерал носил потрепанные доспехи из кожи и стали, на щеке у него был шрам, а с левой стороны – там, где когда-то меч колосса чуть не проломил ему голову, – виднелся участок кожи, на котором не росли волосы. Держась, по обыкновению, официально, седеющий мужчина поклонился Эленду, который с признательностью похлопал его по плечу.

Улыбка Вин застыла.

«Я помню этого человека неопытным новобранцем. Перепуганный, он стоял посреди туннеля...»

Вообще-то, Дему был лишь немного старше ее, однако, глядя на его загорелое лицо и мозолистые руки, никому бы такое и в голову не пришло.

– Мы удержали позицию, мой господин, – доложил Дему. За его спиной Фатрен и Дрюффель спешили и присоединились к отряду. – Не скажу, что нам пришлось так уж сильно обороняться. Но все-таки хорошо, что у людей была возможность попрактиковаться в обустройстве укрепленного лагеря.

В самом деле, военный лагерь на берегу канала окружали земляные валы и заграждения из копий, – учитывая размеры войска, достижение казалось значительным.

– Ты справился, Дему. – Эленд повернулся в сторону горожан. – Наша миссия завершилась успехом.

– Вижу, мой господин, – снова улыбнулся Дему. – Вы добыли отличную свору колоссов. Надеюсь, инквизитор, которому она принадлежала раньше, не слишком расстроился.

– Вряд ли это его сильно взволновало, – усмехнулся Эленд, – он ведь был в тот момент уже мертв. И мы нашли подземное хранилище.

– Слава Выжившему! – воскликнул Дему.

Вин нахмурилась. На шее, поверх одежды, Дему носил маленькое серебряное копье на шнурке – символ Церкви Выжившего, становившейся все более популярной. Казалось странным, что оружие, которым был убит Кельсер, превратилось в символ его последователей.

И это копье, которым Вин прикончила Вседержителя? Она не уточняла у Дему. За три года, что Церковь набирала силу, Вин так и не смогла свыкнуться со своим местом в ее доктрине.

– В самом деле, слава Выжившему, – поддержал генерала Эленд, переводя взгляд на баржи с провиантом. – Как продвигается твое предприятие?

– Очистка южного изгиба? – уточнил Дему. – Лучше некуда! По счастью, нам как раз было нечем заняться в ожидании. Зато теперь там можно будет протаскать баржи.

– Отлично! Собери два отряда по пять сотен человек. Задача первого – забрать в Ветитане провизию, которую пришлось оставить в пещере. Пусть погрузят все на баржи и переправят в Лютадель.

– Да, мой господин.

– Второй отряд должен сопровождать этих беженцев на север, в Лютадель. – Эленд кивком указал на Фатрена. – Это лорд Фатрен. Он командует горожанами. Пусть твои люди с уважением отнесутся к его пожеланиям, если они будут разумны, и пусть его представят лорду Пенроду.

Когда-то – совсем не так давно – Фатрен начал бы жаловаться, что его передают из рук в руки. Но время, проведенное с Элендом, на удивление быстро его изменило. Испачканный сажей правитель Ветитана с благодарностью закивал, услышав о предоставленном его людям сопровождении.

– Вы... не отправитесь с нами, мой господин?

Эленд покачал головой:

– У меня есть другие дела, а твоим людям необходимо добраться до Лютадели и приступить к работе на полях. Но если кто-то пожелает присоединиться к моему войску, им будут только рады. Мне всегда нужны хорошие солдаты, а под твоим руководством они многому научились.

– Мой господин... разве нельзя их просто заставить? Прошу прощения, но ведь именно этим вы пока что и занимались.

– Я заставил твоих людей отправиться в безопасное место, Фатрен, – возразил Эленд. – Иногда даже утопающий человек будет бороться с тем, что пытается его спасти, и спасителю приходится применять силу. Мое войско – дело совсем иного рода. На людей, которые не хотят сражаться, нельзя положиться в бою, и мне такие не нужны. Тебе самому необходимо отправиться в Лютадель – твои горожане нуждаются в правителе, – но, пожалуйста, пусть каждый солдат узнает, что для него найдется место в наших рядах.

– Я понял. И... спасибо, мой господин.

– Не стоит благодарностей. – Эленд повернулся к Дему. – Сэйзед и Бриз уже здесь?

– Думаю, будут к вечеру, мой господин. Их человек прибыл заранее, чтобы нам это сообщить.

– Отлично! Полагаю, моя палатка готова?

– Да, мой господин.

Эленд кивнул, и внезапно Вин показалось, что он очень устал.

– Мой господин? – не удержавшись, спросил Дему. – Вы нашли... то, другое? Расположение последнего тайника?

– Да. Он в Фадрексе.

– В городе Сетта? – со смехом переспросил Дему. – О, он будет счастлив, когда услышит. Он уже год жалуется, что никто и пальцем не пошевелил, чтобы отвоевать его владения.

Эленд слабо улыбнулся:

– Убежден, что если бы мы это сделали, Сетт бы решил, что он и его солдаты в нас больше не нуждаются.

– Он останется, мой господин. Леди Вин в прошлом году его здорово напугала...

Дему улыбнулся Вин, но она видела, что за чувство прячется за этой улыбкой. Уважение, слишком сильное уважение. С ней он не шутил, как с Элендом. Вин все еще не могла поверить, что Эленд присоединился к этой их глупой церкви. Чистая политика: разделив со скаа их религию, он выковал связь между собой и простым народом. Но даже прекрасно понимая это, Вин чувствовала себя неуютно.

Однако год супружества научил, что на некоторые вещи лучше просто не обращать внимания. Она могла любить Эленда за одно лишь стремление поступать правильно, даже если и была с ним не согласна.

– Сзови собрание этим вечером, Дему, – распорядился Эленд. – Нам нужно многое обсудить. И сообщи, когда придет Сэйзед.

– Должен ли я сообщить лорду Хэммонду и остальным о том, что именно будет обсуждаться, мой господин?

Эленд слегка помедлил.

– Завоевание мира, Дему, – сказал он наконец, глядя в пепельное небо. – По крайней мере, того, что от него осталось.

* * *

Алломантия, несомненно, возникла вместе с туманом. Или, по крайней мере, время ее появления совпадает со временем, когда туман впервые дал о себе знать. Кое о чем Рашек узнал, когда забрал силу у Источника Вознесения, кое-что нащупал ему Разрушитель – остальное пришло вместе с инстинктивным пониманием природы его сил.

Последнее включало сведения о Трех Металлических Искусствах. К примеру, Рашек знал, что металлические частицы в Зале Вознесения способны превратить тех, кто их проглотит, в рожденных туманом. На самом деле это ведь были частицы силы, которая содержалась в Источнике.

9

Тен-Сун принадлежал к Третьему поколению, поэтому уже бывал в Сокровенном месте. Он родился семь веков назад, когда его народ был еще совсем молод.

Вторые, которым Первое поколение поручило заняться выращиванием молодых кандра, не очень-то хорошо справились с поколением Тен-Суна. По крайней мере, так считали сами Третьи. Вторые хотели создать общество, где каждый член подчинялся бы строгим правилам и уважал старших. «Совершенный», с их точки зрения, народ, предназначение которого заключалось в служении Договорам и, разумеется, Второму поколению.

До самого своего возвращения Тен-Сун считался одним из наименее проблемных Третьих. Все знали, что он кандра, которому нет никакого дела до политики на родине, который отрабатывает Договоры и старается держаться как можно дальше от Вторых с их интригами. Ирония судьбы: именно Тен-Сун в конечном счете предстал перед судом по обвинению в самом мерзком преступлении, какое только знали кандра.

Охранники провели его в центр Сокровенного места – на саму платформу. Тен-Сун не понимал до конца, стоит чувствовать себя польщенным или устыдившимся? Даже будучи членом Третьего поколения, он нечасто оказывался так близко к Сокровенности.

Помещение было большим и круглым, с металлическими стенами. Платформа высотой примерно в один фут и десять футов в поперечнике представляла собой массивный стальной диск посреди каменного пола. Гладкая поверхность холодила ступни, и Тен-Сун в очередной раз вспомнил о своей наготе. Руки ему не связали – это стало бы слишком сильным оскорблением даже для подобного ему преступника. Кандра подчинялись Договору – даже те, кто принадлежал к Третьему поколению. Он не убежит и не нападет на себе подобного. Он выше этого.

Комнату освещали не каменные светильники, а лампы из голубого стекла. Раздобыть масло было непросто, а Второе поколение, разумеется, не хотело зависеть от поставок из мира людей. Люди с поверхности – даже большинство слуг Отца – не знали, что у кандра имеется централизованное правительство. Так казалось безопаснее.

В голубоватом свете Тен-Сун без труда разглядел членов Второго поколения – все двенадцать стояли за трибунами, которые в несколько рядов располагались в дальнем конце помещения. Они находились достаточно близко, чтобы видеть, изучать и говорить, но достаточно далеко, чтобы Тен-Сун, стоя посреди платформы, почувствовал себя в одиночестве. Замерзли ноги. Он посмотрел вниз и увидел рядом со своими пальцами прорезанное в стальном диске платформы маленькое отверстие.

«Сокровенность...» – Она находилась прямо внизу, под ним.

– Тен-Сун из Третьего поколения!

Тен-Сун поднял голову. Это был, конечно, Кан-Паар. Высокий кандра – точнее, предпочитавший высокое Истинное тело. Как и у всех Вторых, кости его были из чистейшего хрусталя – в данном случае темно-красного. Подобное тело являлось непрактичным во многих смыслах. В бою, к примеру, от таких костей толку никакого. Но будучи одним из правителей Обиталища, Кан-Паар явно считал хрупкость своих костей достойной платой за их блистающую красоту.

– Я здесь, – отозвался Тен-Сун.

– Ты по-прежнему настаиваешь на проведении суда? – Акцент Кан-Паара отчего-то усилился.

Вторые, предположительно, говорили с тем же акцентом, что и Отец. А поскольку держались в стороне от людей, их произношение не подвергалось влиянию новых диалектов.

– Да, – подтвердил Тен-Сун.

Стоявший за своей каменной трибуной Кан-Паар нарочито громко вздохнул. Потом склонил голову перед теми, кто скрывался в верхней части помещения. Первое поколение наблюдало за происходящим именно оттуда. По периметру пещеры располагались затененные ниши – по одной на каждого. В нишах можно было разглядеть лишь смутные человекоподобные очертания. Первые никогда не подавали голоса. Это они предоставили Вторым.

Двери позади Тен-Суна открылись, раздались приглушенные голоса, звуки шагов. Он повернулся и с невольной улыбкой стал рассматривать входивших. Кандра разных размеров и возрастов. Самым младшим посетить столь важное собрание наверняка не разрешили, но более зрелые поколения – все, вплоть до Девятого, – не могли не прийти. Это была победа – возможно, единственная, на которую Тен-Сун мог рассчитывать на суде.

Если ему суждено стать приговоренным к вечному заточению, его народ хотя бы должен узнать правду. Хотя бы услышать то, что Тен-Сун собирался сказать. Второе Поколение ему не убедить, и кто знает, что думают, сидя в своих темных нишах, молчаливые Первые? Однако кандра помоложе, возможно, прислушаются. И возможно, когда Тен-Суна не станет, что-то предпримут. Он следил, как они заполняют зал, занимают места на каменных скамейках. Несколько сотен. Самые малочисленные – Первые, Вторые, Третьи, поскольку многие погибли в те времена, когда люди их боялись и истребляли. Представителей последующих поколений было намного больше: одно только Десятое включало сотню с лишним особей. Скамьи Сокровенного места строили с таким расчетом, чтобы их хватило на всех, правда, сейчас здесь находились только кандра, не занятые исполнением Договора или чем-то еще.

Тен-Сун надеялся, что Ме-Лаан не придет, но она показалась в дверях чуть ли не первой. На мгновение он испугался, что сейчас она бросится через всю комнату и взбежит на платформу, куда допускались лишь благословенные или проклятые. Однако Ме-Лаан застыла в дверном проеме, заставив остальных с раздражением проталкиваться к незанятым местам.

Тен-Сун сразу узнал ее, несмотря на весьма причудливое Истинное тело. Тонкие деревянные кости казались преувеличенно, неестественно гибкими; череп был длинным, с заостренным треугольным подбородком, глаза выглядели слишком большими, а витые шнуры заменяли волосы. Молодые поколения расширяли границы дозволенного, раздражая Вторых. Тен-Сун, наверное, мог бы с ними согласиться: даже сейчас он считал себя приверженцем порядка. Но сегодня вызывающее тело Ме-Лаан лишь заставило его улыбнуться.

Сразу успокоившись, Ме-Лаан отыскала себе место в первых рядах, возле нескольких Седьмых. Эти предпочитали и вовсе деформированные Истинные тела: один напоминал каменную плиту, у другого было четыре руки.

– Тен-Сун из Третьего поколения. – Официальный тон Кан-Паара заставил зрителей притихнуть. – Ты упорно требовал суда в присутствии Первого поколения. Согласно Первому договору, мы не можем вынести приговор, не позволив тебе выступить в свою защиту. Если Первое поколение сочтет необходимым отменить наказание, тебя освободят. В противном случае ты должен будешь принять решение Совета Вторых, которое и определит твою судьбу.

– Я понял, – откликнулся Тен-Сун.

– В таком случае, – Кан-Паар облокотился на трибуну, – мы начинаем.

«Он совсем не обеспокоен, – понял Тен-Сун. – Похоже, он собирается развлечься. А почему бы и нет? После того, как они веками внушали, что Третье поколение состоит из него-деев? Все это время Вторые пытались исправить свои ошибки, а ошибками они считали то, что дали нам слишком много свободы, позволили считать, что мы ничем не хуже их. Доказав

теперь, что я – самый «спокойный» из Третьих – представляю опасность, Кан-Паар одержит победу в войне, которую ведет большую часть своей жизни».

Тен-Суну всегда казалось странным, что Вторые так сильно опасались Третьих. Им понадобилась лишь одна смена поколений, чтобы осознать свои ошибки: Четвертые были почти столь же лояльны к ним, как и Пятые, если не считать нескольких отклонений от нормы.

И все же кое-кто из молодых поколений – Ме-Лаан и ее друзья, к примеру, – действовали так, что... возможно, Вторые боялись не зря. Потому и собирались принести Тен-Суна в жертву. Таким им представлялся путь восстановления порядка и благочестия.

Их точно ожидал сюрприз.

* * *

Зерна чистой алломантии – частички силы самого Охранителя. Не знаю, почему Рашек оставил одно из них у Источника Вознесения. Возможно, не заметил – возможно, собирался использовать позже, чтобы вознаградить счастливчика из числа своих слуг.

А возможно, боялся, что когда-нибудь потеряет собственные силы, и это зернышко понадобится ему самому, чтобы восстановить алломантический дар. Так или иначе, я благословляю Рашека за его оплошность, потому что без этой металлической бусины Эленд бы умер у Источника в тот день.

10

Сэйзед никак не мог разобраться, что делать с ларстаизмом. Религия выглядела достаточно невинной. О ней было известно многое: в четвертом веке один из хранителей обнаружил целый клад с молитвенниками, священными книгами, записями и заметками, которые когда-то принадлежали высокопоставленному священнику этой церкви.

И все-таки сама по себе религия казалась в каком-то смысле... нерелигиозной. Основанная на искусстве, а не на святости в привычном смысле, она поощряла денежные пожертвования монахам, которые сочиняли стихи, рисовали и создавали скульптуры. Это как раз и не позволяло Сэйзеду сделать окончательный вывод, поскольку он не мог отыскать ни одного противоречия в доктринах ларстаизма. Их просто было слишком мало, чтобы одно в них могло противоречить другому.

Террисиец читал и перечитывал написанное, качал головой. Лист бумаги он прикрепил к папке, чтобы не сдуло ветром, а привязанный к седлу зонт защищал страницу от пепла. Вин жаловалась, что не понимает, как можно ехать верхом и читать, – Сэйзед же устроил все очень удобно.

Тем более не надо было перелистывать страницы – он просто перечитывал одни и те же слова снова и снова, повторял про себя, будто играя с ними в уме. Предстояло принять решение. Содержалась ли в этой религии истина? Ларстаизма придерживалась Мэйр, жена Кельсера. Она была из числа тех немногих знакомых Сэйзеда, которые предпочли поверить в одну из старых, проповедуемых им религий.

«Ларста верили, что смысл жизни заключается в поиске божественного. Учили, что искусство приближает нас к пониманию сущности божества. Поскольку не все могут тратить время на искусство, ради блага общества в целом необходимо поддерживать группу преданных своему делу мастеров, которые будут создавать шедевры, способные возвышать людей, соприкоснувшихся с ними».

Все это было очень даже хорошо, с точки зрения Сэйзеда, но как же вопросы жизни и смерти? Как быть с душой? Что собой представляло божественное и как оно допускало ужасы, происходящие с миром, если и в самом деле существовало?

– Ты знаешь, – заговорил вдруг ехавший рядом Бриз, – во всем этом есть что-то потрясающее.

Слова нарушили сосредоточенность Сэйзеда. Со вздохом он отвел взгляд от своего труда. Лошадь продолжала идти вперед, цокая копытами.

– И что же вас так поразило, лорд Бриз?

– Пепел. Ну ты только посмотри на него! Все вокруг покрыто пеплом и кажется таким черным. Просто невероятно, насколько жутким сделался пейзаж. Во времена Вседержителя он был коричневым, и растения за пределами городских стен казались умирающими. Меня это угнетало. Но чтобы пепел сыпался круглые сутки, погребая под собой всю страну... – Гасильщик с улыбкой покачал головой. – Вот уж не думал, что без Вседержителя станет намного хуже. Да уж, наделали мы бед! Уничтожили мир. Это вам не какой-нибудь пустяковый трюк, если хорошенько подумать. И я спрашиваю себя: стоит ли нам восхищаться своими достижениями?

Террисиец нахмурился. В сопровождении сотни солдат Эленда они продвигались на юг. Редкие хлопья кружились в воздухе, медленно опускались на землю, где-то в вышине сгустилась привычная мгlistая тьма. Пеплопад был несильным, но постоянным – без перерыва шел вот уже почти два месяца. Лошади брели по колено в пепле. В некоторых местах слой его достигал уже нескольких футов. Сколько времени пройдет, пока он станет слишком глубоким для путешественников?

Все было черным: холмы, дорога, окружавшая их сельская местность. Деревья склонили ветви под тяжестью толстого слоя сажи. Поверхностная растительность была, похоже, мертва, и даже всего две лошади, на которых ехали Сэйзед и Бриз, уже по дороге в Лекаль представляли собой проблему, поскольку не могли прокормиться сами. Солдатам приходилось нести провизию еще и для них.

– Должен признаться, однако, – продолжил Бриз, явно расположенный к беседе под защитой зонтика, прикрепленного к его седлу, – что пепел – это чуть-чуть банально.

– Банально?

– Ну да. Хотя мне и нравятся костюмы черного цвета, сами по себе они навевают тоску.

– Разве пепел может быть другим?

Бриз пожал плечами:

– Вин ведь говорила, что за всем этим кто-то стоит, так? Некая злая роковая сила, или как там ее? Что ж, будь я такой роковой силой, я бы точно не стал утруждаться, окрашивая землю в черный цвет. Никакого шика. Красный был бы куда интереснее. Ты только подумай, какие открываются перспективы, окажись пепел красным, – реки превратились бы в потоки крови. Черный цвет настолько монотонный, что его перестаешь замечать, а вот красный... Ты только представь: красный холм! Увидев такое, я сказал бы, что злой рок, который хочет меня уничтожить, определенно обладает хорошим вкусом.

– Не уверен, что «злой рок» вообще существует, лорд Бриз.

– Да?

Сэйзед покачал головой:

– Пепельные горы всегда выпускали тучи пепла. Разве так уж сложно предположить, что сейчас они стали активнее, чем раньше? Очень может быть, это все лишь результат естественных процессов.

– А туман?

– Климат меняется, лорд Бриз. Возможно, раньше дни были слишком теплыми, чтобы появлялся туман. Теперь, когда пепла в воздухе стало больше, дни вполне закономерно сделались холоднее, и поэтому туман держится дольше.

– Правда? Если все так, мой дорогой друг, то почему туман не задерживался в зимние дни? Они гораздо холоднее летних, но туман всегда исчезал с рассветом.

Террисиец смолк. Бриз был в чем-то прав. Но, вычеркивая из своего списка одну религию за другой, Сэйзед все чаще задавался вопросом, не выдумали ли они, что «сила», которую почувствовала Вин, является враждебной. Нет, он ни секунды не сомневался в том, что она рассказала им правду. Но если все религии лгали, разве такой уж большой натяжкой было предположить, что конец света надвигался на них просто потому, что отпущенное миру время вышло?

– Зеленый!

Сэйзед повернулся к гасильщику.

– Вот это, я понимаю, стильный цвет, – продолжал Бриз. – Необычный. Нельзя увидеть зеленое и забыть о нем, как о черном или коричневом. Разве Кельсер не твердил все время, что когда-то растения были зелеными? До Вознесения Вседержителя, до того, как Бездна впервые пришла в наш мир?

– Так написано в хрониках.

– По-моему, это было бы красиво, – задумчиво кивнул Бриз.

– Разве? – искренне удивился Сэйзед. – Большинство людей, с которыми я говорил, находили зеленые растения очень странными.

– И мне раньше так казалось, но теперь, когда приходится день за днем глядеть на черное... Что ж, думаю, некоторое разнообразие бы не помешало. Зеленые поля... капельки цвета... как их Кельсер называл?

– Цветы, – подсказал Сэйзед. – Ларста писали о них стихи.

– Да. Будет хорошо, когда они вернутся.

– Вернутся?

– Ну, Церковь Выжившего учит, что Вин однажды очистит небо от пепла, а воздух от тумана. Думаю, раз уж ей придется этим заняться, могла бы заодно вернуть растения и цветы. Сдается мне, это был бы подходящий поступок для женщины.

Сэйзед со вздохом покачал головой:

– Лорд Бриз, я понимаю, что вы просто пытаетесь воодушевить меня. Однако мне весьма трудно поверить в то, что вы приняли учение Церкви Выжившего.

Бриз колебался. Потом на его лице появилась улыбка.

– Перестарался немного, да?

– Чуть-чуть.

– С тобой все непросто, мой друг. Ты настолько остро воспринимаешь прикосновение к эмоциям, что я почти не могу пользоваться алломантией, а в последнее время ты стал такой... ну, совсем другой. – Голос Бриза вдруг сделался мечтательным. – И все-таки было бы здорово увидеть зеленые растения, про которые все время говорил наш Кельсер. После шести месяцев пепла вполне можно хотя бы захотеть поверить в них. Наверное, этого достаточно для старого лицемера вроде меня.

Безнадежность, овладевшая Сэйзедом, едва не заставила его язвительно отметить, что простой веры недостаточно. Мечты и вера ничего ему не дали. Они не могли изменить тот факт, что растения умирали и мир двигался к своему концу.

Борьба потеряла смысл, потому что смысла не было во всем остальном.

Усилием воли Сэйзед отогнал подобные мысли. Иногда он переживал, что превратился в меланхолика. Но большую часть времени, к несчастью, даже собственная склонность к пессимизму его не волновала.

«Ларста, – сказал он себе. – Сосредоточься на этой религии. Надо принять решение».

Комментарии Бриза заставили Сэйзеду призадуматься. Ларста очень много внимания уделяли красоте и искусству, которые считали божественными. Но если божественность имела хоть какое-то отношение к искусству, тогда ни один бог никак не мог быть связан с тем, что происходило в мире. Пепел, уныние, гнетущий пейзаж... это не просто «банально», как выразился Бриз. Это совершенно безвкусно. Тускло. Монотонно.

«В религии нет истины, – записал Сэйзед в нижней части листа. – Наблюдаемые события прямо противоречат учению».

Он развязал папку и убрал туда лист, еще на шаг приблизившись к завершению своего труда. Террисиец видел, как краем глаза за ним наблюдает Бриз – гасильщик любил секреты. Сэйзед сомневался, что он будет так уж впечатлен, если узнает об истинной сущности этой работы. Как бы там ни было, хранитель хотел лишь одного: чтобы Бриз позволял ему оставаться в одиночестве, когда наступало время для работы.

«Мне не следовало быть с ним таким резким», – подумал Сэйзед.

Он знал, что гасильщик по-своему пытается ему помочь. Бриз изменился с момента их первой встречи. Когда-то – несмотря на редкие проблески сочувствия – он и в самом деле был грубым, эгоистичным манипулятором, которым теперь лишь притворялся. Сэйзед подозревал,

что Бриз присоединился к компании Кельсера не ради желания помочь скаа, а из-за вызывающего плана, не говоря уже о богатом вознаграждении, которое пообещал ему Кельсер.

Вознаграждение – атиумный запас Вседержителя – оказалось выдумкой. Взамен Бриз получил нечто другое.

Внезапно террисиец заметил, что впереди кто-то движется сквозь пепел. Человек, одетый в черное. Однако посреди черно-серого поля даже проблески телесного цвета заметить было нетрудно. Должно быть, один из разведчиков. Капитан Горадель остановил отряд и отправил солдата навстречу. Сэйзед и Бриз терпеливо ждали.

– Донесение, господин посол, – доложил Горадель через некоторое время. – Армия императора вон за теми холмами – до них меньше часа.

– Отлично. – Сэйзеда порадовала мысль, что скоро он увидит хоть что-то, отличное от жутких черных холмов.

– Похоже, они нас заметили, господин посол, – продолжал капитан. – Приближаются всадники. Вообще-то, они уже...

– Здесь. – Сэйзед кивком указал на ближайший холм, на вершине которого показался верховой. Разглядеть его на черном фоне не составило труда. Он не только очень быстро двигался – гнал бедную лошадь галопом по дороге, – но еще и был одет в розовое.

– Ой-ой-ой. – Бриз вздохнул.

Скачущая фигура превратилась в юную, золотоволосую в ярко-розовом платье женщину, выглядевшую моложе своих двадцати с чем-то лет. Альрианна обожала кружева и оборки и цвета старалась носить такие, чтобы выделяться. Сэйзед мог бы предположить, что подобная ей будет плохой наездницей. Однако Альрианна демонстрировала изящество и изрядное мастерство, без которого, будучи одетой в столь легкомысленное платье, сложно было бы удержаться в седле галопирующей лошади.

Осадив лошадь, Альрианна словно превратилась вместе с ней в вихрь сборчатой ткани и золотых волос. Девушка собиралась уже спешиться, но поколебалась, увидев на земле слой пепла в полфута глубиной.

– Альрианна? – после секундной паузы окликнул Бриз.

– Подожди. Я пытаюсь решить, стоит ли испачкать платье ради того, чтобы подбежать к тебе и обнять.

– Мы могли бы отложить это до прибытия в лагерь...

– Но тогда я не смогу скомпрометировать тебя перед твоими солдатами, – возразила Альрианна.

– Строго говоря, моя дорогая, – парировал Бриз, – этими солдатами командую не я, а Сэйзед.

Вспомнив о присутствии террисийца, Альрианна перевела на него взгляд, мило улыbnулась и наклонилась, изображая реверанс в седле.

– Господин посол, – церемонно произнесла она.

И Сэйзед почувствовал внезапную – и неестественную – нежность к молодой даме. Она его разжигала. Если кто-то и был способен использовать алломантию более беспардонным образом, чем Бриз, то только Альрианна.

– Принцесса, – склонив голову, в тон ей ответил Сэйзед.

Наконец Альрианна приняла решение и соскользнула с лошади. Не вперед ринулась, а подняла платье не самым деликатным образом. Это могло бы выглядеть нескромно, если бы под подолом не оказалось несколько слоев кружевных нижних юбок.

Подосевший капитан Горадель помог Альрианне взобраться на лошадь Бриза и усесться впереди него в седло. Эти двое так и не поженились официально: отчасти потому, возможно, что гасильщика смущала связь с женщиной, которая была его настолько моложе. Когда на

Бриза хорошенько надавили, он объяснил, что не хочет оставить ее вдовой, когда умрет – что, по его мнению, должно было случиться очень скоро, хотя ему едва перевалило за сорок.

«Если все пойдет так и дальше, мы все скоро умрем, – подумал Сэйзед. – И возраст тут ни при чем».

Возможно, именно по этой причине Бриз наконец-то согласился не скрывать их отношения с Альрианной. Так или иначе, но по тому, как он на нее смотрел и как деликатно, даже отчасти благоговейно, придерживал сейчас за талию, не возникало сомнений, что он очень ее любит.

«Наши общественные устои рассыпаются, – продолжал размышлять Сэйзед, когда колонна солдат продолжила движение. – Раньше официальный брак являлся необходимостью, особенно если в отношениях участвовала молодая женщина ее положения».

А теперь даже некому было совершить церемонию бракосочетания. Поручителей почти не осталось. Государство, созданное Элендом и Вин – утилитарный, действующий по строгим правилам союз городов, – предназначалось для ведения войны. Но превыше всего было понимание неправильности перемен, происходивших вокруг.

Зачем беспокоиться о свадьбе, если еще до конца года наступит конец света?

Сэйзед покачал головой. Пришло время, когда людям как никогда требовалась система, требовалась вера, чтобы просто жить. Он просто обязан был дать им ее. Церковь Выжившего пыталась это сделать, но она была слишком молода, а ее приверженцы слишком неопытны в вопросах религии. Уже происходили споры по поводу доктрин и методик, и каждый город Новой империи создавал свой вариант религии, не похожий на остальные.

В прошлом Сэйзед проповедовал разные религии, не чувствуя необходимости верить в каждую из них. Он воспринимал любую из них как особенную и подавал все вместе, словно официант закуску, пробовать которую ему нет нужды.

Поступать так же сейчас было бы, как считал Сэйзед, лицемерием. Людям нужна вера, но он, террисийский хранитель, не может ее дать. Он больше никогда не станет учить лжи.

* * *

Плеснув в лицо холодной водой из таза, Сэйзед наслаждался приятным контрастом. Капли потекли по щекам и подбородку, стирая пятна сажи. Он вытерся чистым полотенцем и достал бритву и зеркало, чтобы как следует побрить голову.

– Почему ты продолжаешь это делать? – внезапно спросил чей-то голос.

Сэйзед повернулся. Лишь несколько секунд назад палатка, отведенная ему в лагере, была пуста.

– Леди Вин, – улыбнулся террисиец.

Она скрестила руки и вскинула бровь. Вин всегда двигалась бесшумно, однако в последнее время довела это умение до совершенства. Внутрь палатки она проникла без единого шороха. Как и обычно, Вин была одета по-мужски – в рубашку и брюки, – но отросшие до плеч черные как вороново крыло волосы придавали ей более женственный вид. В прежние времена Вин не ходила, а кралась, редко смотрела людям в глаза. По-прежнему оставаясь незаметной, тихой, худенькой и хрупкой, теперь она всегда смотрела прямо в глаза.

Огромная разница.

– Генерал Дему сказал, что вы отдыхаете, леди Вин.

– Дему не настолько глуп, чтобы позволить мне проспять твоё прибытие.

Сэйзед спрятал улыбку, потом взмахом руки предложил ей сесть в кресло.

– Можешь продолжать бриться, – разрешила Вин. – Все в порядке.

– Пожалуйста. – Сэйзед снова указал на кресло.

Вин со вздохом села:

– Ты так и не ответил на мой вопрос, Сэйз. Почему ты продолжаешь носить одеяния дворецкого? Почему, по обычаю террисийских слуг, бреешь голову? Почему боишься показать непочтительность, бреясь в моем присутствии? Ты больше не слуга.

Террисиец опустил в кресло напротив:

– Я не уверен, что понимаю, кто я такой, леди Вин.

Стены палатки захлопали от легкого ветра, немного пепла задуло сквозь оставленный незавязанным полог.

– Ты Сэйзед, – нахмурилась Вин.

– Верховный посол императора Венчера.

– Нет. Это то, чем ты занимаешься, но не то, кем являешься.

– И кем же тогда я являюсь?

– Сэйзедом, – повторила Вин. – Хранителем из Терриса.

– Хранителем, который больше не носит свою метапамять?

Вин бросила взгляд на сундук в углу. Там лежала медная метапамять Сэйзеда – ферухимическое хранилище, заполненное сведениями о религиях, историями, преданиями и легендами давно сгинувших народов. Этими запасами было необходимо с кем-то делиться, их было необходимо пополнять.

– Боюсь, я стал очень себялюбивым человеком, – признался Сэйзед.

– Глупости! – отрезала Вин. – Ты всю жизнь служил другим людям. Я не знаю никого, кто был бы менее себялюбивым, чем ты.

– Ценю ваши чувства, но вынужден возразить. Леди Вин, нам всем не привыкать к печали. По-моему, вы знаете лучше кого бы то ни было, насколько сложна жизнь в Последней империи. Каждый из нас терял близких. Однако я оказался единственным, кто не смог справиться с потерей. Я чувствую себя глупо. Да, Тиндвил умерла. По правде говоря, я не так уж много времени провел с ней до того, как она покинула этот мир. У меня нет причин чувствовать то, что я чувствую. И все же я каждое утро просыпаюсь и вижу впереди себя тьму. Когда я надеваю метапамять, мне становится холодно, и я вспоминаю время, проведенное с ней. В моей жизни больше не осталось места для надежды. Я должен идти вперед, но не могу. Я, видимо, слабовольный.

– Это совершенно не так, Сэйзед.

– Не могу согласиться.

– Разве? Если бы ты и впрямь был слабовольным, разве ты смог бы со мной спорить?

Сэйзед помедлил, потом улыбнулся:

– Интересно, когда это вы успели так овладеть логикой?

– Я живу с Элендом, – вздохнула Вин. – Тому, кто предпочитает идти наперекор здравому смыслу, не стоит связывать свою жизнь с мыслителем.

«Я едва не сделал этого». Непрошенная мысль погасила улыбку Сэйзеда. Вин чуть поежилась – должно быть, поняла, о чем он подумал.

– Извини, – сказала она, глядя в сторону.

– Все в порядке, леди Вин. Просто я... чувствую себя таким слабым. Я не могу быть тем, кого люди хотели бы видеть во мне. И похоже, я самый последний хранитель. Минул год, как инквизиторы атаковали мой родной город и перебили даже младенцев-ферухимиков, а мы до сих пор не знаем, выжил ли кто из моих братьев. Многих совершенно точно не было в городе, но либо инквизиторы их выследили, либо случилась какая-то другая беда. В последнее время недостатка в бедах не ощущается, по-моему.

Вин сидела, сложив руки на коленях, и в тусклом свете выглядела непривычно слабой. Сэйзед увидел горестное выражение ее лица и помрачнел.

– Леди Вин?

– Прости, но... это ведь ты всегда давал советы, Сэйзед. И вот теперь мне нужен совет, как быть с тобой.

– Боюсь, вам никто не сможет помочь.

Некоторое время они сидели в молчании.

– Мы нашли склад, – снова заговорила Вин. – Предпоследнюю пещеру. Я сделала для тебя копию надписи оттуда. На тонком стальном листе – чтобы она сохранилась.

– Благодарю.

Вин неуверенно посмотрела на своего собеседника:

– Ты что же, не хочешь ее изучить?

Помедлив, Сэйзед все же покачал головой:

– Не знаю.

– Мне не справиться с этим самостоятельно, Сэйзед, – прошептала Вин. – Я не могу бороться с ним в одиночку. Ты мне нужен.

В палатке снова стало тихо.

– Я... сделаю, что смогу, леди Вин, – наконец проговорил Сэйзед. – По-своему. Я должен отыскать ответы на собственные вопросы, прежде чем отвечать на чужие. Но все же пусть копию доставят в мою палатку. Обещаю хотя бы прочитать.

– Эленд устраивает собрание этим вечером. Будем планировать следующие шаги. Он хочет, чтобы ты пришел. – Вин поднялась и уже направилась к выходу, сопровождаемая легким запахом духов, но вдруг приостановилась. – Был момент – после того, как я получила силу у Источника Вознесения, – когда я была уверена, что Эленд умрет.

– Но он не умер, – возразил Сэйзед. – Он жив.

– Не имеет значения, – покачала головой Вин. – Я считала его мертвым. Я знала, что он умирает. У меня была та сила, Сэйзед, – сила, которую ты не в состоянии себе вообразить. Сила, способная уничтожать миры и создавать их заново. Сила, позволяющая все видеть и все понимать. Я смотрела на него и знала, что он умрет. И знала, что могу его спасти.

Сэйзед поднял голову.

– Но я не сделала этого, – сказала Вин. – Я позволила ему истекать кровью, а силу отпустила. Я обрекла его на смерть.

– Как? – ужаснулся Сэйзед. – Как же вы могли такое сделать?

– Я заглянула ему в глаза и поняла, что он этого хочет. Ты мне это дал, Сэйзед. Ты научил любить его настолько сильно, чтобы позволить ему умереть.

С этими словами Вин вышла из палатки. Через несколько минут террисиец возобновил бритье и обнаружил рядом с тазом предмет, которого раньше не было. Маленький лист бумаги, сложенный в несколько раз.

Это оказалось старое, выцветшее изображение странного растения. Цветка. Рисунок когда-то принадлежал Мэйр. От нее он попал к Кельсеру, а потом к Вин.

Сэйзед смотрел на рисунок и пытался понять, почему Вин оставила эту картинку ему. Наконец снова сложил лист и спрятал его в рукав.

* * *

Первый договор, о котором часто вспоминали кандра, изначально был просто перечнем обещаний, данных Первым поколением Вседержителю. Они записали эти обещания и тем самым создали для кандра первый свод законов. Они беспокоились о том, как управлять своим народом, как жить отдельно от Вседержителя и его империи. Поэтому и показали ему и попросили одобрения.

Вседержитель приказал отлить законы в металле и лично нацарапал в нижней части свою подпись. Этот кодекс был первым, что узнавал новый кандра – обретающий сознание туманный призрак. Кодекс требовал уважать старшие поколения, перечислял простые права, которыми обладал каждый кандра, разъяснял, как следует создавать новых, и требовал безоговорочно подчиняться Вседержителю.

Тревожнее всего казалось то положение Первого договора, которое, если бы его применили, привело бы к массовому самоубийству всего народа кандра.

11

Кан-Паар облокотился на трибуну, его красные хрустальные кости поблескивали в свете ламп:

– Что ж, хорошо, Тен-Сун, предатель народа кандра. Ты потребовал суда. Говори.

Тен-Сун глубоко вздохнул, с удовольствием осознавая, что снова может дышать.

– Расскажи им, – с насмешкой продолжил Кан-Паар, – объясни, если сумеешь, почему убил одного из своих сородичей.

Сокровенное место погрузилось в молчание: кандра были слишком хорошо воспитаны, чтобы, подобно людям, ерзать и шуметь. Они сидели, демонстрируя кости из камня, дерева или даже металла, и ждали ответа.

Вопрос Кан-Паара был не из тех, которые ожидал услышать стоявший посреди платформы голый и замерзший Тен-Сун.

– Да, я убил другого кандру, – подтвердил он. – Это не запрещено.

– А это надо было запретить? – притворно поразился Кан-Паар. – Люди убивают друг друга. Колоссы убивают друг друга. Но и те и другие произошли от Разрушителя. Мы же принадлежим Охранителю, нас избрал сам Отец. Мы не убиваем друг друга!

Тен-Сун помрачнел. Дело принимало странный оборот.

«Зачем о таком спрашивать? То, что я предал весь народ, уж точно более серьезный грех, чем убийство себе подобного».

– Я поступил согласно Договору, – честно сказал Тен-Сун. – Ты должен знать, Кан-Паар. Ты же сам отправил меня к этому человеку, Страффу Венчеру. Мы все знаем, каким он был.

– Таким же, как все остальные люди, – бросил один из Вторых.

Когда-то Тен-Сун бы с ним согласился. Но теперь знал, что по крайней мере некоторые люди совсем другие. Он предал Вин, и все же она его не возненавидела. Поняла, проявила милосердие. Даже если бы они не стали друзьями, даже если бы Тен-Сун не начал испытывать к Вин величайшее уважение, одного этого уже хватило бы, чтобы завоевать безграничную верность кандры.

Он был ей нужен, даже если она и сама об этом не знала. Тен-Сун выпрямился, посмотрел Кан-Паару в глаза:

– Я выполнял оплаченный Договор со Страффом Венчером. Он позволил своему безумному сыну Зейну использовать меня сообразно любой своей прихоти. Зейн приказал мне убить кандру Ор-Сьера, чтобы я мог занять его место и шпионить за женщиной Вин.

Когда прозвучало ее имя, послышались приглушенные шепотки.

«Да, вы слышали о ней. О той, которая убила Отца», – с удовлетворением отметил про себя Тен-Сун.

– И ты исполнил приказ этого Зейна? – громко осведомился Кан-Паар. – Ты убил другого кандру. Убил собрата по Поколению!

– Думаешь, мне это понравилось? – требовательно спросил Тен-Сун. – Я знал Ор-Сьера на протяжении семи столетий! Но... Договор...

– Запрещает убийства, – договорил Кан-Паар.

– Он запрещает убивать людей.

– Разве жизнь кандры стоит меньше жизни человека?

– Слова важны, Кан-Паар! – выкрикнул Тен-Сун. – Я знаю их все – я помогал их писать!

Мы оба были свидетелями того, как на основе самого Первого создавались наши рабочие Договоры! Они запрещают нам убивать людей, но не себе подобных.

Кан-Паар снова наклонился вперед:

– Ты спорил с этим Зейном? Быть может, предлагал, чтобы он сам выполнил убийство? Ты хотя бы попытался предотвратить гибель того, кто принадлежал к нашему народу?

– Я не спорю с хозяевами, – возразил Тен-Сун. – И я точно не хотел сообщать человеку Зейну, как убить кандру. Его безумие ни для кого не было секретом.

– Значит, ты не спорил, – иезуитским тоном произнес Кан-Паар. – Ты просто убил Ор-Сьера, а потом занял его место – притворился, что ты – это он.

– Мы это делаем всегда, – с раздражением заметил Тен-Сун. – Мы играем чужие роли, шпионим. В этом весь смысл Договора!

– Мы поступаем так с людьми! – рявкнул еще один Второй. – Это первый случай, когда один кандра притворился другим кандрой. Ты создал весьма неприятный прецедент.

«Это было блестяще, – подумал Тен-Сун. – Ненавижу Зейна за то, что он заставил меня совершить подобное, но не могу не признать: идея была гениальная. Вин даже не задумалась о том, что можно подозревать меня. А кто бы о таком подумал?»

– Ты должен был отказаться, – настаивал Кан-Паар. – Ты должен был заявить о необходимости прояснения положений твоего Договора. Если остальные начнут использовать нас таким же способом, через несколько лет мы исчезнем без следа!

– Ты предал всех нас из-за своей опрометчивости, – поддержал его кто-то из присутствующих.

«Ага, – подумал Тен-Сун. – Так вот в чем их план: провозгласить меня предателем, чтобы никто не поверил тому, что я скажу потом».

Он улыбнулся. Он был из Третьего поколения – пришло время вести себя соответствующим образом.

– Значит, я предал нас из-за опрометчивости? – вкрадчиво поинтересовался Тен-Сун. – А что же вы, славные Вторые? Кто разрешил подписать Договор с самим Кельсером? Вы дали слугу-кандру человеку, который замыслил убить Отца!

Кан-Паар замер, словно от удара; в голубом свете ламп на его прозрачном лице проступила злость.

– С того места, где ты сейчас, не предъявляют обвинений, Третий!

– Для меня, похоже, вовсе не осталось места, – с горечью констатировал Тен-Сун. – Как и для всех нас – теперь, когда Отец мертв. Мы не имеем права жаловаться, потому что мы сами помогли этому случиться.

– Откуда же нам было знать, что этот человек сделает то, чего не сумел сделать никто другой, – растерянно пробормотал один из Вторых – Хан-Фур. – Он хорошо заплатил, и...

Резким взмахом руки Кан-Паар прервал сородича. Второму Поколению не пристало оправдываться. Однако Хан-Фур всегда выделялся на фоне остальных членов своего поколения. Он был немного... туповат.

– Ты больше не будешь об этом говорить, Третий, – указывая на Тен-Суна, властно произнес Кан-Паар.

– Как же я буду защищаться, если я не смогу...

– Ты здесь не для того, чтобы защищаться. Нам нет нужды решать, виновен ты или нет, поскольку ты сам признал свою вину. Но мы должны разобраться в случившемся. Объясни свои действия, и пусть Первое поколение решит твою судьбу!

Тен-Сун молчал. Решающий момент не настал. Пока не настал.

– Итак, – продолжал Кан-Паар, – ты поступил весьма дурно, заняв место одного из своих сородичей. Стоит ли нам продолжать разбирательство, или пусть решение будет принято прямо сейчас?

– Мы оба знаем, что смерть Ор-Сьера почти не связана с тем, почему я здесь, – заметил Тен-Сун.

– Отлично, – сказал Кан-Паар. – Тогда продолжим. Почему бы тебе не рассказать Первому поколению, в связи с чем ты – кандра, преисполненный уважения к Договору, – нарушил соглашение со своим хозяином, не подчинился ему и вместо этого помог его врагу?

Обвиняющие слова Кан-Паара эхом раскатились по залу. Тен-Сун закрыл глаза и подумал о том дне, больше года назад. Вспомнил, как сидел на полу крепости Венчер и смотрел, как сражаются Зейн и Вин.

Нет. Это было не сражение. Зейн зажег атиум, что сделало его почти неуязвимым. Зейн играл с Вин, дразнил ее и всячески забавлялся.

Вин не являлась хозяйкой Тен-Суна: он убил ее кандру и занял его место, шпиона за Вин по приказу Зейна. Зейн. Вот кто был хозяином Тен-Суна. Вот кому принадлежал Договор Тен-Суна.

Но, несмотря на всю свою подготовку, Тен-Сун помог Вин. И тем самым открыл ей великую тайну, которая заключалась в том, что алломант мог применить свои силы и захватить полный контроль над телом любого кандры. Ради этой тайны кандра исполняли свои Договоры, стали слугами, чтобы не превратиться в рабов. В полной тишине Тен-Сун открыл глаза. Вот этого момента он и ждал.

– Я не нарушал Договор, – объявил он.

Кан-Паар фыркнул:

– Когда пришел к нам год назад, Третий, то говорил совсем другое.

– Я рассказал о том, что произошло. – Тен-Сун выпрямился. – Я не солгал. Я помог Вин, а не Зейну. Отчасти из-за моих действий мой хозяин погиб от руки Вин. Но я не нарушал свой Договор.

– Намекаешь, будто бы Зейн хотел, чтобы ты помог его врагу? – ехидно поинтересовался Кан-Паар.

– Нет. Я не нарушил свой Договор, потому что соблюдал более Великий Договор. Первый договор!

– Отец умер! – воскликнул кто-то из Вторых. – Как ты мог служить нашему Договору с ним?

– Он умер, – подтвердил Тен-Сун. – Это правда. Но Первый договор не умер вместе с ним! Вин, Наследница Выжившего, убила Вседержителя. Она стала нашей Матерью. Наш Первый договор принадлежит ей!

Он ожидал услышать осуждающие возгласы и обвинения в богохульстве. Однако воцарилась тишина. Стоявший за каменной трибуной Кан-Паар будто и сам окаменел. Первое поколение, сидевшее в своих затененных нишах, хранило привычное молчание.

«Что ж, – подумал Тен-Сун, – видимо, это означает, что я могу продолжать».

– Я был обязан помочь женщине Вин. Я не мог позволить Зейну убить ее, потому что у меня был долг перед ней – долг, который возник в тот момент, когда она заняла место Отца.

– Наша Мать? – наконец-то обрел дар речи Кан-Паар. – Она убила Вседержителя!

– И заняла его место, – кивнул Тен-Сун. – Она одна из нас в некотором роде.

– Чушь! – выкрикнул Кан-Паар. – Я ожидал от тебя рассуждений, Тен-Сун, или даже лживых заявлений. И что же я слышу! Фантазии? Богохульство?

– Давно ли ты бывал снаружи, Кан-Паар? – поинтересовался Тен-Сун. – За весь минувший век покидал ли ты Обиталище хоть единожды? Ты понимаешь, что происходит? Отец

мертв. Повсюду беспорядки. Возвращаясь домой год назад, я видел изменения в тумане. Он ведет себя не так, как раньше. Мы не можем жить по старым правилам. Второе поколение могло ничего не понять, но Разрушитель пришел! Всему конец. Настало время, о котором говорили Мироносцы, – быть может, это время исполнить Обещание!

– Ты бредишь, Тен-Сун. Ты был среди людей слишком...

– Скажи им, что произошло на самом деле, Кан-Паар, – перебил Тен-Сун. – Разве ты не хочешь поведать всем про мой настоящий грех? Разве не хочешь, чтобы они о нем услышали?

– Не увлекайся, Тен-Сун, – многозначительно произнес Кан-Паар. – Ты и так наделал немало бед. Не надо...

– Я ей рассказал, – снова перебил Тен-Сун. – Я посвятил ее в нашу Тайну. И в конце концов она меня использовала. Как алломант былых времен. Она овладела моим телом, воспользовавшись Изъяном, и вынудила сражаться против Зейна! Вот что я сделал. Я предал нас всех. Она знает – и я уверен, что рассказала остальным. Скоро всем будет известно, как управлять нами. Вам интересно, почему я это сделал? Не в том ли цель этого разбирательства, чтобы я мог рассказать о мотивах своих поступков?

Он продолжал говорить, не давая Кан-Паару вставить слово.

– Я сделал это, потому что она имеет право знать нашу Тайну. Она Мать! Она унаследовала все, чем обладал Вседержитель. Без нее у нас ничего нет. Сами мы не способны создавать новые Благословения или новых кандра! Сокровенность теперь принадлежит ей! Мы должны отправиться к ней. Если это и в самом деле конец всего, скоро наступит пора выполнить наше Обещание. Она...

– Хватит! – заорал Кан-Паар.

В зале снова стало тихо.

Тен-Сун тяжело дышал. Целый год, сидя в яме, он планировал, как провозгласит эти сведения. Его народ провел тысячу лет – десять поколений, – следуя наставлениям, которые содержались в Первом договоре. Они заслужили право знать, что произошло.

И все-таки было что-то... неправильное в том, чтобы просто кричать, уподобившись какому-нибудь буйнопомешанному человеку. Неужели хоть кто-то из соплеменников ему поверил? Неужели он сумел хоть что-нибудь изменить?

– Ты сам признался в том, что нас предал, – подытожил Кан-Паар. – Ты нарушил Договор, ты убил своего собрата по поколению и ты рассказал человеку, каким образом можно нас покорить. Ты требовал справедливости. Да будет так.

Тен-Сун тихонько повернулся и посмотрел на ниши, из которых за происходящим наблюдало Первое поколение.

«Может быть... они увидят, что я говорю правду. Может, мои слова потрясут их и они поймут, что мы должны служить Вин, а не сидеть в этих пещерах и ждать, пока миру над нашими головами придет конец...»

Но ничего не произошло. Никто не двинулся, не издал ни звука. Временами Тен-Сун спрашивал себя, есть ли там, наверху, еще кто-то живой. Он уже несколько веков не разговаривал ни с кем из Первого поколения – они общались только со Вторыми.

Если они все еще были живы, ни один из них не воспользовался возможностью поступить милосердно по отношению к Тен-Суну.

Кан-Паар улыбнулся:

– Первое поколение проигнорировало твои мольбы, Третий. Поэтому вершить правосудие от их имени будем мы, Второе поколение. Их слуги. Твой приговор будет провозглашен через месяц.

«Месяц? Но почему?»

Так или иначе, все кончено. Тен-Сун со вздохом склонил голову. Он сказал то, что должен был сказать. Теперь кандра знали, что их Тайна больше таковой не являлась. Вторые не сумели скрыть этот факт. Возможно, его речь заставит соплеменников действовать.

Но сам Тен-Сун об этом никогда уже не узнает.

* * *

Очевидно, что Рашек передвинул Источник Вознесения.

Это было очень разумно с его стороны – возможно, разумнее всего остального. Он знал, что однажды сила вернется в Источник, потому что сила, при помощи которой был создан весь мир, просто так не заканчивается. Ее можно использовать, и тогда она истощается, но потом запасы обязательно будут восполнены.

Зная, что от слухов и сказок просто так не избавиться, Рашек изменил саму мировую географию. Он поместил горы в той части, которая стала севером, и нарек эту местность Террисом. Потом превратил свою настоящую родину в равнину и построил там столицу.

Он воздвиг дворец над комнатой в его основании – комнатой, где мог предаваться размышлениям; комнатой, которая являлась точной копией его старой лачуги в Террисе. Это было убежище, созданное за несколько секунд до того, как его сила закончилась.

12

– Я беспокоюсь о нем, Эленд. – Вин сидела на их походной постели.

– О ком? – Эленд отвернулся от зеркала. – О Сэйзеде?

Она кивнула. Когда Эленд проснулся после недолгого сна, Вин уже успела привести себя в порядок, умыться и одеться. Он всегда беспокоился, если она тратила слишком много сил. Однако беспокойство Эленда только усилилось, когда он тоже стал рожденным туманом и понял, что возможности пьютера не безграничны. Металл делал тело сильным, прогоняя утомление, но за это приходилось расплачиваться. Стоило пьютеру закончиться или перестать гореть, усталость возвращалась стремительно, словно падающая на голову стена.

И все же Вин не останавливалась. Эленд и сам жег пьютер, чтобы взбодриться, но она, похоже, спала в два раза меньше. Вин была крепче – обладала такой силой, о которой он не имел ни малейшего понятия.

– Сэйзед справится со своими проблемами, – продолжая одеваться, заметил Эленд. – Уверен, он и раньше терял близких.

– Это другое.

Вин сидела скрестив ноги, одетая, по обыкновению, просто. Ярко-белый императорский мундир Эленда, сшитый из особой ткани, которая легко очищалась от сажи, являлся полной противоположностью. На нем сверкали позолоченные деревянные пуговицы – металла на них было мало, чтобы исключить алломантическое воздействие. Иногда Эленда мучили угрызения совести: для поддержания королевского вида требовалось слишком много усилий. Но это было необходимостью. Не ради тщеславия, а ради того, что он собой воплощал. Ради фигуры, за которой люди шли на войну. В почерневшей стране Эленд носил белое – и превратился в символ.

– Другое? – переспросил он, застегивая пуговицы на рукавах. – Что же такого особенного в смерти Тиндвил? Она погибла во время атаки на Лютадель. Как Колченог и Доксон. В той битве ты убила моего собственного отца, а незадолго до ее начала я обезглавил лучшего друга. Мы все кого-то потеряли.

– Он и сам говорил нечто подобное. Но для него это не просто еще одна смерть. Думаю, гибель Тиндвил стала чем-то вроде предательства – из всех нас только Сэйзед всегда обладал верой. И веру он каким-то образом потерял, когда она умерла.

– Из всех нас только он обладал верой? – Взяв со стола посеребренную деревянную булавку, Эленд приколот ее к жакету. – Как это?

– Ты принадлежишь к Церкви Выжившего, Эленд, однако ты не веруешь. Не так, как веровал Сэйзед. Он... как будто знал, что все закончится хорошо. Он был уверен, что кто-то хранит наш мир.

– Он с этим справится.

– Дело не только в нем. Как бы Бриз не перестарался.

– Это еще что за новости? – удивился Эленд.

– Он давит на эмоции всем подряд. Давит слишком сильно, пытаюсь поднять людям настроение, и слишком неестественно смеется. Он охвачен страхом и тревогой. Это видно по тому, как он старается.

Эленд улыбнулся:

– Ты становишься такой же испорченной, как он: читаешь эмоции людей и говоришь им, что они чувствуют.

– Они мои друзья, Эленд, – возразила Вин. – Я знаю их. И я говорю тебе: они вот-вот сдадутся. Один за другим, они начинают думать, что в этой битве нам не победить.

Застегнув последнюю пуговицу, Эленд посмотрел на свое отражение в зеркале. Он по-прежнему время от времени задавался вопросом, есть ли у него право носить этот вычурный костюм, блистающий свежестью и излучающий величие. Он смотрел себе в глаза, не обращая внимания на короткую бороду, на тело воина и шрамы на коже. Смотрел и пытался понять, король ли сейчас смотрит на него. Как обычно, увиденное полностью не удовлетворило.

Но Эленд знал, что не может остановиться, потому что у его народа не было лучшего короля. Этому его научила Тиндвил.

– Ладно. Я верю, что ты права по поводу остальных. Я что-нибудь придумаю.

В конце концов, это был его жребий. Императорский титул предполагал только одну обязанность.

Делать так, чтобы все стало лучше.

* * *

– Так вот. – Эленд указал на карту империи, свисавшую со стены штабной палатки. – Мы ежедневно отмечали время появления и исчезновения тумана, а потом Нурден и его писцы проанализировали собранные сведения. Они дали нам эти границы в качестве ориентиров.

Все придвинулись к карте. Вин устроилась в дальнем углу, как делала и раньше. В тени и поближе к выходу. Она, конечно, стала более уверенной, но не сделалась беспечной, предпочитая видеть каждого из собравшихся, даже если доверяла им всем.

И Вин действительно им доверяла. Кроме, быть может, Сетта. Строптивец сидел впереди всех. Рядом, как обычно, находился молчаливый юноша – его сын. Сетт, точнее, король Сетт, один из монархов, принесших Эленду клятву верности, носил неопрятную бороду, над которой виднелся еще более неопрятный рот, и был парализован на обе ноги. Все это не мешало ему больше года назад почти захватить Лютадель.

– Клянусь преисподней, – подал голос Сетт. – По-твоему, эта штука нам должна что-то разъяснить?

Эленд постучал пальцем по карте с изображением нескольких больших концентрических окружностей. Она представляла собой грубый эскиз, похожий на тот, что они нашли в пещере, только новее.

– Внешний круг – местность, где туман полностью захватил землю и уже не уходит в дневное время. – Палец Эленда сдвинулся к следующей обозначенной на карте границе. – Этот круг проходит через поселок, который мы недавно посетили и где нашли тайник. В его пределах световой день длится четыре часа. Территории, которые находятся внутри этого круга, получают больше света. Те, что снаружи, соответственно, меньше.

– А последний круг? – спросил Бриз.

Они с Альрианной сидели настолько далеко от Сетта, насколько позволяла палатка. Сетт все еще не отказался от привычки чем-нибудь бросаться в Бриза – чаще оскорблениями, но иногда и ножами.

Окинув взглядом присутствующих, Эленд снова перевел глаза на карту:

– Предполагая, что туман будет подкрадываться к Лютадели с неизменной скоростью, писцы сделали вывод, что последний круг представляет собой территорию, на которой будущим летом хватит солнца, чтобы вырастить урожай.

В палатке стало тихо.

«Надежда – это для глупцов», – прошептал где-то на задворках сознания Вин голос Рина.

Она покачала головой. Брат, обучавший ее правилам, по которым следовало жить на улице и в мире преступников, сделал сестру недоверчивой и подозрительной. Однако он также научил ее выживать. Понадобился Кельсер, чтобы Вин поняла, что можно и доверять, и выживать. И тем не менее она иногда по-прежнему слышала в голове призрачный голос Рина. Скорее воспоминание, нежели что-то другое, шептавший об опасности, заставлявший вспоминать все то, чему он ее учил.

– Этот круг очень маленький, Эл, – разглядывая карту, заметил Хэм.

Мускулистый громила сидел вместе с генералом Дему, между Сеттом и Бризом. Сэйзед тихонько устроился в сторонке. Вин посмотрела на него, пытаясь понять, смог ли их недавний разговор хоть отчасти развеять его тоску, но не преуспела.

Как же мало их осталось – всего девять, если считать сына Сетта, Гнеордина. Из отряда Кельсера – и того меньше. Правда, был еще Призрак, отправленный на разведку на север. Всеобщее внимание сосредоточилось на карте. Последний круг и в самом деле оказался слишком маленьким – даже меньше Центрального доминиона, в котором располагалась столица империи, Лютадель. Карта и Эленд намекали, что будущим летом более девяноста процентов имперских территорий будут непригодны для выращивания урожая.

– Следующей зимой даже этот маленький пузырь лопнет, – констатировал Эленд.

Вин наблюдала, как находившиеся в палатке обдумывали и осознали – если уже не осознали, – насколько ужасные события их ожидали.

«Все как в дневнике Аленди, – подумала она. – С Бездной нельзя сражаться при помощи армий. Она уничтожает города, навлекая на них медленную страшную смерть. С этим ничего нельзя поделать».

Бездна. Такое имя носил туман, – точнее, так он назывался в сохранившихся записях. Возможно, их противник – древняя сила, которую выпустила на свободу Вин, – намеренно все запутал. У них не было ни единой возможности узнать, что случилось в прошлом, поскольку эта сила изменяла написанное.

– Ладно, друзья. – Эленд скрестил на груди руки. – Нам нужны варианты. Кельсер вас выбрал, потому что вы могли делать невозможное. Что ж, наше затруднительное положение требует именно таких способностей.

– Меня он не выбирал, – заметил Сетт. – Меня в эту маленькую катастрофу за яйца втянули.

– Мне, к сожалению, не до извинений. – Эленд переводил взгляд с одного на другого. – Ну, давайте. Я же знаю, у вас есть идеи.

– Ну что ж, мой дорогой друг, – откликнулся Бриз. – Самая очевидная идея – это Источник Вознесения. Сила, собранная там, как будто создана для борьбы с туманом.

– Или для того, чтобы освободить спрятавшуюся в нем тварь, – съязвил Сетт.

– Это не имеет значения, – заговорила Вин, и все повернулись к ней. – В Источнике нет силы. Она закончилась. Ничего не осталось. Если она и соберется там опять, то, боюсь, это случится еще через тысячу лет.

– А мы не можем выращивать растения, которым нужно совсем мало света? – поинтересовался Хэм.

Он был одет в свои обычные брюки и жилет. Громиле вроде него достаточно было поддерживать горение пьютера, чтобы не замечать ни жары, ни холода. В день, когда любой искал убежища от плохой погоды, он бодро разгуливал в одежде без рукавов.

Или, возможно, не совсем бодро. Хэм не переменялся в одночасье, как Сэйзед. Однако он уже не выглядел таким веселым, как раньше. Теперь он часто сидел в одиночестве с выражением полного смятения на лице, будто тщательно обдумывал нечто и приходил к выводам, которые ему совсем не нравились.

– Разве растения, которым не нужен свет, существуют? – склонив голову набок, удивленно спросила Альрианна.

– Грибы и подобные им, – пояснил Хэм.

– Сомневаюсь, что мы сможем прокормить целую империю при помощи грибов, – заметил Эленд. – Хотя мысль неплохая.

– Должны быть и другие растения, – продолжал Хэм. – Даже если туман продержится весь день, хоть немного света через него все равно проникает. Каким-то растениям этого должно хватить, чтобы выжить.

– Эти растения несъедобны, дружище, – улыбнулся Бриз.

– Для нас, но не для животных, – возразил громила.

Эленд задумчиво кивнул.

– Времени ни хрена не осталось для огородничества, – ухмыльнулся Сетт. – Этим надо было заниматься много лет назад.

– Мы обо всем узнали лишь несколько месяцев назад, – напомнил Хэм.

– Это так, – согласился Эленд. – Но у Вседержителя была тысяча лет на подготовку. Потому он и устроил свои хранилища – и мы до сих пор не знаем, что спрятано в последнем из них.

– Не нравится мне, что мы вынуждены полагаться на Вседержителя, Эленд, – покачал головой Бриз. – Он, должно быть, подготовил эти хранилища, зная, что кому-то придется ими воспользоваться в случае его смерти.

Сетт согласно кивнул:

– Кретин-гасильщик в чем-то прав. Если бы Вседержителем был я, в хранилищах оказалась бы отравленная жратва и вода напополам с мочой. Если уж мне суждено умереть, других ждала бы такая же судьба.

– К счастью, Сетт, – Эленд вскинув бровь, – Вседержитель оказался более человеколюбивым, чем все мы предполагали.

– Не думал, что когда-нибудь это услышу, – хмыкнул громила.

– Он был императором, – продолжал Эленд. – Нам могло не нравиться его правление, но я в какой-то степени его понимаю. Он не замыслил зла – сам по себе он не был злым. Он просто... увлекся. Кроме того, он выстоял против того существа, с которым мы теперь сражаемся.

– Существа? – переспросил Сетт. – Тумана?

– Нет, – ответил Эленд. – Существа, которое было заточено в Источнике Вознесения.

«Оно называет себя Разрушителем, – вспомнила вдруг Вин. – Оно уничтожит все».

– Вот почему я и решил, что нам необходимо завладеть последним хранилищем, – сказал Эленд. – Вседержитель один раз пережил все это, поэтому и знал, как надо готовиться. Возможно, мы найдем растения, которые могут обходиться без солнечного света. В каждом из известных нам хранилищ в обязательном порядке присутствует пища и вода, но имеются и особенности. В Ветитане мы нашли большие запасы первых восьми алломантических металлов. В последнем хранилище может оказаться именно то, что нам необходимо для выживания.

– Так вот в чем дело! – воскликнул Сетт, и борода не смогла спрятать широкой улыбки. – Мы наконец-то идем на Фадрекс, не так ли?

– Да. Наши главные силы отправятся в Западный доминион, как только мы снимемся с лагеря.

– Ха! – обрадовался Сетт. – Вот теперь я поймею Пенрода и Джанарля!

Вин слабо улыбнулась. Пенрод и Джанарль были двумя другими могущественными королями, подчинившимися Эленду. Пенрод управлял Лютаделью, а Джанарль – Северным доминионом, в который входили и земли, принадлежавшие семейству Венчер.

Однако пока Джанарль вместе с отцом Эленда Страффом Венчером осаждали Лютадель, Урто – самый крупный северный город – оказался во власти бунтовщиков. Эленд так и не смог выделить войска, чтобы навести там порядок, поэтому Джанарль правил в изгнании и использовал собственную, менее внушительную армию для контроля городов, которые ему еще подчинялись.

И Джанарль, и Пенрод были склонны выдумывать разные поводы для того, чтобы отложить поход главного войска на родину Сетта.

– Эти сукины дети не обрадуются, когда услышат, – не унимался Сетт.

– Обязательно каждую фразу сопровождать той или иной непристойностью? – покачал головой Эленд.

– А зачем открывать рот, если не можешь сказать что-нибудь интересное? – парировал Сетт.

– Ругательства не интересны, – холодно заметил Эленд.

– Это всего лишь твое долбаное мнение, – осклабился Сетт. – И не стоило бы тебе жаловаться, император. Раз считаешь мою речь вульгарной, значит слишком долго прожил в Лютадели. Там, откуда я родом, слово «долбаный» считается до скуки приличным.

Эленд только вздохнул:

– Как бы там ни было, я...

Земля под ними вздрогнула. Вин мгновенно вскочила, готовая встретить любую опасность, в то время как остальные с ругательствами пытались удержаться на ногах. Откинув полог, Вин взглядела в туман. К счастью, подземные толчки быстро прекратились и почти не вызвали волнений в лагере, привыкшем к неожиданностям. Патрули из офицеров и алломантов проверяли, все ли в порядке. Большинство солдат, однако, просто осталось в своих палатках.

Успокоенная, Вин вернулась в штабную палатку. Несколько карт упало, походная мебель во время землетрясения сдвинулась. Собравшиеся постепенно возвращались на свои места.

– Что-то частенько такое стало происходить в последнее время, – проворчал Хэм.

Вин заметила, как в глазах Эленда промелькнула тревога.

«Мы можем сражаться с армиями, мы можем захватывать города, но как быть с пеплом, туманом и дрожью земли? Как быть с миром, который разваливается на части прямо на наших глазах?»

– Как бы там ни было, – в голосе Эленда не ощущалось и следа беспокойства, столь очевидного для Вин, – Фадрекс должен стать нашей следующей целью. Мы не можем рисковать утратой хранилища и того, что в нем может содержаться.

«Например, атиумом», – прошептал в голове Вин голос Рина, когда она заняла свое прежнее место.

– Атиум, – проговорила она вслух.

– Думаешь, он там? – встрепенулся Сетт.

– Есть такие предположения. – Эленд пристально посмотрел на Вин. – Но доказательств нет.

– Он будет там, – произнесла она с твердостью.

«Он должен быть. Я не знаю почему, но он нам необходим».

– Надеюсь, не будет, – покачал головой Сетт. – Я прошагал через половину этой проклятой империи, чтобы попытаться украсть этот атиум, и если окажется, что он все время находился под моим собственным задом...

– Кажется, мы упускаем из вида кое-что важное, Эл, – перебил Хэм. – Ты говоришь о завоевании Фадрекса?

Стало тихо. До этого момента войска Эленда использовались для обороны и нападали только на военные лагеря колоссов, воинствующих мелких лордов и бандитов. Они запугали несколько городов, принудив их к заключению союза, но еще ни разу не пытались взять штурмом крупный город.

Эленд снова повернулся к карте. Даже со своего места Вин могла видеть его глаза – глаза человека, которого ожесточили два года почти непрекращающейся войны.

– Наша главная цель – взять город при помощи дипломатии, – пояснил Эленд.

– Дипломатии? – переспросил Сетт. – Фадрекс принадлежит мне. Проклятый поручитель украл его у меня! Нет ничего страшного в том, чтобы ответить ударом на удар.

– Ничего страшного? – повернулся к нему Эленд. – Сетт, нам придется положить на подступах к городу немало людей – твоих же собственных солдат.

– Во время войны люди умирают, – будничным тоном сообщил Сетт. – Сожалениями их кровь не смыть с твоих рук, так зачем же вообще морочить себе голову? Эти люди обратились против меня; они заслужили свою судьбу.

– Не все так просто, – не согласился Хэм. – Если у солдат не было возможности сразиться с узурпатором, стоит ли ждать, что они пожертвуют своими жизнями?

– Особенно ради другого узурпатора, – прибавил Эленд.

– Так или иначе, – продолжал громила, – донесения разведки описывают город как очень хорошо защищенный. Этот орешек нелегко будет расколоть.

Эленд ненадолго замер, потом посмотрел на Сетта, который все еще казался чрезмерно довольным собой. Они как будто поняли друг друга без слов. Эленд был отличным теоретиком и, возможно, прочел больше книг о войне, чем кто-либо другой. У Сетта наличествовало шестое чувство во всем, что касалось военных действий и тактики, – потому он и заменил Колченога в качестве главного стратега империи.

– Осада, – предложил Сетт.

Эленд коротко кивнул:

– Если на короля Йомена не подействует дипломатия, то единственная возможность проникнуть в город – это осада, которая доведет его до отчаяния. Во время же штурма мы рискуем погубить половину войска.

– У нас есть на это время? – нахмурился Хэм.

– Если не считать Урто, Фадрекс и окружающие его области являются единственной частью Внутренних доминионов, которая представляет собой серьезную угрозу. Это, а также хранилище не позволяют нам просто взять и про все забыть.

– Время в каком-то смысле на нашей стороне. – Сетт в раздумье почесывал подбородок. – Город вроде Фадрекса просто так не возьмешь штурмом, Хэм. Там, как и в Лютадели, есть укрепления, рассчитанные на защиту от нападения армии. Но, поскольку он находится за пределами Центрального доминиона, там уже должен ощущаться недостаток продовольствия.

– Мы же обладаем всеми запасами, найденными в хранилищах, – продолжил его мысль Эленд. – Если нам удастся перекрыть дороги и каналы, им придется в конечном счете сдать город. Даже если они обнаружили хранилище – в чем я сомневаюсь, – мы все равно продержимся дольше.

– Наверное... – Хэм нахмурился.

– Кроме того, – добавил Эленд, – если станет худо, у нас есть около двадцати тысяч колоссов, на которых можно положиться.

Хэм вскинул бровь, но смолчал. Его мысль была ясна: «Ты натравишь колоссов на людей?»

– Есть еще кое-что, – подал вдруг голос Сэйзед. – Мы это пока что не обсуждали.

Все повернулись к террисийцу; похоже, некоторые уже успели забыть о его присутствии.

– Туман, – пояснил Сэйзед. – Фадрекс располагается далеко за туманным периметром, император Венчер. Вы готовы потерять пятнадцать процентов своих солдат еще до прибытия на место?

Эленд не смог ответить. Пока что он сумел уберечь большинство солдат от тумана. Вин казалось неправильным, что армию защищали от болезни, в то время как простым людям приходилось выходить в туман. Здесь, в месте расположения лагеря, было достаточно светло и ясно днем, к тому же имелось достаточное количество палаток, в которых могли укрыться солдаты.

Туман редко проникал в дома, даже с тканевыми стенами. Не было причин для того, чтобы рисковать жизнями солдат, раз уж этого риска удавалось избегать до сих пор. Вин считала это лицемерием, но все же признавала, что так логичнее.

Взгляды Эленда и Сэйзеда встретились.

– Ты прав, – согласился Эленд. – Мы не можем вечно защищать наших солдат. Я заставил жителей Вегитана пройти это испытание; подозреваю, что со всей армией мне придется сделать то же самое.

Вин тихонько откинулась на спинку стула. Она часто вспоминала с грустью те дни, когда ей не приходилось принимать подобных решений – или, точнее, Эленду.

– Мы идем на Фадрекс. – Император снова вернулся к карте. – Если мы собираемся пережить все это – когда я говорю «мы», то имею в виду всех жителей Новой империи, – нам надо объединиться и переселить людей в Центральный доминион. Только там летом можно будет выращивать хлеб, и нам понадобится рабочая сила, чтобы убирать пепел и готовить поля. Это означает, что мы должны взять население Фадрекса под свою защиту.

– И это также означает, – продолжал он, указывая на северо-восточную часть карты, – что мы должны подавить восстание в Урто. Дело не только в расположенном там хранилище с его запасом зерна, которое крайне необходимо, чтобы во второй раз засеять поля Центрального доминиона. Дело еще и в том, что новые власти укрепляются и собирают армию. Урто находится в опасной близости от Лютадели, в чем мы убедились, когда мой отец привел войско под стены города. Я не допущу повторения подобной истории.

– У нас недостаточно солдат, чтобы воевать на два фронта сразу, Эл, – покачал головой Хэм.

– Знаю. Но вообще-то, я собираюсь избежать похода на Урто. Этот город принадлежал моему отцу, и его жители взбунтовались не просто так. Дему, отчет!

Генерал поднялся:

– Пока ваше величество отсутствовали, мы получили послание на стальном листе от Призрака. Парень сообщает, что группа людей, контролирующая Урто, состоит из скаа.

– Звучит многообещающе, – заметил Бриз. – Наши люди.

– Они... – замялся Дему, – довольно жестоко обходятся с аристократами, лорд Бриз. И к этой категории они относят всех, у кого знатные родители.

– По-моему, это чересчур, – покачал головой Хэм.

– Многие так говорили и о Кельсере, – напомнил Бриз. – Уверен, что повстанцы прислушаются к доводам рассудка.

– Хорошо бы, – задумчиво произнес Эленд, – я рассчитываю, что ты и Сэйзед наведете там порядок, не применяя силу. Существует всего пять хранилищ, и мы не можем себе позволить потерять даже одно из них. Кто знает, что мы в конечном счете обнаружим в Фадрексе? Возможно, придется возвратиться к одному из предыдущих, чтобы отыскать нечто пропущенное.

Он повернулся и посмотрел сначала на Бриза, потом на Сэйзеда:

– Мы не можем просто выкрасть провизию из Урто. К тому же, если бунт распространится, вся империя может снова рассыпаться на осколки. Необходимо сделать так, чтобы эти люди перешли на нашу сторону.

Сидевшие в палатке закивали – Вин тоже кивнула. Все по собственному опыту знали, насколько важным может оказаться маленькое восстание для большой империи.

– Осада Фадрекса может занять много времени, – продолжал Эленд. – Я хочу, чтобы вы разобрались с этим северным хранилищем и утихомирили бунтовщиков еще задолго до наступления лета. Запасы зерна отправите в Центральный доминион, для сева.

– Не волнуйся, – успокоил Бриз. – Видел я правительства, которые организывают скаа. Пока мы туда доберемся, город будет уже на грани развала. Да они с облегчением примут предложение о присоединении к Новой империи!

– Будьте начеку, – предупредил Эленд. – Донесения Призрака немногословны, но похоже, что напряжение в городе достигло пика. Я выделю для вашей защиты несколько сотен солдат. – Он снова посмотрел на карту и слегка прищурился. – Пять хранилищ, пять городов. Урто каким-то образом вписан в общий план. Мы не можем его упустить.

– Ваше величество, – подал голос Сэйзед. – Мое участие в этом предприятии действительно необходимо?

Нахмурившись, Эленд посмотрел на террисийца:

– Ты собираешься заняться чем-то другим, Сэйзед?

– Есть исследование, которое я должен закончить, – пояснил хранитель.

– Я всегда уважал твои желания. Если ты считаешь, что это важно...

– Это личное, ваше величество.

– Не мог бы ты совместить это с поездкой в Урто? Ты террисиец, тебе поверят намного больше, чем любому из нас. Кроме того, Сэйзед, люди тебя уважают, доверяют тебе – и небезосновательно. Бриз же, в свою очередь, обладает особой... репутацией.

– Я над ней долго трудился, да, – ухмыльнулся гасильщик.

– Мне в самом деле необходимо, чтобы этот поход возглавил ты, Сэйзед. Не могу придумать лучшей кандидатуры для главы посольства, чем сам Святой Свидетель.

Лицо хранителя сделалось непроницаемым.

– Ладно, – в конце концов проговорил он. – Сделаю все, что смогу.

– Отлично. – Эленд повернулся к остальным. – Тогда последнее, о чем я хочу вас спросить.

– О чем же? – поинтересовался Сетт.

Глядя куда-то поверх голов, Эленд на несколько секунд погрузился в задумчивость.

– Я хочу, чтобы вы рассказали мне о Выжившем, – произнес он наконец.

– Он был повелителем тумана, – тотчас же откликнулся Дему.

– Отбросим риторiku, – покачал головой Эленд. – Я хочу понять, каким он был человеком. Вы же в курсе: мы с Кельсером так и не познакомились. Я видел его лишь раз, незадолго до гибели, но совсем не знал.

– А в чем смысл? – не понял Сетт. – Все мы слышали, что о нем рассказывают. Послушать скаа, так он чуть ли не бог.

– Просто сделайте то, о чем я прошу, – сказал Эленд.

В палатке на несколько минут воцарилась тишина. Наконец заговорил Хэм:

– Кел был... великим. Не просто человеком – чем-то большим. Все, что он делал, было грандиозным: его мечты, его речи, его мысли...

– И это не являлось фальшивкой, – подхватил Бриз. – Я могу определить, когда человек притворяется. Потому-то я и начал работать с Кельсером. Среди лжецов и позеров он один был настоящим. Все хотели быть лучшими. Кельсер в самом деле был таким.

– Он был человеком, – не согласилась Вин. – Просто человеком. Но никто никогда не сомневался, что у него все получится. Он заставлял тебя стать таким, каким ему требовалось.

– Чтобы он мог тебя использовать, – пояснил Бриз.

– Но после этого ты становился лучше, – добавил Хэм.

Эленд медленно кивнул:

– Хотел бы я его знать. Когда все только началось, я часто сравнивал себя с ним. К тому времени, когда я впервые услышал о Кельсере, он уже почти превратился в легенду. Было несправедливо равняться на него, но я все никак не мог успокоиться. Так или иначе, все вы, знавшие его, попытайтесь ответить на еще один мой вопрос. Что, по-вашему, он мог бы сказать нам сейчас?

– Он бы гордился, – без промедления ответил Хэм. – Мы же победили Вседержителя и создали государство скаа.

– А если бы он находился здесь прямо сейчас?

Снова стало тихо. И когда один голос произнес то, о чем подумали все, Вин поразились тому, кто именно это сделал:

– Он бы сказал, что нам следует чаще смеяться, – прошептал Сэйзед.

– Он, вообще-то, был совершенно чокнутый. – Бриз фыркнул. – Чем хуже шли дела, тем чаще он шутил. Помню, каким бодрым он выглядел наутро после одной из самых страшных неудач, когда мы потеряли большую часть нашей армии скаа из-за дурака Йедена. Кел вошел пружинящим шагом и выдал какую-то бессмысленную шутку.

– Похоже, он был черствым, – заметила Альрианна.

Хэм покачал головой:

– Нет, он просто был целеустремленным. Он всегда говорил, что Вседержителю не отнять его смех. Он спланировал и исполнил переворот в империи, которая простояла тысячу лет, – и сделал это в качестве... наказания за то, что его жена умерла, считая, будто он ее ненавидит. И все это он провернул с усмешкой на губах. Каждая его шутка была чем-то вроде пощечины судьбе.

– Нам нужно стать такими же, – проговорил Эленд.

Все взгляды устремились на него.

– Мы не можем продолжать в том же духе: пререкаться, жаловаться и пялиться на падающий пепел, считая, будто обречены.

Бриз хохотнул:

– Не знаю, друг, заметил ли ты землетрясение, случившееся несколько минут назад, но правда в том, что скоро конец света. Это, без сомнения, повергает в уныние.

– Мы способны это пережить, – покачал головой Эленд. – Но только в том случае, если наши люди не сдадутся. Им нужны командиры, которые могут смеяться, которые знают, что битву можно выиграть. Вот что мне от вас нужно. Мне не важно, кто из вас оптимист, а кто пессимист, и можете втайне думать, что мы умрем еще до конца месяца. Но я хочу, чтобы на людях вы улыбались. Наперекор всему, если придется. Если и впрямь наступит конец света, я хочу, чтобы мы его встретили улыбаясь. Как нас учил Выживший.

Не сразу, но те, кто был когда-то в команде Кельсера, закивали. Даже Сэйзед, хотя его лицо выглядело обеспокоенным.

– Вы тут все чокнутые, – резюмировал Сетт. – Как я очутился с вами в одной компании, ума не приложу.

– Не надо врать, Сетт, – засмеялся Бриз. – Ты точно знаешь, почему присоединился к нам. Мы же собирались тебя убить, если бы ты этого не сделал!

Эленд посмотрел на Вин. Их взгляды встретились, и она кивнула. Речь была хороша. Конечно, не вернуть уже того времени, когда они беззаботно смеялись, сидя по вечерам за столом Колченога, однако улыбка Кельсера не даст забыть, за что именно они сражаются.

– Что ж, друзья, – подытожил Эленд. – Давайте начнем приготовления. Бриз, Сэйзед, Альрианна, я хочу, чтобы вы поговорили с писцами и определили, что вам понадобится для путешествия. Хэм, отправь гонца в Лютадель: пусть Пенрод поручит нашим ученым заняться

растениями, которые могут обходиться почти без света. Дему, передай мой приказ всем. Завтра мы выступаем.

* * *

Из-за связи с кровью это называется гемалургией. Думаю, нет ничего удивительного в том, что передача силы посредством гемалургии всегда влечет за собой смерть. Марш как-то назвал процесс «грязным». Мне подобное определение представляется неподходящим. Тут требуется нечто более шокирующее.

13

«Я что-то упускаю», – подумал Марш.

Он сидел посреди лагеря колоссов. Просто сидел. Уже несколько часов он даже не шевелился, словно статуя, постепенно покрываясь пеплом. Внимание Разрушителя в последнее время было сосредоточено на чем-то другом, и Марш получил возможность немного поразмышлять.

Он по-прежнему не сопротивлялся. Сопротивление лишь привлекало Разрушителя.

«Может быть, мне это и нужно? Чтобы меня контролировали?»

Когда Разрушитель смотрел на умирающий мир его глазами, все вокруг казалось прекрасным. Это блаженство было куда более приятным и сильным чувством, чем ужас, который испытывал Марш, сидя сейчас на пне, заматаемый пеплом.

«Нет. Нет, я этого не хочу!»

Он и в самом деле испытывал блаженство, но оно было фальшивым. Он боролся с ощущением неизбежности, как когда-то боролся с Разрушителем.

«Что же я упускаю?» – снова подумал Марш, пытаясь отвлечься.

Армия колоссов – их было триста тысяч – не двигалась с места уже несколько недель. Марш мало что знал об этих тварях, хотя провел рядом с ними большую часть года. Похоже, они могли питаться даже мертвыми растениями, погребенными под слоем пепла, однако колоссы неустанно убивали друг друга. Казалось бессмысленной тратой ресурсов держать такую армию в бездействии.

«Сколько они еще продержатся?»

Чего ждал Разрушитель? Почему бы ему просто не воспользоваться этой армией и не атаковать? Марш достаточно хорошо знал географию Последней империи: их лагерь находился на севере, возле Терриса. Почему бы просто не двинуться на юг, к Лютадели?

В лагере не было других инквизиторов. Разрушитель отправил их выполнять разные задания, оставив Марша в одиночестве. Из всех инквизиторов Марш получил самое большое количество новых штырей – целых десять в разных частях тела. Они явно делали его сильнее остальных. Почему же он остался не у дел?

«Да какая разница? Это конец всему. Победить Разрушителя невозможно. Мир обречен».

Маршу стало совестно за такие мысли. Если бы он мог смущенно опустить глаза, так бы и сделал. Было время, когда он возглавлял настоящее восстание скаа. Тысячи глядели на него в ожидании приказов. А потом... Кельсера поймали. Как и Мэйр – женщину, которую и Кельсер, и Марш любили.

Когда Кельсер и Мэйр угодили в Ямы Хатсина, Марш покинул бунтовщиков. Подоплека его поступка была проста. Если Вседержитель смог поймать Кельсера – непревзойденного вора современности, – тогда он поймает в конце концов и Марша. Им двигал не страх, но трезвый расчет. Марш всегда был практичным. Борьба показалась бесполезной. Так зачем же ее продолжать?

Но Кельсер вернулся и сделал то, чего не смогли добиться все бунтовщики за тысячу лет: разрушил империю и поспособствовал смерти самого Вседержителя.

«На его месте должен был быть я, – подумал Марш. – Я посвятил восстанию всю свою жизнь и сдался незадолго до того, как оно увенчалось успехом».

Это представлялось трагедией, и все становилось только хуже, потому что сейчас Марш делал то же самое. Сдавался.

«Будь ты проклят, Кельсер! – подумал он с раздражением. – Ты можешь оставить меня в покое хотя бы после смерти?»

И все же от одной мучительной неоспоримой истины было невозможно укрыться. Мэйр оказалась права: она выбрала Кельсера, а не его, Марша. И потом, когда обоим пришлось как-то справляться с ее смертью, один из них сдался.

Другой же воплотил ее мечту в жизнь.

Марш знал, почему Кельсер решил положить конец Последней империи. Не из-за денег, не из-за славы и даже – хотя многие не сомневались в обратном – не из-за желания отомстить. Кельсер знал, что творилось у Мэйр в душе. Знал, что она грезилась временем, когда все вокруг цвело, когда солнце не было красным. Она всегда носила с собой маленький набросок цветка – скопированную копию копии – как напоминание о том, что давным-давно утратила Последняя империя.

«Но, – с горечью думал Марш, – ее мечты не сбылись, Кельсер. Ты проиграл. Ты убил Вседержителя, но это ничего не исправило. Все стало только хуже!»

Пепел по-прежнему сыпался с неба, вокруг Марша кружила ленивая метель. Где-то поблизости заворчал колосс, а другой вскрикнул, умирая от руки собрата.

Кельсер умер. Но он погиб ради ее мечты. Мэйр не ошиблась, выбрав его, но и она тоже теперь мертва. Марш не умер. Пока что.

«Я все еще могу бороться, – сказал он себе. – Только как?»

Если даже не в состоянии лишний раз пошевелить пальцем, не привлекая внимания Разрушителя.

Впрочем, последние несколько недель Марш совсем перестал сопротивляться. Возможно, по этой причине Разрушитель и решил, что может оставить инквизитора так надолго. Это существо – сила, или кем оно там являлось на самом деле, – не обладало безграничными возможностями. Однако Марш подозревал, что оно могло свободно передвигаться по всему миру, наблюдая за тем, что происходило в самых разных местах. Ни одна стена не могла преградить ему путь – оно проникало повсюду.

За исключением человеческого разума.

«Возможно... возможно, если я не буду сопротивляться достаточно долго, я смогу удивить его, когда наконец-то осмелюсь нанести удар».

Этот план был лучше, чем ничего. И Марш знал, что именно он сделает, когда наступит время. Он лишит Разрушителя самого полезного инструмента. Он убьет себя – вытащит штырь из собственной спины. Не из-за разочарования, не из-за отчаяния. Марш знал, что ему отведена важная роль в планах Разрушителя. Устранив себя в нужный момент, он даст остальным шанс, который им так необходим.

Больше он ничего не мог им дать. Но план казался хорошим, и Марш ощутил прилив уверенности в своих силах, который едва не заставил его встать и гордо выпрямиться. Кельсер пожертвовал своей жизнью, чтобы скаа освободились. Марш сделает то же самое – и, возможно, спасет весь мир от уничтожения.

Часть вторая

Ткань и стекло

Сознание Разрушителя заточили в Источнике Вознесения, поэтому он лишился большей части своих сил. Той ночью, кроме Источника, мы обнаружили кое-что еще – Черный дым, заполнявший соседнюю пещеру.

Мы обсуждали его позже, но никто так и не смог объяснить, что именно нам довелось увидеть. И откуда же нам было знать?

Сила бога и тело бога – это, в общем-то, одно и то же. Разрушитель и Охранитель одушевляют силу и энергию в той же мере, в какой человек одушевляет плоть и кровь.

14

Призрак теперь жег олово постоянно.

Оно сгорало медленнее других металлов, потому добыть его в нужных для алломантии объемах было нетрудно.

Кельсер возвестил, что скаа не должны бояться тумана, но лишь немногие отваживались выходить из дома по ночам. И неудивительно: темный и вездесущий, игривый и загадочный, этот туман был куда гуще обычного. Он клубился, образуя многообразные узоры, реки и берега, и его волны напоминали живых существ.

Призрак же спокойно шел по тихой ночной улице, и звезды, словно миллионы маленьких солнц, светили для него сквозь туман. Молодой человек не сразу понял, почему туман вдруг ослабел и сделался прозрачным. Но потом догадался, что все дело в его собственном восприятии. Призрака не раз предупреждали, что постоянно жечь олово опасно, что можно стать зависимым от металла. И тем не менее молодой человек жег его без остановки уже целый год, и его чувства обострились до пределов, непостижимых для обычных алломантов.

Так было нужно ради блага жителей Урто.

Все началось после смерти Колченога. Призрака мучила совесть: ведь он покинул Лютадель и, по существу, бросил дядю умирать. Осознавать это было очень больно, и первые несколько недель молодой человек жег металл в качестве наказания – чтобы еще острее чувствовать боль.

Потом ощутил перемены и встревожился. Но все вокруг только и говорили, как старается Вин. Она мало спала, использовала пьютер, чтобы сохранять бодрость и внимательность. Призрак понятия не имел, как это работало, – он был не рожденным туманом, а всего лишь ищейкой и мог жечь только олово, – но решил, что если горение одного металла способно дать ему какое-то преимущество, надо это использовать. Потому что требовались любые преимущества, какие только можно было получить.

Звездный свет превратился для него в дневной. С рассветом Призраку приходилось закрывать глаза. Его кожа стала столь чувствительной, что каждый камешек на дороге, каждая трещина, каждая зазубрина на камне, словно ножи, вонзались в подошвы. Приходилось носить теплый плащ, потому что прохладный весенний воздух казался слишком холодным.

Однако Призрак считал, что мелкие неудобства были малой ценой, которую пришлось заплатить ради того, чтобы стать... тем, кем он стал. Двигаясь по улице, молодой человек слышал, как за стенами домов ворочаются в своих кроватях люди. Мог ощутить, как на расстоянии нескольких ярдов кто-то сделал шаг. Ночное же зрение стало поистине непревзойденным.

Призрак привык воспринимать себя самым незначительным в отряде Кельсера – просто мальчишкой, который бегал с поручениями или стоял на страже, пока остальные строили планы. Нет, он не обижался. Из-за уличного жаргона молодого человека никто толком не понимал, да и в шайку он попал не по решению Кельсера, а потому, что был племянником Колченога.

Двигаясь по залитой ярким светом улице, Призрак со вздохом сунул руки в карманы. Наверно, никто бы не поверил, но он чувствовал каждое волокно, из переплетения которых состояла ткань.

Происходящее становилось опасным: туман задерживался с наступлением дня, земля то и дело вздрагивала, как вздрагивает спящий человек, которому снится кошмарный сон. Однако Призрак больше всего беспокоился о том, что наступает время, когда от него снова не будет никакой пользы. Тогда, чуть больше года назад, молодой человек сбежал из города не только из страха, а еще и потому, что прекрасно осознавал, насколько беспомощен: он все равно ничего не смог бы сделать во время осады.

Ужасно снова оказаться в подобном положении. Поэтому, когда Эленд и Вин отправили его в Урто, чтобы собрать как можно больше сведений о Гражданине и его сподвижниках, Призрак решил сделать все, что было в его силах. Даже если это означало, что придется подвергнуть себя опасности.

Оказавшись на большом перекрестке, молодой человек огляделся по сторонам. Пересекающиеся улицы были видны ясно, как днем.

«Я не рожденный туманом и не император, но я тоже кое-что могу. Я стал другим. Кельсер бы мною гордился.

Возможно, хотя бы на этот раз я сумею помочь».

Вокруг было тихо. Призрак осторожно двинулся по улице, ведущей на север. Иногда представлялось странным, что он крадется при свете дня. Впрочем, это другие вряд ли смогли бы что-то разглядеть при свете звезд. Лишь алломантам олово позволяло видеть сквозь туман, а зрение Призрака теперь стало куда более острым, чем раньше. Так же как и слух.

Патруль он услышал задолго до того, как увидел. Как можно было не услышать бряцание оружия и топот шагов по мостовой? Молодой человек застыл, прижавшись спиной к земляной стене улицы, и стал ждать.

Патрульные несли факел. Для чувствительных глаз Призрака он был подобен пламенеющему, ослепительно-яркому маяку. Да и стражникам служил, скорее, помехой: свет отражался от тумана и заключал их в маленький мерцающий кокон, не давая возможности ничего разглядеть вокруг.

Призрак замер. Патрульные протопали мимо на расстоянии всего несколько футов и ничего не заметили. Было что-то... воодушевляющее в том, чтобы наблюдать, оставаясь одновременно полностью беззащитным и абсолютно невидимым. Зачем только новое правительство Урто вообще организовало эти патрули? Оказавшиеся у власти скаа почти ничего не знали о тумане.

Когда стражники, унося с собой полыхающий факел, исчезли за углом, Призрак осторожно двинулся дальше. Этой ночью Гражданин должен был встретиться со своими помощниками – если его планы, конечно, не изменились. Призрак намеревался подслушать их беседу.

Ни один город не мог сравниться размерами с Лютаделью, но Урто – родовое гнездо семейства Венчер – даже сейчас выглядел грандиознее остальных. Упадок начался еще до гибели Вседержителя. Раньше город пересекало множество каналов. Однако некоторое время назад они пересохли, превратившись в глубокие пыльные рвы, которые заполнялись грязью во время дождя. Местные жители так и не смогли внятно и логично объяснить, отчего вдруг опустели каналы: одни винили землетрясения, другие – засухи. Факты, однако, говорили сами за себя: за сто лет, минувших с той поры, как ушла вода из каналов, никто не нашел способа, позволившего снова наполнить их без лишних затрат. Опустевшие русла превратились в улицы.

Та, по которой шел сейчас Призрак, была достаточно широкой, чтобы когда-то по ней могли проходить даже крупные баржи. По обеим сторонам возвышались десятифутовые стены – над ними громоздились дома, выстроенные вдоль берегов канала. Наверх вели многочислен-

ные лестницы – иногда каменные и с перилами. Впрочем, набережными мало кто пользовался: нижние улицы, как их называли горожане, давно стали делом привычным.

Ощутив запах дыма, Призрак поднял голову и увидел в ряду домов просвет. Похоже, недавно здесь сожгли до основания одно из зданий. Впрочем, обоняние Призрака, как и остальные чувства, возросло стократно, и он мог почувствовать запах, оставшийся со времени пожаров, случившихся сразу после смерти Страффа Венчера. И все-таки этот запах казался слишком сильным. Слишком свежим.

Призрак ускорил шаг. Урто умирал медленно, потихоньку разлагаясь, и в значительной степени это происходило из-за его правителя, Гражданина. Давным-давно, той ночью, когда умер Вседержитель и началось восстание Кельсера, Эленд произнес перед жителями Лютадели речь, в которой говорил об опасностях, связанных с бунтом. Предупредил, что если новая власть будет основана на ненависти и кровопролитии, она погубит саму себя из-за страха, зависти и хаоса.

Призрак находился в числе слушателей и хорошо помнил его слова. А вот теперь убедился, что Эленд говорил правду. Скаа в Урто свергли своих знатных правителей, и в каком-то смысле Призрак ими гордился. Чувствовал растущую симпатию к этому городу и его жителям, которые самозабвенно старались выполнять заветы Выжившего. Но их бунт не закончился изгнанием аристократов. Как и предсказывал Эленд, город превратился в обитель страха и смерти.

И проблема теперь заключалась не в том, чтобы выяснить, отчего так случилось, но в том, как можно это теперь остановить.

Пока что от Призрака ничего подобного не требовалось – предстояло всего лишь собирать сведения. Несколько недель он потратил на изучение города и уже достаточно хорошо ориентировался среди нижних улиц, на которых так легко было потерять след. Поначалу молодой человек старался не спускаться на дно, предпочитая маленькие переулки верхнего города. К несчастью, канавы охватывали весь город, и приходилось тратить слишком много времени, спускаясь и поднимаясь. В конце концов пришлось признать, что более подходящего способа для передвижения по Урто, чем бывшие каналы, не существует.

Если ты не рожденный туманом, конечно. Увы, но Призрак не мог прыгать с крыши на крышу при помощи алломантической силы. Его уделом были канавы. И он старался извлечь из этого все, что можно.

Выбрав одну из деревянных лестниц, Призрак стал быстро взбираться вверх. Даже сквозь перчатки пальцы ощущали каждую трещину на перекладинах. Лесенка уперлась в переулок, по сторонам которого возвышались дома, перпендикулярно ему шла улочка вдоль берега канала. Именно на ней и находилось здание, бывшее целью Призрака, однако он не торопился, ожидая известных лишь ему знаков. Вскоре в одном из близлежащих домов послышалось шуршание, а в другом – отчетливые шаги. За улицей явно наблюдали.

Правда, сами того не подозревая, часовые оставили без присмотра малоприметный вход в здание, в котором располагались их наблюдательные посты. Призрак прокрался к дому справа. Ноги его чувствовали каждый камешек мостовой, а уши могли расслышать, как учащается дыхание человека, заметившего что-то необычное. Обойдя дом и скрывшись от наблюдавших глаз, молодой человек вошел в другой переулок, заканчивавшийся тупиком, и приложил ладонь к стене.

Внутри ощущалась вибрация – в комнате кто-то был. Призрак двинулся дальше. Следующая отпугнула его шепчущимися голосами. Зато в третьей оказалось совершенно тихо: никаких вибраций, никаких шепотов. Не слышалось даже приглушенного сердцебиения: иной раз, если вокруг было достаточно тихо, Призрак мог различить и такое. Глубоко вздохнув, он бесшумно вскрыл окно и проскользнул внутрь.

Это была спальня – как и предполагалось, пустая. Закрыв ставни и слыша лишь биение собственного сердца, Призрак направился к дверям. Несмотря на почти полную темноту, в комнате он ориентировался без проблем. Ему казалось, что вокруг всего лишь сумерки.

За дверью находился уже знакомый коридор. Призрак легко прошмыгнул мимо двух помещений, где располагались наблюдавшие за улицей люди. Подобные вылазки щекотали нервы. Он находился в одной из казарм Гражданина – в нескольких шагах от большого отряда вооруженных солдат, которым явно стоило бы проявить больше усердия, охраняя собственное логово.

Прокравшись вверх по лестнице, Призрак очутился у двери в маленькую, редко используемую комнату на третьем этаже. Проверив, нет ли внутри вибраций, вошел. Здесь все было завалено скатками и пыльными стопками униформ. Ощущая пальцами ног каждую половицу, которая могла стукнуть, скрипнуть или еще как-то выдать его присутствие, Призрак пробрался к окну, присел на подоконник. Он не сомневался, что снаружи никто не сумеет его как следует разглядеть.

Дом Гражданина располагался в нескольких ярдах напротив. Квеллион порицал хвастовство, поэтому для себя выбрал жилище поскромнее. По всей видимости, когда-то здесь жил небогатый аристократ, который мог себе позволить совсем маленький дворик. Со своего наблюдательного поста Призрак мог легко его рассмотреть. Само же здание просто светилось – свет рвался из каждого окна, из каждой трещины, – словно переполненное какой-то удивительной силой. Казалось, оно вот-вот взорвется.

Впрочем, Призраку из-за полыхавшего в нем олова таким представлялось теперь любое здание, в котором горел свет.

Забравшись с ногами на подоконник, молодой человек прислонился к оконной раме. Стекла, как и ставни, отсутствовали, и лишь следы от гвоздей указывали, где именно они были закреплены раньше. Не важно, когда и почему сняли ставни, – их отсутствие означало, что ночью в эту комнату вряд ли кто-то войдет. Теперь она принадлежала туману, а Призраку пришлось бы здорово постараться, чтобы его разглядеть.

Некоторое время ничего не происходило: в доме и вокруг него царили ночная тишина и спокойствие. А потом появилась она.

Призрак встрепнулся, устремил взгляд на молодую женщину, которая вышла из дома в сад. Светло-коричневое платье скаа она умудрялась носить с вызывающим изяществом. Ее волосы были чуть-чуть темнее платья, и Призраку нечасто доводилось видеть людей с такими, как у нее, золотисто-каштановыми волосами. По крайней мере, немногим удавалось смывать с волос пепел и сажу.

Все в городе знали о Бельдре, сестре Гражданина, хотя мало кто ее видел. Говорили, будто она красива, – и это оказалось правдой. Однако никто ни разу не упомянул о том, какая она печальная. Из-за ярко горящего олова Призрак чувствовал себя так, словно стоял совсем рядом. Он видел, как в больших и грустных глазах девушки отражается свет, испускаемый домом напротив.

Во дворе находилась скамейка, возле которой рос небольшой куст. Других растений в саду не осталось: их, видимо, вырвали, а черно-коричневую землю вспахали. Как слышал Призрак, Гражданин объявил декоративные сады развлечением для знати. По его словам, подобные места возникли только благодаря поту, пролитому рабами-скаа, и являлись еще одним способом, посредством которого аристократы поднимались к вершинам роскоши, одновременно опуская своих слуг в бездну нескончаемого труда.

Когда жители Урто забелили фрески и расколотили витражи, они также уничтожили и все декоративные сады.

Бельдре сидела на скамье, сложив на коленях руки и глядя на жалкий кустик. Призрак попытался убедить себя, что старается чаще проникать сюда и слушать вечерние совещания

Гражданина вовсе не из-за его сестры. И почти преуспел: ведь эти шпионские вылазки приносили отличные плоды, а наблюдение за Бельдре являлось просто дополнением. Да она и не особенно его интересовала. Они ведь даже не были знакомы.

Внезапно Призраку очень захотелось с ней поговорить.

Но момент был неподходящий. Изгнание Бельдре в сад означало, что возглавляемое ее братом совещание вот-вот начнется. Он всегда держал сестру при себе, но, видимо, не хотел делиться с ней государственными секретами. К несчастью для Гражданина, окно комнаты, в которой проходило совещание, открывалось прямо перед наблюдательным постом Призрака. Обычный человек – даже ищейка или рожденный туманом – не смог бы услышать то, о чем говорили внутри. Только вот Призрака уже никоим образом нельзя было отнести к обычным людям.

«Я больше не буду бесполезным», – прислушиваясь, решительно подумал он.

– Ну хорошо, Олид. Какие новости?

Призрак сразу узнал Квеллиона, Гражданина Урто.

– Эленд Венчер завоевал еще один город, – откликнулся голос, принадлежавший Олиду, министру иностранных дел.

– Какой? – уточнил Квеллион. – Где он расположен?

– На юге. Он очень небольшой: там едва ли пять тысяч жителей.

– Бессмыслица какая-то, – вмешался третий голос. – Причем сразу же покинул город и забрал с собой всех жителей.

– Еще он как-то заполучил новое войско колоссов, – прибавил Олид.

«Отлично», – подумал Призрак.

Четвертое хранилище теперь принадлежало им. Лютадели хватит продовольствия на некоторое время. Оставалось еще два тайника: здесь, в Урто, и последний, где бы он ни находился.

– Тирану не нужны мотивы, чтобы как-то обосновать свои поступки, – резюмировал Квеллион.

Он был молод, но не глуп. Иногда Гражданин говорил так, как другие люди, которых знал Призрак. Мудрые люди. Разница заключалась в том, что Квеллион все доводил до крайности.

Или, быть может, в том, как он выбирал время?

– Тиран завоевывает новые земли просто ради того, чтобы владеть ими, – продолжал Квеллион. – Венчеру мало того, что он уже имеет, и всегда будет мало. И он не остановится, пока не доберется до нас.

В комнате стало тихо.

– Стало известно, что он намеревается отправить в Урто посла, – сообщил третий голос. – Кого-то из отряда самого Выжившего.

Призрак наострил уши.

Квеллион фыркнул:

– Кто-то из лжецов идет сюда?

– Чтобы предложить нам сделку, если верить молве.

– И что? – спросил Квеллион. – Зачем ты упомянул об этом, Олид? Считаешь, мы должны заключить договор с тираном?

– Мы не можем с ним сражаться, Квеллион, – заметил министр.

– Выживший не мог сражаться с Вседержителем, – парировал Квеллион. – Но все равно сразился. Он умер, но одержал победу и наделил скаа храбростью, чтобы они восстали и свергли знать.

– А потом этот ублюдок Венчер стал главным, – опять вступил в разговор третий голос. Снова тишина.

– Мы не можем сдать Венчеру, – прервал ее Квеллион. – Я не передам этот город аристократу после того, что для нас сделал Выживший. Во всей Последней империи только Урто стал тем, чего хотел Кельсер, – государством, управляемым скаа. Только мы сожгли дома знати. Только мы очистили свой город от них и всего, что с ними связано. Только мы сделали, как он хотел. Выживший все видит.

Призрак невольно вздрогнул. Было странно слышать, как незнакомые ему люди говорят о Кельсере подобным тоном. Призрак находился рядом с Кельсером, учился у Кельсера. Да какое право они имели говорить так, будто знали человека, который стал их Выжившим?

Разговор перешел на более занудные темы. Обсуждались новые законы, которые запретили бы некоторые фасоны одежды, ранее использовавшиеся аристократами. Потом было решено выделить еще некоторую сумму денег комитету по установлению родства. Предстояло вычистить всех горожан, которые состояли в родстве со знатью. Призрак слушал и запоминал, чтобы потом передать своим, однако с трудом сдерживался, чтобы то и дело не поглядывать на молодую женщину в саду.

«Почему она так грустна?» – спрашивал он себя.

Часть молодого человека рвалась совершить дерзкий поступок, какой наверняка совершил бы Выживший: спрыгнуть вниз и спросить у этой одинокой гордой девушки, отчего она с печалью смотрит на какой-то куст. Призрак уже было поднялся, но вовремя одумался.

Он, быть может, особенный, и силы у него имеются, однако вовсе не рожденный туманом, о чем пришлось снова самому себе напомнить. Его жребий – подкрадываться в тишине.

Поэтому Призрак не двинулся с места. Хватит и того, что он мог смотреть на нее и каким-то образом понимать – несмотря на расстояние, несмотря на то что невидим, – что именно она сейчас чувствует.

* * *

Пепел.

Не думаю, что люди понимали, насколько им на самом деле повезло. На протяжении тысячи лет до падения империи они спихивали пепел в реки, выметали его из городов и забывали о нем. Они и не догадывались, что без созданных Рашеком микробов и растений, способных перерабатывать частицы пепла, земля вскоре оказалась бы погребена под ним.

Впрочем, в конечном счете так все и вышло.

15

Туман горел. Он полыхал, подсвеченный красным солнцем, и казался огнем, который поглотил ее.

Дневной туман был неестественным. Но даже ночью он больше не был близок Вин. Когда-то он укрывал и защищал. Теперь становился все более чуждым. Когда она применяла алломантию, туман как будто слегка отталкивался, словно дикий зверь, испуганный ярким светом.

Солнце взошло много часов назад, но лагерь выглядел пустынным. Эленд по-прежнему защищал свое войско, приказывая солдатам оставаться в палатках до тех пор, пока не рассеется туман. Хэм твердил, что подвергать их опасности не следует, но чутье Вин подсказывало, что Эленд исполнит свой план и выведет армию в туман. Им требовались неуязвимые солдаты.

«Почему? – думала Вин, глядя на подсвеченный солнцем туман. – Почему все изменилось? Что произошло?»

Туман танцевал вокруг нее, рисуя обычный причудливый узор из текущих потоков и вихрей. Вин показалось, что он двигался быстрее. Дрожал. Трепетал.

Солнце стало пригревать, и туман наконец-то сдался – исчез, испарился, как вода на сковороде. Тепло солнечного света волной накатило на Вин, и она повернулась, следя за уходящим туманом. И будто слышала чей-то затихающий предсмертный вопль.

«Это неестественно...»

Часовые оповестили всех, что воздух чист. Лагерь тотчас же охватила суета: люди выходили из палаток, с поспешностью принимались за утренние дела. Вин стояла посреди дороги на въезде в лагерь – справа от нее текли спокойные воды канала. Все казалось таким реальным теперь, когда больше не было тумана.

Она спрашивала Сэйзед и Эленда, что они думают о тумане: считают ли его явлением природы или... чем-то еще. Оба, оправдав свою репутацию мыслителей, привели аргументы, которые подтверждали и первую, и вторую версии. Сэйзед, по крайней мере, пришел к окончательному выводу: он посчитал, что туман представляет собой природное явление.

«Даже то, как туман душит некоторых людей, а других не трогает, можно объяснить, леди Вин, – сказал он. – В конце концов, укусы насекомых убивают одних, а другим доставляют лишь незначительные неудобства».

Вин не интересовали теории и ученые споры. Большую часть жизни она думала, что туман – это просто такая погода. Рин и другие воры смеялись над историями, в которых он представал чем-то сверхъестественным. И только став алломантом, начала по-другому относиться к туману. Вин его чувствовала, и это чувство лишь усилилось после того, как она коснулась силы в Источнике Вознесения.

Туман исчезал слишком быстро. Сгорая на свету, словно... убегал от опасности. В нем было что-то от человека, который устал сражаться и наконец-то сдался, сбежал. Кроме того, туман не проникал в помещение. Защитить от него могла простая палатка. Он словно понимал, что являлся незваным гостем для людей.

Вин снова посмотрела на солнце – янтарно-алое за темной дымкой облаков. Как бы она хотела увидеть сейчас Тен-Суна, поговорить с ним о своих тревогах. Вин скупала по кандре

сильней, чем могла бы предположить. Его незатейливая прямота была под стать ее собственной. И Вин по-прежнему не знала, что с ним произошло после возвращения к своему народу; она пыталась отыскать другого кандру, чтобы тот доставил послание Тен-Суну, но эти создания теперь встречались весьма нечасто.

Вздыхнув, Вин неторопливо направилась обратно в лагерь.

Войско готовилось к отбытию с впечатляющей скоростью. Солдаты приводили в порядок оружие и доспехи, повара готовили припасы. Вин успела пройти совсем немного, а походные костры уже разгорелись, палатки начали разбирать. Вот-вот, и все будут готовы отправиться в путь.

Когда Вин проходила мимо, одни ее приветствовали, другие ограничивались почтительным кивком. Но были и такие, кто с неуверенностью отводил взгляд. Она их не винила. Вин и сама с трудом понимала, какое место занимает в войске. Будучи супругой Эленда, она официально являлась императрицей, хоть и не носила королевских одеяний. Многие считали ее религиозной фигурой, Наследницей Выжившего. Этот титул ей тоже не нравился.

Эленда и Хэма Вин обнаружила возле императорского шатра, который только начали разбирать. Несмотря на то что стояли они на открытом месте и вели себя совершенно неприужденно, Вин тотчас же заметила, что оба держались в стороне от рабочих, словно не хотели, чтобы их услышали. Еще на подходе она зажгла олово, чтобы узнать, о чем они говорили.

– Хэм, ты же знаешь, что я прав. Это не может так продолжаться. Чем дальше мы проникаем в Западный доминион, тем меньше дневного времени остается в нашем распоряжении.

Громила покачал головой:

– Ты что же, будешь стоять и смотреть, как умирают твои солдаты, Эл?

Лицо Эленда посуровело:

– Мы больше не можем каждое утро ждать, пока рассеется туман.

– Даже если так мы спасаем жизни людей?

– Как раз промедление и губит эти жизни, – возразил Эленд. – Каждый час, который мы проводим здесь, приближает туман к Центральному доминиону. Мы планируем осаду, Хэм, а для нее требуется время – и это означает, что до Фадрекса надо добраться как можно скорее.

В поисках поддержки громила посмотрел на подошедшую Вин – та покачала головой:

– Извини, Хэм, но Эленд прав. Мы не можем себе позволить, чтобы наша армия зависела от капризов тумана. Мы подставляем: если кто-то атакует нас рано утром, нашим людям придется или защищаться, сражаясь одновременно и с туманом, или прятаться в палатках и ждать.

Хэм нахмурился, потом извинился и ушел помогать отряду солдат паковать вещи. Глядя вслед громиле, который топал прочь по свежавыпавшему пеплу, Вин приблизилась к Эленду:

– Кельсер в нем ошибся.

– В ком? – не понял Эленд. – В Хэме?

– Да. Когда все закончилось... когда умер Кельсер, мы нашли письмо. В нем он пояснял, что выбирал членов своей шайки таким образом, чтобы они заняли места в новом правительстве. Бриз должен был стать послом, Доксон – бюрократом, а Хэм – генералом. Первые двое и впрямь подходили на эти роли, но вот Хэм...

– Он все принимает слишком близко к сердцу. Он должен обязательно познакомиться с каждым человеком из своего отряда, иначе ему не по себе. А когда знакомишься с каждым, каждый становится дорог.

Вин машинально кивнула, наблюдая за тем, как Хэм смеется, помогая солдатам.

– Ты только посмотри, какими черствыми мы оба стали, – заметил Эленд. – Распоряжаемся жизнями тех, кто последовал за нами. Может, лучше быть привязчивыми, как Хэм. Может, я бы тогда не отправлял так легко людей на смерть.

Обеспокоенная горечью, прозвучавшей в его голосе, Вин перевела глаза на Эленда. Он улыбнулся, пытаясь все скрыть, потом отвел взгляд:

– Сделай что-нибудь со своим колоссом. Он бродит по лагерю и всюду сует нос. Люди пугаются.

Едва подумав об этом существе, Вин сразу почувствовала, где оно – на краю лагеря. Человек все время находился у нее под контролем, но, чтобы управлять им по-настоящему, надо было сосредоточиться. Все оставшееся время колосс выполнял лишь общие команды: не уходить далеко, никого не убивать.

– Я должен проверить, готовы ли баржи к отплытию, – спохватился Эленд.

И, убедившись, что Вин не проявила желания пойти с ним, быстро поцеловал ее и удалился.

Вин продолжила свой путь через лагерь. Большинство палаток уже были разобраны и сложены; солдаты быстро расправлялись с завтраком. Человека она обнаружила за пределами лагеря: заматаемый пеплом, он сидел без движения и наблюдал за действиями людей своими красными глазками; с правой стороны лица – от глаза до угла рта – свисал лоскут содранной кожи.

– Человек, – скрестив руки на груди, позвала Вин.

Тот поднялся – с одиннадцатифутового, покрытого буграми мышц синего тела посыпался пепел. Даже убив множество подобных ему тварей, даже зная, что полностью его контролирует, Вин на мгновение ощутила страх перед этим громадным чудищем с туго натянутой, покрытой кровотокающими дырами кожей.

– Зачем ты пришел в лагерь? – спросила она, отгоняя панику.

– Я человек, – проговорил он медленно и внятно.

– Ты колосс, – возразила Вин. – И ты это знаешь.

– Мне нужен дом. Такой же, как те.

– Это не дома, а палатки. Ты не можешь просто так приходить в лагерь. Тебе надо быть вместе с другими колоссами.

Человек повернулся к югу, где располагалось войско колоссов, отделенное от войска людей. Все твари оставались под контролем Эленда. Их было двадцать тысяч, учитывая те десять, что ждали императора вместе с основными силами армии. Было логичным оставить их Эленду, поскольку с точки зрения алломантии он по возможностям намного превосходил Вин.

– Почему? – Человек снова посмотрел на Вин.

– Почему ты должен быть вместе с себе подобными? – переспросила она. – Потому что ты пугаешь людей в лагере.

– Тогда пусть они нападут на меня.

– Вот потому-то ты и не человек, – усмехнулась Вин. – Мы не нападаем на людей просто потому, что они нас пугают.

– Нет. Вы приказываете, чтобы нападали мы.

Вин так и застыла, склонив голову набок. Человек, однако, просто отвернулся и уставился опять на лагерь людей. Его лицо с маленькими красными глазками было почти непроницаемым, но Вин вдруг показалось, что она чувствует его... тоску.

– Ты одна из нас, – вдруг сказал Человек.

– Я?

– Ты как мы. Не как они.

– Почему ты так говоришь?

Человек перевел на нее взгляд:

– Туман.

Почему-то Вин ощутила мгновенный озноб:

– Что ты имеешь в виду?

Колосс не ответил.

– Человек, – окликнула Вин, пытаясь зайти с другой стороны, – что ты думаешь о тумане?

– Он приходит по ночам.

– Да, но что ты о нем думаешь? Твой народ боится тумана? Туман убивает твоих братьев?

– Мечи убивают, – возразил Человек. – Дождь не убивает. Пепел не убивает. Туман не убивает.

«Логично, – подумала Вин. – Год назад я тоже так считала».

Она уже почти решила прекратить расспросы, но...

– Я его ненавижу, – сказал вдруг Человек.

Вин замерла.

– Я ненавижу его, потому что он ненавидит меня. – Человек посмотрел на нее. – Ты это чувствуешь.

– Да, – неожиданно для себя подтвердила Вин. – Я чувствую.

Человек продолжал смотреть на нее в упор; по его синей щеке из раны возле глаза бежала, смешиваясь с хлопьями пепла, струйка крови. В конце концов он кивнул, словно отдавая должное честному ответу.

Вин задрожала.

«Туман неживой, – думала она. – Он не может ненавидеть. Мне все это кажется».

Но... несколько лет назад она воспользовалась силой тумана. Во время битвы с Вседержителем каким-то образом сумела подчинить туман своей воле. Казалось, что именно он помог применить алломантию, не имея металлов. Только так она и сумела победить Вседержителя.

Это случилось давно, и с тех пор Вин ни разу не удалось сделать то же самое. Пробовала снова и снова и после многократных неудач уже начала думать, что, наверное, ошиблась. Без сомнения, в последнее время туман стал недружелюбным. Она пыталась убедить себя в том, что это лишь естественный ход событий, но знала, что все не так. И как же быть с туманным духом – существом, которое пыталось убить Эленда, а потом спасло, указав способ превратить его в алломанта? Дух был настоящим, в этом Вин не сомневалась, хоть за последний год он ни разу перед ней не появился.

Туман клубился вокруг, словно не решаясь приближаться. Он не проникал в дома; он убивал. Все указывало на то, что Человек был прав. Туман – Бездна – был полон ненависти к ней. И, в конце концов Вин призналась самой себе в том, что так долго отвергала.

Туман был ее врагом.

* * *

Есть люди, называемые алломантическими савантами. Мужчины и женщины, которые так долго и усиленно жгут металлы, что постоянный приток алломантической силы меняет само устройство их тел.

В большинстве случаев последствия незначительны. Воспламеняющие бронзу, к примеру, часто становятся, сами того не ведая, бронзовыми савантами. Их чувствительность обостряется из-за того, что металл горит слишком долго. А вот превращаться в пьютерного саванта крайне опасно, потому что тело работает на пределе, не ощущая ни усталости, ни боли. Обычно еще до завершения превращения алломант погибает, и, как мне кажется, конечный результат не стоит риска.

Но вот оловянные саванты представляют собой нечто... особенное. Они наделены чувствительностью, превышающей способности, которыми обладает – или хотел бы обладать – любой обычный алломант, и потому

становятся рабами своих чувств: осязания, слуха, зрения, обоняния и вкуса. Однако удивительные ощущения даруют им необычные и интересные свойства.

Кое-кто мог бы сказать, что алломантические саванты, как и инквизиторы, преобразенные при помощи гемалургических штырей, больше не люди.

16

Призрак проснулся в темноте.

В последнее время такое случалось все реже и реже. Повязка, плотно прикрывавшая глаза и уши, раздражала излишне чувствительную кожу, но без нее было нельзя: звездный свет для усиленных оловом глаз казался столь же ярким, как свет солнца, а шаги во дворе звучали раскатами грома. Случалось, Призрак не мог заснуть, даже завязав глаза и залепив уши воском, даже с плотно закрытыми ставнями и опущенными шторами.

Приглушать звуки означало подвергать себя опасности. Однако бессонница представлялась еще опаснее. Возможно, то, что Призрак сделал со своим телом при помощи олова, его и погубит. И все-таки время, проведенное среди жителей Урто, убедило, что им обязательно понадобится помощь. А значит, требовалось преимущество. Прав был Призрак или не прав, в любом случае он решил продолжать начатое и надеяться, что этого окажется достаточно.

Молодой человек со стоном сел, снял повязку и вытащил из ушей воск. В желудке ощущалось приятное тепло пламенеющего олова. Это теперь казалось столь же естественным, как вдохнуть или моргнуть. Призрак слышал, что громилы могут жечь исцеляющий пьютер, даже когда теряют сознание из-за ран. Тело само знало, что ему нужно.

К счастью, олово было сравнительно дешевым. Призрак как следует запасся им в Лютадели, а потом купил еще через подпольных торговцев. Зачерпнув из ковшика возле кровати неполную горсть оловянной пыли, молодой человек высыпал ее в кружку и подошел к двери. Комната была маленькая и тесная, зато не приходилось делить ее с кем-то еще. Роскошь, если судить по меркам скаа.

Стоило приоткрыть дверь, и залитый солнцем двор обрушился со всей силой. Призрак зажмурился и стиснул зубы: свет пробивался даже сквозь опущенные веки; пошарил возле порога. Нащупав оставленный кем-то из трактирных слуг кувшин с водой, затащил его в комнату и поспешно закрыл дверь. Проморгался. Затем налил в чашку воды и выпил содержимое, не оставив ни крупинцы олова. Этого должно было хватить на весь день. На всякий случай Призрак зачерпнул из ковшика еще горсть и высыпал в кисет.

Через несколько минут, уже одетый и готовый действовать, молодой человек присел на кровать и закрыл глаза, обдумывая предстоящий день. Если верить шпионам Гражданина, Эленд отправил в Урто кого-то из их общих друзей. Им, вероятно, было поручено обеспечить сохранность тайной пещеры и подавить восстание; Призрак намеревался раздобыть как можно больше сведений до их прибытия.

Он перебирал варианты и размышлял. В соседних комнатах грохотали шаги, все деревянное строение дрожало и раскачивалось, словно гигантский улей, заполненный суетливыми пчелами. Снаружи кричали, звали; в отдалении слышался колокольный звон. Несмотря на достаточно раннее время – едва миновал полдень, – туман уже рассеялся. День без тумана в Урто длился шесть-семь часов, поэтому здесь по-прежнему можно было успешно выращивать зерно.

Обычно Призрак спал весь день, но сегодня нужно было торопиться, и он начал собираться. Надел очки, сверху наложил плотную повязку. На ощупь пробравшись к окну, отдернул занавеску и распахнул ставни. Хлынул жаркий, почти обжигающий, солнечный свет, но При-

зрак все же смог открыть глаза. Повязка раздражала кожу, зато приглушала свет и одновременно была достаточно прозрачной. Ничего не поделаешь, приходилось терпеть: даже обострившиеся чувства не давали возможности видеть с закрытыми глазами.

Кивнув самому себе, Призрак взял дуэльную трость и вышел из комнаты.

* * *

– Знаю, ты предпочитаешь помалкивать. – Дарн тихонько постукивал перед собой двумя палочками. – Но даже ты не сможешь отрицать, что лучше жить так, чем с лордами.

Призрак сидел, прислонившись к каменной стене улицы-канавы. Рыночная яма была самой широкой из нижних улиц Урто. Когда здесь пролегал водный путь, то в самом центре три корабля могли борт о борт встать на якорь, и осталось бы еще достаточно места для других судов. Теперь здесь располагался главный городской бульвар, который облюбовали также торговцы и нищие.

Нищие вроде Призрака и Дарна. Лишь немногие обращали внимание на двух оборванцев. И уж точно никто не замечал, что один из них – тот, что с черной повязкой на глазах, – внимательно наблюдает за толпой, а другой изъясняется слишком правильно для человека, выросшего в сточной канаве.

Призрак не ответил на вопрос Дарна. В юности он говорил с чудовищным акцентом, пересыпая речь множеством жаргонных словечек, да и сейчас не мог похвастаться бойким языком или чарующими манерами, поэтому старался говорить как можно меньше.

Как ни странно, оказалось, что молчаливость вовсе не отталкивала людей – скорее, даже наоборот. Дарн продолжал отбивать ритм, словно уличный музыкант, у которого не было ни единого слушателя. Удары извлекали из плотно сбитой земли слишком тихие звуки, услышать которые мог только Призрак.

Ритм у Дарна выходил отменный. Любой менестрель бы позавидовал.

– Нет, ты только погляди на рынок, – продолжил Дарн. – При Вседержителе большинство скаа и мечтать не смели об открытой торговле. У нас все вышло красиво. Скаа управляют скаа. Мы счастливы.

Призрак видел рынок. Ему казалось, что по-настоящему счастливые люди улыбаются, а не ходят потупившись. Они делают покупки и гуляют, а не быстро хватают нужное и удаляются. Кроме того, если бы город и впрямь превратился в место всеобщего счастья, разве возникла бы нужда в десятках солдат, которые следили за толпой. Призрак покачал головой. Одежда на людях была почти одинаковая: цвета и фасоны определялись согласно приказам Гражданина. Даже попрошайничество подчинялось строгим правилам. Определенную долю милостыни, которую собрал Призрак, следовало отдать людям Гражданина.

– Вот еще что, – не унимался Дарн. – Ты видел, чтобы кого-то избили или убили на улице? Ради такого уж точно можно в чем-то себя ограничить.

– Убивают теперь в переулках, по-тихому, – негромко заметил Призрак. – Вседержитель, по крайней мере, делал это открыто.

Продолжая тарабанить палками по земле, Дарн нахмурился. Он выбивал сложный ритм. Призрак чувствовал вибрации, и они его успокаивали. Знал ли кто-то из проходивших мимо, что рядом с ними настоящий талант? Дарн мог бы стать известным музыкантом. К несчастью, при Вседержителе скаа не занимались музыкой. А при Гражданине вообще нежелательно было привлекать к себе внимание, независимо от способа.

– Вот оно, – вдруг оживился Дарн. – Как я и говорил.

Призрак поднял глаза. Сквозь невнятное бормотание толпы и прочие звуки, вспышки цвета и сильные запахи отходов, людей, а также выставленных на продажу товаров он ощутил приближение группы узников в сопровождении солдат. Иногда ощущения захлестывали

с головой. Однако, как когда-то Призрак объяснял Вин, секрет горения олова заключался не в том, чтобы почувствовать, а в том, чтобы отсечь ненужное. А он отлично умел сосредотачиваться на том, что было необходимо.

Посетители рынка расходились в стороны, уступая дорогу солдатам в коричневом и их пленникам. Одни опускали головы, другие с мрачным видом наблюдали.

– Еще не передумал? – поинтересовался Дарн.

Призрак встал.

Кивнув, Дарн поднялся следом и ухватил его за плечо. Он знал, что на самом деле Призрак зрячий, – точнее, Призрак предполагал, что Дарн достаточно наблюдателен, чтобы это заметить. Оба они, однако, продолжали играть свои роли. Среди бродяг было обычным делом изображать увечье, чтобы больше подавали. Дарн и сам талантливо хромал, а на голове у него виднелись неприятного вида проплешины. Однако Призрак чувствовал, что кожа «нищего» пахнет мылом, а дыхание – хорошим вином. Дарн являлся воровским королем; немногие в городе превосходили его. Но он так хорошо освоил искусство маскировки, что мог ходить по улицам, оставаясь неузнанным.

Призрак и Дарн стали не единственными, кто последовал за солдатами и теми, кого они сопровождали. Скаа в одежде серого, разрешенного цвета двигались за отрядом, будто молчаливые привидения, шаркая по свежавывавшему пеплу. Процессия приблизилась к насыпи, служившей выходом из нижней улицы, и проследовала в более зажиточную часть города, где каналы были засыпаны и вымощены булыжником.

Вскоре тут и там начали попадаться пепелища – обгорелые руины, на месте которых раньше располагались дома. Запах дыма сделался таким сильным, что Призраку пришлось дышать ртом. На месте их поджидал сам Гражданин. Вождь скаа сразу выделялся из общей массы, потому что носил красное.

– Чего это он так вырядился? – удивился Призрак, когда Дарн повел его в сторону от толпы.

Гражданин и его свита стояли на ступенях большого особняка, а скаа теснились у подножия лестницы. Дарн подвел Призрака к месту, которое обступила группа уличных бандитов. Отсюда открывался отличный вид на Гражданина. Дарна поприветствовали кивками и пропустили без лишних вопросов.

– Ты о чем? – не понял Дарн. – Гражданин одет как обычно: в штаны и рубаху скаа.

– Они красные, – прошептал Призрак. – Это же запрещенный цвет.

– С сегодняшнего утра – разрешенный. Его могут носить те, кто работает в правительстве. Так они будут выделяться, и их легче будет обнаружить тем, кто нуждается в помощи. По крайней мере, таково официальное объяснение.

Призрак нахмурился, но тут же его внимание привлекла...

Бельдре.

В ее присутствии не было, разумеется, ничего необычного: она повсюду следовала за братом. Он беспокоился о ее безопасности и редко выпускал из вида. Как всегда, глаза девушки на обрамленном золотисто-каштановыми волосами лице глядели с печалью.

– Грустное зрелище, – заметил Дарн, и Призрак поначалу решил, что он говорит о Бельдре. Однако Дарн кивком указал на пленников.

Они ничем не выделялись среди остальных горожан: серая одежда, испачканные сажей лица, покорно опущенные плечи. Гражданин, однако, не замедлил объяснить, в чем заключается их отличие от всех прочих.

– Одним из первых воззваний нашего правительства, – торжественно начал он, – было воззвание о солидарности. Мы народ скаа. Аристократы, которых избрал Вседержитель, властвовали над нами десять веков. Мы решили, что Урто станет городом свободы. Местом, о появлении которого пророчествовал сам Выживший.

– Ты посчитал? – шепотом спросил Дарн.

– Десять, – пересчитав пленников, кивнул Призрак. – Как и ожидалось. И за что я тебе плачу, Дарн?

– Погоди немного.

– Эти люди, – продолжал Гражданин, указывая на пленников; его бритая голова блестела в красном свете солнца, – не вняли нашим предупреждениям. Они знали, как и все вы, что любой аристократ, оставшийся в городе, лишается права на жизнь! Такова наша воля – наша общая воля. Но они, как и все им подобные, были слишком заносчивы, чтобы прислушаться. Они попытались скрыться. Посчитали, что сумеют нас обмануть. Они всегда так думают. И это их выдает.

Он выдержал паузу, и потом прибавил:

– Поэтому мы обязаны исполнить свой долг.

Взмахом руки Гражданин приказал солдатам начинать. Те погнали пленников вверх по лестнице. Когда двери особняка открыли, Призрак почувствовал, как в воздухе запахло маслом. Затолкав людей внутрь, солдаты подперли двери снаружи и расступились. Каждый зажег факел и бросил его в сторону дома. Не нужно было обладать сверхъестественными чувствами, чтобы ощутить волну растущего жара: толпа подалась назад – взбудораженная, испуганная, но очарованная происходящим.

Призрак видел, как люди внутри пытаются выбить доски, которыми предусмотрительно заколотили окна, слышал крики: рыдая от ужаса, приговоренные бились в запертые двери...

Отчаянно хотелось что-то сделать. Но олово ведь не пьютер, оно не поможет драться в одиночку с целым отрядом солдат. Кроме того, Эленд и Вин дали задание собирать сведения, а не геройствовать. Преисполнившись отвращения к самому себе и обозвав себя трусом, Призрак отвернулся от горящего здания.

– Это бесчеловечно, – прошептал он.

– Они были аристократами, – возразил Дарн.

– Нет, не были! Их родители, может, и были, но сами они скаа. Обычные люди, Дарн.

– С благородной кровью.

– Как и каждый из нас, если хорошенько покопаться в прошлом.

Дарн покачал головой:

– Так должно быть. Сам Выживший...

– Не смей говорить о нем так, словно он одобрил бы эти зверства, – прошипел Призрак.

На миг Дарн замолчал; из всех звуков остались только треск пламени и крики людей, сгоравших заживо. Наконец он проговорил:

– Знаю, смотреть на это тяжело, и Гражданин, возможно, перегибает палку. Но... я слышал однажды его. Выжившего. Он об этом и твердил: смерть аристократам, власть скаа. Если бы ты сам его послушал, ты бы понял. Иногда нужно что-то уничтожить, чтобы построить другое, лучшее.

Призрак закрыл глаза. Казалось, что языки пламени лижут его собственную кожу. Он слышал, как Кельсер произносил речь перед толпой скаа. И он действительно говорил нечто подобное. Только тогда Выживший был голосом надежды и вдохновения. А теперь те же самые слова, повторенные заново, вызвали ненависть и разрушение. Призраку стало дурно.

– Еще раз повторяю, Дарн, – сказал он, глядя прямо и ощущая в себе непривычную твердость, – я плачу тебе не за фонтан правительственной пропаганды. Скажи, зачем мы сюда явились, или больше от меня не получишь ни гроша.

– Сосчитай черепа...

С этими словами Дарн отпустил руку Призрака и исчез в толпе.

Запахи дыма и горелой плоти становились невыносимыми. Призрак развернулся и стал проталкиваться сквозь толпу в поисках свежего воздуха. В конце концов наткнулся на стену и

замер, тяжело дыша и ощущая грубые доски. Казалось, падающие с неба хлопья пепла – тоже часть оставшегося за спиной погребального костра, частички смерти, несомые ветром.

Повернувшись на голоса, Призрак увидел, что Гражданин и его стражи отошли подальше от огня. Гражданин обращался к горожанам, убеждая их быть бдительными. Затем отправился к Рыночной яме, и люди последовали за ним.

«Он их наказал, и теперь должен благословить».

Частенько после казней Гражданин лично общался с народом, гулял вдоль рыночных рядов, пожимал руки и говорил ободряющие слова.

Призрак свернул в переулок. Вскоре богатый квартал закончился и уперся в нижнюю улицу. Отыскав место, где берег пересохшего канала осыпался, молодой человек спрыгнул вниз, проскользнув на самое дно. Там он поднял капюшон плаща и с ловкостью бывшего беспризорника стал пробираться по оживленной улице.

Хоть и окружным путем, но до Рыночной ямы Призрак добрался раньше Гражданина со свитой. Сквозь пеплопад можно было наблюдать, как правитель Урто шествует по широкой земляной насыпи, а следом движется толпа в несколько сотен человек.

«Ты хочешь быть таким же, как он, – присев возле рыночного ларька, думал Призрак. – Кельсер умер, чтобы дать людям надежду, а теперь ты вознамерился украсть его наследие».

Этот человек не был Кельсером. Он был недостоин даже произносить имя Выжившего.

Гражданин шествовал с таким видом, словно являлся отцом всех людей на рынке: хлопал их по плечам, пожимал руки и благожелательно улыбался.

– Выживший бы вами гордился, – донесся до Призрака его голос сквозь шум толпы. – Падающий пепел – его знак. Знак падения империи – того, что осталось от тирании. На этом пепле мы построим новое государство! Государство, в котором будут править скаа.

Опустив край капюшона и, точно слепой, шаря перед собой руками, Призрак двинулся сквозь толпу. Дуэльная трость была привязана ремнем и спрятана за спиной под мешковатой серой рубашкой. В толпе молодой человек чувствовал себя как рыба в воде. Вин изо всех сил старалась быть незаметной и невидимой, а Призраку это удавалось легче легкого. Вообще-то, он пытался добиться противоположного эффекта. Мечтал стать таким, как Кельсер, потому что истории о Кельсере слышал еще до того, как познакомился с Выжившим. С величайшим вором-скаа, человеком, у которого хватило наглости попытаться обокрасть самого Вседержителя.

И все-таки, как бы Призрак ни старался, он никак не мог себя проявить. Он по-прежнему оставался лишь мальчишкой с перепачканным сажей лицом, на которого очень легко было не обращать внимания. Особенно если учесть его непонятный восточный жаргон. Только встреча с Кельсером и осознание того, как менялись люди под влиянием его слов, наконец-то заставили Призрака забыть о своем родном диалекте. Тогда-то он и начал понимать, что в словах, оказывается, есть сила.

Призрак аккуратно протолкался в первые ряды. Со всех сторон пихались и сдавливали, но никто не стал кричать на слепого. На слепого, случайно затесавшегося в толпу, никто не обращает внимания, а значит, тот может легко пробраться туда, где ему быть не полагается. В скором времени Призрак очутился почти что на расстоянии вытянутой руки от Гражданина.

Гражданин вонял дымом.

– Я все понимаю, матушка, – говорил он, держа за руки пожилую женщину. – Но твой сын нужен там, где он сейчас, – на полях. Без него и его товарищей нам нечего будет есть! В государстве, которым правят скаа, работать должны они сами.

– Но... разве он не может вернуться, хоть ненадолго? – спросила женщина.

– Всему свое время, матушка. Всему свое время.

Алая униформа ярко выделялась на общем мрачном фоне, и Призрак, сообразив, что глазееет на это единственное цветное пятно, заставил себя отвести взгляд. Его целью был вовсе не Гражданин.

Бельдре, как обычно, держалась чуть в стороне. Она только смотрела, но никогда не вмешивалась в происходящее. Гражданин развел такую кипучую деятельность, что про его сестру все забыли. Призрак знал, что она должна была чувствовать. Он позволил солдату отпихнуть себя, чтобы освободить дорогу Гражданину. Пинок направил Призрака напрямиком к Бельдре. От нее чуть-чуть пахло духами.

«Я думал, их запретили».

Что бы сделал Кельсер? Наверняка напал бы и, возможно, убил Гражданина. Или противодействовал бы ему как-то иначе. Но уж точно не пустил дело на самотек: Кельсер обязательно бы что-то предпринял.

Или, возможно, попытался бы завоевать доверие кого-то из союзников Гражданина?

Призрак почувствовал, как его сердцебиение, ставшее в последнее время очень громким, ускорилось. Толпа снова пришла в движение, и он позволил ей еще приблизить себя к Бельдре. Стражники этого не заметили: они сосредоточились на Гражданине, которого надо было охранять от любых опасностей.

– Твой брат, – прошептал Призрак девушке на ухо, – тебе нравится то, что он убийца?

Бельдре повернулась, и он впервые заметил, что глаза у нее зеленые. Повинуясь движению толпы, Призрак тут же отдалился, предоставил девушке возможность оглядываться по сторонам в поисках того, кто посмел с ней заговорить. Расстояние между ними все увеличивалось.

Некоторое время Призрак ждал; люди вокруг пихали его локтями. Наконец возобновил свои аккуратные маневры и опять оказался возле Бельдре.

– Думаешь, это как-то отличается от поступков Вседержителя? – зашептал он. – Я однажды видел, как он случайным образом выбрал людей, которых потом казнили на площади в Лютадели.

Бельдре повернулась. Призрак стоял неподвижно среди снующей толпы, глядя сквозь свою повязку ей прямо в глаза. Людской поток уносил девушку с собой, все дальше и дальше.

Губы ее шевельнулись. Только наделенный оловянными сверхчувствами мог разглядеть это движение достаточно четко, чтобы прочитать:

«Кто ты такой?»

Призрак снова ринулся сквозь толпу. Гражданин, похоже, собирался произнести речь, воспользовавшись большим скоплением народа. Люди направлялись к возвышению, располагавшемуся посреди рыночной площади; продвигаться вперед становилось все труднее. Призрак в очередной раз уже почти добрался до Бельдре, но толпа тотчас же повлекла его назад. Чудом протиснувшись между двумя людьми, он схватил девушку за запястье и дернул. Она повернулась, но не закричала. Люди окружали их со всех сторон, но теперь Бельдре смотрела только на завязанные тряпкой глаза.

– Кто ты такой?

Бельдре говорила беззвучно – одними губами. Позади нее, на возвышении, начал вещать Гражданин.

– Я тот, кто убьет твоего брата, – тихонько ответил Призрак.

Он ждал от нее реакции – возможно, крика. Обвинения. Его действия были импульсивны, их породили досада и невозможность помочь казненным. И вдруг до Призрака дошло, что, если Бельдре в самом деле закричит, ему конец.

Однако она промолчала. Они просто стояли и смотрели друг на друга сквозь падающий пепел.

– Ты не первый, кто говорит так, – беззвучно произнесла девушка.

– Я другой.

– И кто же ты?

– Спутник бога. Тот, кто видит шепоты и чувствует крики.

– Тот, кто вообразил, будто лучше знает, что нужно людям, чем избранный ими правитель? Всегда есть недовольные, только и умеющие, что ставить палки в колеса.

Призрак по-прежнему держал ее за руку. Потом сжал пальцы и притянул поближе к себе. Толпа придвинулась к возвышению, и они вдвоем остались позади, точно раковины, выброшенные на берег отступающими волнами.

– Я знал Выжившего, Бельдре, – порывисто зашептал Призрак. – Он дал мне имя, называл меня другом. То, что вы сделали в этом городе, привело бы его в ужас – и я не позволю твоему брату и дальше извращать наследие Кельсера. Предупреди его, если считаешь нужным. Скажи Квеллиону, что я за ним приду.

Гражданин прервал свою речь. Призрак поднял глаза и бросил взгляд на помост. Квеллион глядел поверх толпы последователей. Глядел на неизвестного парня и сестру, которые стояли рядом, в стороне от всех. Призрак и не подумал о том, что они видны как на ладони.

– Эй ты! – крикнул Гражданин. – Что ты делаешь с моей сестрой?

«Проклятье!» – только и успел подумать Призрак, отпуская руку девушки и бросаясь прочь.

Однако нижние улицы имели одну крайне неприятную особенность – высокие покатые стены. Существовало совсем не много путей, по которым можно было сбежать с рыночной площади, и все они охранялись стражниками Квеллиона. По команде Гражданина люди в кожаных доспехах, бряцая оружием, сорвались со своих постов.

«Отлично!»

Призрак ринулся к ближайшей группе солдат. Если он сумеет пробиться сквозь их ряды, ему удастся взбежать вверх по насыпи и, возможно, исчезнуть в одном из многочисленных переулков.

Солдаты обнажили мечи. Позади Призрака раздались испуганные крики. Запустив руку в лохмотья, бывшие когда-то плащом, он вытащил свою дуэльную трость.

Тут все и началось.

Драться по-настоящему Призрак не умел. Конечно, Хэм его многому научил – Колченог настаивал, что его племянник должен уметь защищаться самостоятельно. Однако настоящими воителями в шайке всегда были рожденные туманом – Вин и Кельсер, – а Хэм, как громила, мог применить грубую силу, если в ней возникала необходимость.

Впрочем, в последнее время Призрак довольно много упражнялся и обнаружил нечто интересное. Он обладал тем, чем никогда не смогли бы похвастаться ни Вин, ни Кельсер: расплывчатая вереница образов, рожденных органами чувств. Он чувствовал движение воздуха, ощущал под ногами дрожь земли и знал, где находится противник, потому что слышал его сердцебиение.

Призрак не был рожденным туманом, но все-таки представлял опасность для противника. Он ощутил легкое дуновение ветра и догадался, что на него сейчас обрушится меч. Увернулся. Уловил движение и понял, что кто-то атакует. Шагнул в сторону. Это было очень похоже на атиум.

Капли пота сорвались со лба, когда Призрак повернулся и с треском обрушил дуэльную трость на голову одного из солдат. Тот упал – оружие было из очень хорошего дерева. Чтобы не рисковать, молодой человек ткнул упавшего врага концом трости в висок.

Позади раздался невнятный звук – тихий, но достаточно красноречивый. Призрак выбросил в сторону руку с тростью и ударил нападающего по предплечью. Кость треснула, и солдат, вскрикнув, выронил оружие. Для верности Призрак нанес еще один удар – по голове. Потом повернулся, поднимая трость, чтобы парировать удар третьего противника.

Сталь и дерево встретились, и победила сталь – Призрак остался без оружия. Однако трость замедлила удар достаточно, чтобы успеть увернуться и подобрать меч одного из поверженных воинов. Меч отличался от того, с которым приходилось практиковаться: жители Урто предпочитали длинные тонкие лезвия. И все-таки Призраку теперь противостоял только один человек – если с ним справиться, возможно, удастся сбежать.

Противник, видимо, догадался о своем преимуществе. Если бы Призрак обратился в бегство, то подставил бы под удар спину. Однако, оставаясь на месте, он рисковал в скором времени оказаться в окружении. Солдат не торопился атаковать, решив потянуть время.

Пришлось напасть первым. Призрак замахнулся, доверившись своим обостренным чувствам, которые должны были возместить разницу в опыте. Солдат приготовился парировать удар.

Меч замер.

Призрак споткнулся. Попытался силой сдвинуть оружие с места, но меч будто кто-то удерживал – словно вокруг был не воздух, а что-то твердое. Словно...

Кто-то толкал лезвие. Алломантия. Призрак отчаянно завертел головой и тотчас же обнаружил источник воздействия. Человек, применявший алломантический толчок, должен был находиться прямо напротив, поскольку алломантия позволяла толкать только от себя.

Квеллион стоял рядом с Бельдре. Гражданин и Призрак смотрели друг другу глаза в глаза, и молодой человек видел напряжение во взгляде своего врага, который вцепился в сестру, используя ее вес для того, чтобы толкать меч. Квеллион вмешался в сражение точно так же, как когда-то Кельсер – давным-давно, в пещерах, где тренировалось его войско.

Призрак отпустил меч, позволив ему вылететь из рук, и упал ничком. Оружие противника прошло на опасном расстоянии от головы, а его собственное приземлилось неподалеку со звоном, который показался оглушительным.

Времени, чтобы перевести дух, не было – только заставить себя вскочить и увернуться от следующего удара. К счастью, Призрак не носил ничего металлического, и Квеллион не смог дать новый толчок, способный изменить ход событий. Призрак порадовался, что так и не успел избавиться от этой привычки.

Оставалось лишь спастись бегством. Драться, раз вмешался алломант, – самоубийство. Когда солдат снова поднял меч, Призрак бросился вперед и, нырнув под вздетую руку с оружием, рванул в сторону, надеясь, что успеет сбежать до того, как противник поймет, что произошло.

Нога за что-то зацепилась.

Призрак завертелся на месте. Сначала он решил, что каким-то образом его удерживает Квеллион. Потом увидел, что за ступню его ухватил лежавший на земле солдат. Тот, который выбыл из битвы первым.

«Я же стукнул его дважды! – с досадой подумал Призрак. – Он не может быть в сознании!»

Хватка сделалась крепче, и его с нечеловеческой силой швырнуло назад. Солдат оказался громилой – поджигателем пьютера, как и Хэм.

Похоже, Призрак угодил в серьезную передрагу.

Он все же умудрился высвободить ногу и, хромая, вскочил. Только от громилы, которому доступна сила пьютера, не убежишь: он двигается куда быстрее.

«Два алломанта, считая Гражданина, – подумал Призрак. – Кто-то не так уж сильно презирает благородную кровь!»

На него надвигались сразу два солдата. С яростным воплем, слыша собственное сердцебиение, подобное барабанному бою, Призрак бросился на громилу – развернул и закрылся им, как щитом, от третьего противника.

Он не учел того, какие жестокие порядки завел в своей армии Гражданин. Квеллион всегда говорил о необходимости самопожертвования. Видимо, приверженцы разделяли его взгляды, потому что охранник вонзил меч в спину своему товарищу, и лезвие, пройдя сквозь сердце солдата, вошло Призраку прямо в грудь. Столь сильный и точный удар мог выполнить только громила.

«Три алломанта...» – подумал потрясенный Призрак.

Противник попытался высвободить оружие из двух тел сразу, но под весом мертвеца металл не выдержал и треснул.

«Почему же они не убили меня сразу? Наверное, пытались скрыть свои силы. Хотели, чтобы горожане ничего не поняли...»

Призрак подался назад, ощущая, как по груди течет кровь. Почему-то он не чувствовал боли. Обостренные чувства должны были сделать ее...

Оглушительной.

Все вокруг погрузилось во тьму.

* * *

Искусно сотворенные, пожирающие пепел микробы и измененные растения доказывают, что Рашек совершенствовался в применении силы. Она выгорела за несколько минут, но для божества минуты подобны часам. Сначала Рашек походил на невежественного ребенка, передвинувшего планету слишком близко к солнцу, потом дозрел до создания Пепельных гор, с помощью которых удалось охладить воздух; и наконец превратился в умелого мастера, которому стало под силу создать растения и живые существа.

Все это также демонстрирует, как он был настроен в тот период, пока обладал силой Охранителя. Находясь под ее влиянием, он желал защищать. Вместо того чтобы сровнять с землей Пепельные горы и вернуть планету на прежнее место, он продолжил действовать в том же духе и с яростным усердием принялся исправлять ошибки, которые сам же и совершил.

Верхом на ослепительно-белом жеребце, на котором не было и пятнышка сажи, Эленд ехал во главе своей армии. Развернув скакуна, император окинул взглядом ряды взволнованных солдат. Они ждали, и в угасающем свете Эленд видел их страх. До них дошли слухи, которые сам Эленд подтвердил днем ранее. Сегодня его войско должно было получить иммунитет от тумана.

Генерал Дему верхом на чалом жеребце держался рядом. Лошадей взяли с собой в путешествие скорее ради впечатления, которое они производили, нежели ради их полезности. Император и его офицеры должны были проделать большую часть пути на лодках, а не в седле.

О нравственной стороне своего решения вывести войско в туман Эленд не волновался, — по крайней мере, не волновался сейчас. Он был честен. Возможно, даже излишне честен. И если бы испытывал неуверенность, она немедленно отразилась бы на его лице, и солдаты почувствовали бы его колебания. Поэтому император научился удерживать в узде свои тревоги и заботы до тех пор, пока рядом не оставались только близкие люди. Из-за этого Вин слишком часто видела его погруженным в раздумья. Зато в другое время он мог излучать уверенность.

Эленд двигался быстро, и громкий топот копыт его лошади слышали все. Время от времени до него доносились команды офицеров, призывавших своих людей быть стойкими. Несмотря на это, Эленд замечал беспокойство во взглядах солдат. Мог ли он их винить? На этот раз людям предстояло столкнуться с неуязвимым врагом, от чьих ударов нет защиты. Через час семьсот человек будут мертвы. Примерно каждый пятидесятый. Не так уж много в масштабах целой армии, однако человека, к которому подкрадывался туман, такое бы вряд ли утешило.

Солдаты держались. Эленд ими гордился. Всем, кто пожелал, он предоставил возможность вернуться в Лютадель и не встречаться с туманом. В столице тоже требовались войска, и императору не хотелось отправляться в поход с людьми, которые боялись тумана. Почти никто не ушел. Оставшиеся — подавляющее большинство — в полном вооружении выстроились рядами, не дожидаясь приказа. Будто собрались на битву, и в каком-то смысле так оно и было на самом деле.

Они доверяли своему императору. Знали, что туман приближается к Лютадели, и понимали, насколько важно захватить все города, в которых располагались хранилища. Верили, что император способен сделать то, что спасет их семьи.

Доверие прибавляло уверенности. Эленд осадил своего жеребца и остановился возле одного из отрядов. Зажег пьютер, который придал силу телу, в том числе и легким; затем воспламенил эмоции людей, делая их смелее.

— Будьте сильными!

Лица обратились к императору, и бряцание оружия стихло. Собственный голос показался Эленду слишком громким, и он чуть пригасил олово.

— Туман сразит кого-то из нас. Однако большинство не пострадает, а часть из тех, кто заболит, исцелится! После этого никому уже не придется снова бояться тумана. А наши

враги не застигнут нас врасплох прямо в палатках, если нападут на рассвете. Мы не сможем добраться до Фадрекса, если не сделаем себя неуязвимыми!

Император тронул поводья и медленно двинулся вдоль строя:

– Я не знаю, почему туман убивает. Но я верю в Выжившего! Он называл себя Владыкой тумана. Если кто-то из нас умрет, то такова его воля. Будьте сильными!

Судя по всему, речь возымела эффект. Солдаты теперь держались прямее, смелее смотрели на запад, где вскоре должно было исчезнуть из вида солнце.

– Они сильны, мой господин, – негромко произнес Дему, подъезжая к Эленду. – Вы хорошо говорили.

Эленд кивнул.

– Мой господин... – Дему замаялся. – Вы и в самом деле думаете так о Выжившем?

– Конечно.

– Прошу прощения, мой господин, – смущенно продолжал Дему. – Я не сомневаюсь в вашей вере, просто... не стоит изображать то, чего вы на самом деле не чувствуете.

– Я дал слово, Дему. – Эленд бросил хмурый взгляд на покрытого шрамами генерала. – Я делаю то, что обещал.

– Верю, мой господин. Вы человек чести.

– Но?

Дему помедлил:

– Но... если вы на самом деле не верите в Выжившего, думаю, он бы не хотел, чтобы вы говорили от его имени.

Эленд уже открыл рот, чтобы упрекнуть Дему в нехватке уважения, но остановился. Этот человек говорил с ним от всего сердца, честно. За такое не наказывают.

Кроме того, он был в чем-то прав.

– Не знаю, во что я верю, Дему. – Эленд перевел взгляд на солдат. – Уж точно не во Вседержителя. Религии Сэйзед мертвы уже много веков, и даже сам он о них больше не говорит. Кажется, кроме Церкви Выжившего, других вариантов нет.

– Со всем возможным уважением, мой господин, но это не самый удачный способ определить свое вероисповедание.

– У меня проблемы с верой в последнее время, Дему, – признался Эленд, наблюдая за падающими хлопьями пепла. – Моего последнего бога убила женщина, на которой я в конце концов женился. Женщина, которую вы считаете своей религиозной фигурой, но которая отвергает вашу преданность.

Генерал лишь кивнул.

– Я не отрицаю твоего бога, Дему. И не сомневаюсь: верить в Кельсера лучше, чем во что-то другое. А учитывая, что ожидает нас в ближайшие месяцы, уж лучше бы поверил, будто кто-то – кто угодно – нам помогает свыше.

Несколько минут оба молчали.

– Я знаю, Наследница не желает, чтобы мы поклонялись Выжившему, мой господин, – сказал наконец Дему. – Она его знала, как и я. Чего она не понимает, так это, что Выживший стал кем-то намного большим, чем просто человек по имени Кельсер.

– Звучит так, словно ты нарочно сделал его богом, Дему, – нахмурился Эленд, – и веришь в него как в символ.

Тот покачал головой:

– Я хотел сказать, что Кельсер был человеком, но таким человеком, который приобрел частицу вечного, бессмертного. Когда он умер, он был уже не просто Кельсером, предводителем шайки повстанцев. Вам не кажется странным, что рожденным туманом он сделался только в Ямах Хатсина?

– Так работает алломантия, Дему. Получить способности можно лишь после того, как раскроется дар, – после того, как ты столкнешься с чем-то опасным, почти смертельным.

– И вы думаете, Кельсер не испытывал чего-то подобное до Ям? Мой господин, он был вором, который грабил поручителей и аристократов. У него была очень опасная жизнь. Думаете, побои, дыхание смерти и страдания обошли его стороной?

Эленд не нашелся, что ответить.

– Он получил свою силу в Ямах, – негромко продолжал Дему, – потому что там с ним произошло нечто. Люди, которые его знали, говорят, он стал другим человеком, когда вернулся. У него появилась цель, и он решил исполнить то, что весь остальной мир считал невыполнимым. – Дему покачал головой. – Нет, мой господин. Человек по имени Кельсер умер в Ямах, и родился Кельсер Выживший. Наделенный великими способностями и великой мудростью по воле той силы, что выше всех нас. Потому он и преуспел. Потому мы и поклоняемся ему. Он не был безупречным, но его мечты были божественны.

Эленд отвернулся. Он прекрасно понимал, что происходит: последователи Кельсера постепенно его обожествляли, превращая его жизнь в последовательность мистических событий. Кельсера просто необходимо было наделить божественной силой, поскольку церковь не могла и дальше поклоняться обычному человеку.

С другой стороны, слова Дему заставляли невольно задуматься. Каким образом человек из преступного мира смог протянуть так долго, прежде чем в нем раскрылся дар?

Кто-то закричал.

Эленд вскинул голову, оглядывая ряды. В воздухе начал разрастаться туман, и люди забеспокоились. Император не увидел солдата, который упал. Вскоре искать его стало бессмысленно, потому что закричали и другие.

Полыхающее красное солнце размытым пятном опускалось за горизонт. Конь Эленда тревожно переступал с ноги на ногу. Командиры приказали солдатам сохранять спокойствие, но Эленд по-прежнему видел движение. В ближайших к нему рядах образовались бреши: тут и там люди падали на землю, словно марионетки с обрезанными нитями. Они бились в конвульсиях, их товарищи в ужасе отстранялись, и над всеми клубился туман.

«Я нужен им», – подумал Эленд, сжимая поводья и разжигая эмоции людей вокруг себя.

– Дему, поехали.

Он развернул коня, однако Дему за ним не последовал.

Эленд оглянулся:

– Дему? Что...

Он осекся. Туман не скрыл страшную дрожь, охватившую Дему. На глазах у Эленда генерал выскользнул из седла и рухнул на землю, покрытую доходящим до щиколотки слоем пепла.

– Дему! – Эленд спрыгнул следом, ощущая себя полным дураком.

Он и не подумал о том, что его друг мог оказаться восприимчивым к туману, – просто решил, что тот, как Вин и остальные, уже приобрел иммунитет. Погрузившись в пепел, Эленд опустился на колени рядом с Дему, которого сотрясали конвульсии. Кричали от боли солдаты, орали командиры, приказывая держаться.

А сверху по-прежнему падал пепел.

* * *

Рашек не решил все проблемы мира. Фактически каждый раз, когда ему удавалось что-то исправить, он невольно создавал себе новые сложности. В частности, вместо растений, умиравших в лучах изменившегося солнца, на покрытой пеплом земле мы получили такие, которыми не очень-то

можно было насытиться. Однако он был достаточно умен, чтобы проблемы становились все менее значимыми.

Он все-таки спас мир. Разумеется, сначала чуть было не уничтожил, но, с учетом всех обстоятельств, нашел прекрасный выход из положения. По крайней мере, не выпустил Разрушителя, как это сделали мы.

18

Сэйзед хлопнул лошадь по крупу, и та галопом понеслась прочь. Из-под копыт полетели комки спрессованного пепла. Когда-то чисто-белая шкура сделалась серой и грязной. Истощенная, с выступающими ребрами, лошадь уже не годилась для езды верхом, а кормить ее было нечем.

– Что за печальное зрелище, – заметил стоявший рядом с террисийцем посреди покрытой пеплом дороги Бриз.

Отряд из двух сотен солдат молча наблюдал за убегающим животным. Сэйзед не мог избавиться от ощущения, будто в том, что они отпустили свою последнюю лошадь, было нечто символическое.

– Думаешь, она выживет? – спросил Бриз.

– Предполагаю, какое-то время она сможет отыскивать себе пропитание, раскапывая пепел. Но это будет непросто.

– Сейчас у всех жизнь непростая, – хмыкнул гасильщик. – Что ж, желаю удачи этому животному. Ты присоединишься ко мне и Альрианне в карете?

Сэйзед обернулся через плечо и посмотрел на карету. С нее сняли все возможное и переоснастили так, чтобы ее могли тянуть солдаты. Вместо дверей повесили занавески; избавились от задней части. Учитывая ее теперешний вес и две сотни человек, которые могли сменять друг друга, подобный транспорт не представлял собой большой обузы. И все-таки совесть не позволяла террисийцу воспользоваться солдатами как тягловой силой. Старые привычки были слишком сильны.

– Нет, – покачал головой Сэйзед. – Лучше я немного пройдуся. Спасибо.

Гасильщик кивнул и направился к карете, чтобы сесть рядом с Альрианной; солдат держал зонт над головой Бриза, пока тот не очутился внутри. Оказавшись теперь во власти пепла, Сэйзед поднял капюшон своего походного одеяния, прижал к груди папку и зашагал по черной земле к головной части отряда.

– Капитан Горадель, – окликнул он. – Мы можем двигаться дальше.

И они двинулись. Путешествие было нелегким: слой пепла становился все толще, и идти по нему оказалось утомительно. Он проминался под ногами, словно песок. Но даже столь сложные условия не могли отвлечь от тревожных мыслей. Сэйзед надеялся, что встреча с основным войском – с Элендом и Вин – позволит ему сделать передышку. Друзья и любовь, которую эти двое испытывали друг к другу, обычно воодушевляла. В конце концов, ведь он сам их и поженил.

Однако на этот раз встреча лишь усилила беспокойство.

«Вин позволила Эленду умереть. И она это сделала из-за того, чему я ее научил».

Набросок цветка, спрятанный в рукаве, невольно возвращал к разговору с Вин. Почему к нему, Сэйзеду, люди шли за решением проблем? Разве они не понимали, что он просто лице-

мер, способный красиво говорить, но не умеющий следовать собственным советам? Террисиец чувствовал себя потерянным. Словно что-то тяжелое давило на него, заставляя сдаться.

Поразительно, с какой легкостью Эленд говорил о надежде и чувстве юмора. Будто для того, чтобы стать счастливым, хватало лишь одного желания. Впрочем, некоторые так и считали. Когда-то Сэйзед мог бы с ними согласиться. Теперь же у него начинались болезненные спазмы в желудке от одной только мысли, что предстояло принять какое-нибудь решение. Любые его идеи оказывались погребены под грудой сомнений.

«Вот для этого и нужна религия, – думал Сэйзед, топая с дорожным мешком на плече сквозь пепел к голове колонны. – Чтобы помочь человеку в такую минуту».

Он посмотрел на свою папку. Потом открыл и принялся на ходу перебирать страницы. Сотни религий, и ни одна из них не содержала ответов на его вопросы. Возможно, он просто слишком хорошо их изучил. Большинству членов их старой компании было трудно поклоняться Кельсеру, потому что они, в отличие от остальных скаа, знали о его пороках и причудах. Он был для них в первую очередь человеком и лишь во вторую – богом. Возможно, у Сэйзеда так же обстояло дело и с религиями. Он так хорошо их знал, что без труда видел в каждой изъяны.

Нет, хранитель не испытывал пренебрежения к верующим людям, однако сам раз за разом сталкивался, изучая религии, с противоречиями и лицемерием. Предполагалось, что божество совершенно. Предполагалось, божество не допустит, чтобы его последователей перебили, и уж точно не позволит, чтобы мир был уничтожен из-за того, что несколько хороших людей просто попытались его спасти. Возможно, какая-нибудь из оставшихся религий даст ответ? Этот ответ просто должен существовать!

Когда от мрачных мыслей стало трудно дышать, Сэйзед вытащил следующий лист, закрепил с внешней стороны папки и погрузился в свои записки. Он будет читать на ходу, а на время размышлений переворачивать папку листом вниз, чтобы не запачкать в саже.

Он найдет ответы. Он даже боялся думать, что произойдет в том случае, если их не существует.

* * *

Весь путь Сэйзед так и проделал пешком.

Здесь, в Центральном доминионе, еще оставалась возможность бороться за пропитание и жизнь. Эленд переселил сюда столько людей, сколько сумел, и приказал всем заняться выращиванием урожая для предстоящей зимы. На поля вышли даже горожане-скаа, которым, впрочем, было не привыкать к тяжелой работе. Сэйзед сомневался, что люди представляли себе масштабы катастрофы. Скорей всего, просто об этом не задумывались: всегда легче жить, когда кто-то решает за тебя.

По обочинам высились горы пепла. Пепел сыпался постоянно, и его требовалось убирать хотя бы раз в сутки. Это бесконечное занятие – вместе с необходимостью носить воду для полива большинства новых, неорошаемых полей – делало новый способ ведения сельского хозяйства особенно зависимым от человеческого труда.

По мере продвижения отряд Сэйзеда видел все новые и новые поля, и на каждом коло-сились коричневые заросли. Это зрелище должно было пробудить надежду, однако один вид пробивавшихся из земли хилых стеблей на фоне громадных куч пепла заставлял испытывать еще более сильное отчаяние. Даже если позабыть о тумане, каким образом Эленд собирался прокормить в подобных условиях целую империю? А когда пепла станет слишком много? Скаа работали на полях, и их фигуры напоминали о тех днях, когда был жив Вседержитель. Что же все-таки произошло?

– Что за вид...

Сэйзед повернулся на звук голоса и увидел, что рядом с ним идет капитан Горадель. Как и все, кого продвигал по службе Хэм, этот лысый и суровый на вид солдат обладал добродушным нравом.

– Будь там хоть пепел, хоть туман, я на них гляжу и чувствую надежду, – с чувством продолжал капитан.

– В самом деле?

– Ну да, – улыбнулся Горадель. – Мои родители были фермерами, мастер террисиец. Мы жили в Лютадели, но работали на полях за городскими стенами.

– Но ты же был солдатом. Разве не ты провел леди Вин во дворец той ночью, когда она убила Вседержителя?

– Вообще-то, я провел лорда Эленда, чтобы он спас леди Вин. Правда, ей, как выяснилось, наша помощь не очень-то и требовалась. Как бы там ни было, вы правы. Я служил во дворце Вседержителя, и мои родители от меня из-за этого отrekliсь. Хотя я просто не смог бы всю жизнь работать в поле.

– Это тяжелый труд.

– Дело не в труде, а в... безнадее. Для меня невыносимо было даже думать, что я буду работать весь день, чтобы вырастить то, чем завладеет кто-то другой. Поэтому я бросил поля и стал солдатом, и поэтому мне сейчас так радостно глядеть на этих фермеров.

Горадель кивком указал на поле, мимо которого они проходили. Несколько скаа посмотрели в их сторону и, увидев знамя Эленда, помахали руками.

– Эти люди, – продолжал Горадель, – работают, потому что сами хотят.

– Они работают, потому что в противном случае умрут от голода.

– Точно, – согласился Горадель. – Думаю, так оно и есть. Но они работают не потому, что кто-то их изобьет за бездельничанье, – они работают, чтобы их семьи и друзья не умерли с голоду. Для фермера – разница огромная. Она чувствуется даже в том, как они держатся.

Сэйзед нахмурился и не ответил.

– Как бы там ни было, мастер террисиец, я хотел предложить, чтобы мы задержались в Лютадели и пополнили запасы.

– Я на это рассчитывал, капитан. Однако на пути в Лютадель мне придется покинуть вас на несколько дней. Лорд Бриз останется командующим. Я догоню вас на северном тракте.

Кивнув, Горадель зашагал назад, чтобы отдать нужные распоряжения. Куда и зачем собирался отлучиться Сэйзед, он не уточнил.

* * *

Несколько дней спустя Сэйзед в одиночестве прибыл в Ямы Хатсина. Местность вокруг них стала безликой из-за пепла, покрывавшего все подряд. Комья пепла летели из-под ног Сэйзеда, пока он взбирался на вершину холма. Оттуда открывался вид на долину, где и располагались Ямы – место, где погибла жена Кельсера. Место, где на свет появился Выживший.

Теперь здесь находился дом террисийского народа.

Он никогда не мог похвастаться многочисленностью, а появление тумана и трудный переход в Центральный доминион стоили многих жизней. Теперь их оставалось, наверное, тысяч сорок. И большинство мужчин, как и Сэйзед, были евнухами.

Хранитель спустился по склону в долину. Это место словно кто-то специально создал для переселенцев из Терриса. Во времена Вседержителя здесь трудились сотни рабов, за которыми следили сотни солдат. Все закончилось, когда Кельсер вернулся в Ямы и сделал так, что они прекратили производить атиум. Но все дома и постройки остались, поэтому крыша над головой имелась, да и пресной воды было достаточно. Со временем террисийцы все здесь усо-

вершенствовали, построили по всей долине еще дома и превратили самую страшную из тюрем в уютный поселок.

Спускаясь по склону, Сэйзед, наблюдал за тем, как люди сметают пепел, высвобождая дикие растения, которые с удовольствием пощипывали упитанные коротконогие овцы. Низкорослый кустарник, преобладавший в Центральном доминионе, оказался упрямым и выносливым – куда более привычным к пеплу, чем те растения, которые выращивали на полях. Да и воды для него требовалось намного меньше. А значит, террисийцам жилось легче, чем многим другим. Они снова стали пастухами, как и до Вознесения Вседержителя.

«Террисийцам, – подумал Сэйзед, – живется легче, чем большинству людей. Мир и впрямь стал очень странным».

Вскоре его приближение заметили. Дети побежали за родителями, из лачуг высунулись чьи-то головы. Овцы потянулись следом, словно ожидая, что хранитель принес с собой какое-нибудь угощение.

Несколько пожилых мужчин заторопились навстречу, двигаясь настолько быстро, насколько позволяли искривленные от старости ноги. Они, как и Сэйзед, по-прежнему носили одежды дворецких. И, как Сэйзед, держали их в чистоте, демонстрируя цветные узоры из повторяющихся фигур, напоминавших букву «V». Эти узоры когда-то позволяли определить, какому из знатных домов прислуживал дворецкий.

– Лорд Сэйзед! – взволнованно произнес один из них.

– Ваше величество! – воскликнул другой.

«Ваше величество...»

– Пожалуйста. – Сэйзед протестующе вскинул руки. – Не называйте меня так.

Двое пожилых дворецких переглянулись.

– Господин хранитель, позвольте нам угостить вас чем-нибудь горячим.

* * *

Да, пепел стал черным. Нет, он не должен быть таким. В обычном пепле, разумеется, присутствуют частицы черного, но в той же степени, как и серого, и белого.

Пепел из Пепельных гор... Он совсем другой. Как и туман, пепел, покрывавший нашу землю, не был на самом деле естественным явлением. Возможно, в этом выражалось влияние силы Разрушителя, поскольку его цвет – черный. В то время как белый – цвет Охранителя. Или, быть может, причина заключалась в природе Пепельных гор, которые задумывались и создавались специально, чтобы выбрасывать в воздух пепел и дым.

19

– Вставай!

Вокруг было темно.

– Вставай!

Призрак открыл глаза. Тусклые цвета, приглушенные звуки. Он едва мог видеть. Мир превратился в размытое пятно. И... тело словно одеревенело. Он словно умер. Куда подевались все его чувства?

– Призрак, тебе надо встать!

Голос, по крайней мере, звучал четко. Но все остальное казалось каким-то мутным. Молодой человек никак не мог сосредоточиться. Он моргнул, тихонько застонал. Да что с ним такое? Очки и повязка пропали. Без них он должен видеть лучше, но вокруг была темнота.

У него закончилось олово.

В желудке ничего не горело. Знакомое пламя внутри погасло. Этот огонь был его другом больше года. А теперь внезапно все закончилось.

Вот почему мир сделался тусклым. Значит, так на самом деле и жили все остальные люди? И он сам? Призрак едва мог видеть: множество четких деталей, к которым он привык, исчезли. Исчезли яркие цвета и резкие линии. Взамен все сделалось пресным и размытым.

А уши словно чем-то забились. Нос... молодой человек не чувствовал запаха досок, на которых лежал, не мог определить по нему вид древесины. Призрак не чувствовал запаха тел, передвигавшихся рядом. Не слышал тех, кто находился в комнатах по соседству.

И... он тряхнул головой и попытался сесть, попытался сосредоточиться. Тотчас же боль в плече заставила судорожно вдохнуть. Рану не перевязали. Вспомнилось, как меч вошел в плечо. От подобного ранения просто так не выздоравливают, и левая рука в самом деле слушалась плохо.

– Ты потерял много крови, – произнес голос. – Ты можешь умереть раньше, чем до тебя доберется огонь. Кисет с оловом, который был на поясе, можешь не искать – они его забрали.

– Огонь? – прохрипел Призрак, моргая.

Как же люди умудрялись выживать в мире, где было так темно?

– Ты разве его не чувствуешь, Призрак?

В самом деле, поблизости виднелась лестница, и там что-то горело. Тряхнув головой, молодой человек попытался сосредоточиться.

«Я внутри дома, – подумал он. – Красивого дома. Дома какого-то аристократа. И этот дом подожгли».

Призрак поднялся, но тотчас же снова рухнул на пол, слишком слабый и растерянный, чтобы удержаться на ногах.

– Не обязательно идти. Ползи, – посоветовал голос.

Где же он раньше его слышал? Почему-то Призрак был уверен, что этому голосу можно доверять.

Он пополз вперед.

– Нет, не к огню! Тебе надо выбраться и наказать тех, кто с тобой это сделал. Думай, Призрак!

– Окно, – прохрипел Призрак.

– Заколочено. Ты же видел, когда был снаружи. Есть только один способ выжить. Ты должен меня выслушать.

Призрак отупело кивнул.

– Выберись из комнаты через другую дверь. Ползи к лестнице, которая ведет на второй этаж.

Призрак так и поступил. Онемевшие руки напоминали привязанные к плечам гири. Он жег олово так долго, что утратил возможность пользоваться обычными чувствами. Добравшись до лестницы, молодой человек закашлялся. Это из-за дыма, догадался он. Уползти прочь показалось хорошей идеей.

Карабкаясь по ступенькам, Призрак чувствовал жар. Пламя захватило оставшуюся за спиной комнату и теперь гналось следом, пока он поднимался, борясь с головокружением. Добравшись до самого верха, поскользнулся в луже собственной крови и со стоном привалился к стене.

– Вставай! – приказал голос.

«Где же я его слышал? Почему я выполняю все, что он говорит?»

Разгадка находилась совсем близко, но сознание было слишком затуманено. Призрак все же подчинился, заставив себя подняться на четвереньки.

– Вторая комната слева, – продолжал вести голос.

Не тратя времени на размышления, Призрак пополз. Пламя уже поднялось по лестнице и кралось вдоль стен. Обоняние, как и прочие чувства, ослабело, но он подозревал, что весь дом пропитан маслом. Быстрый, красивый пожар другим способом получить невозможно.

– Стоп. Сюда.

Призрак повернул налево и заполз в комнату. Это был хорошо обставленный кабинет. Городские воры жаловались, что грабить такие местечки не имело смысла. Гражданин запретил показную роскошь, поэтому дорогую мебель не продашь даже на черном рынке. Никто не желал быть обвиненным во владении дорогими вещами и сгореть заживо во время одной из казней, устроенных Гражданином.

– Призрак!

Он слышал об этих казнях. И заплатил Дарну, чтобы тот помог посмотреть на следующую. Сообщить заранее и привести туда, откуда можно наблюдать за горящим зданием. Кроме того, Дарн пообещал нечто интересное. То, что стоило потраченной суммы.

«Сосчитай черепа...»

– Призрак!

Он открыл глаза, рухнул на пол и едва не отключился. Пламя уже добралось до потолка. Дом был обречен. Призраку не суждено выбраться – не в его нынешнем состоянии.

– Иди к столу.

– Я покойник, – прошептал Призрак.

– Ничего подобного. Иди к столу.

Призрак повернул голову, посмотрел в огонь. Там кто-то был – какой-то черный силуэт. Стены пузырились, шипели, штукатурка и краска чернели. Но человек-тень словно и не замечал огня. Он казался знакомым. Высоким. Властным.

– Ты?.. – прошептал Призрак.

– Иди к столу!

Качаясь, Призрак поднялся на колени. Пополз, волоча бесполезную руку, к письменному столу.

– Правый ящик.

Молодой человек дернул выдвижной ящик и обессиленно навалился на него. Что это там внутри?

Фиалы?

Взволнованный, Призрак потянулся к ним. Точно такие же фиалы, какие алломанты использовали для хранения частиц металла. Дрожащими пальцами ухватил один – флакон тут же выскользнул из онемевшей руки. Разбился. По полу растеклась находившаяся внутри жидкость – спиртовой раствор, уберегавший металлы от коррозии и позволявший алломантам принимать их внутрь.

– Призрак!!!

Подчиняясь очередному приказу, молодой человек тупо взял следующий флакон. Вокруг продолжало разгораться пламя. Дальней стены уже не было. Огонь приближался.

Вытащив зубами пробку, Призрак выпил содержимое, потянулся внутрь себя, но тут же с отчаянным криком выронил фиал: в нем было не олово. Да и какой смысл? Чтобы острее ощутить и огонь, и собственную рану?

– Зажги его!

– Там нет олова!

– Это не олово! Хозяин дома не был ищейкой!

Не олово. Призрак моргнул. Потом, потянувшись внутрь себя, обнаружил нечто совершенно неожиданное. Чего он не рассчитывал когда-нибудь ощутить и чего не должно было быть.

Новый запас металла. Он зажег его.

Тело наполнилось силой. Дрожь в руках прекратилась. Слабость исчезла, как исчезает темнота с восходом солнца. Призрак почувствовал себя бодрым и сильным, и мышцы напряглись, готовые к действию.

– Встань!

Призрак вскинул голову. Вскочил и на этот раз не ощутил и следа дурноты. Сознание, правда, еще до конца не прояснилось, но кое-что сделалось совершенно очевидным. Лишь один металл мог настолько изменить тело: наделить достаточной силой и заставить позабыть о тяжелой ране и потере крови.

Призрак воспламенил пьютер.

Фигура находилась прямо в огне, разглядеть ее было трудно.

– Я дал тебе Благословение Пьютера, Призрак, – объяснил голос. – Используй его, чтобы выбраться отсюда. Ты можешь выбить доски в дальнем конце коридора и спрыгнуть на крышу соседнего здания. Солдаты тебя не заметят – они слишком заняты тем, чтобы не дать огню перекинуться на другие дома.

Призрак кивнул. Жар пламени больше его не беспокоил.

– Спасибо.

Фигура шагнула вперед, став чем-то большим, нежели просто силуэт. Языки пламени танцевали вокруг лица, освещая жесткие черты, и подозрения Призрака подтвердились. Была причина, по которой он доверился этому голосу, причина, по которой он сделал все, что ему велели.

Он бы выполнил любой приказ этого человека.

– Я дал тебе пьютер не только для того, чтобы ты выжил, Призрак, – многозначительно произнес Кельсер. – Я дал его тебе, чтобы ты мог отомстить. А теперь иди!

* * *

Люди не раз замечали, что туман способен испытывать ненависть. Однако это не обязательно связывали с тем, что он мог убивать. Для большинства – даже для тех, у кого он вызывал припадки, – туман оставался просто погодным явлением, и разумности или мстительности в нем казалось не больше, чем в какой-нибудь тяжелой болезни.

Впрочем, не для всех. К некоторым он тянулся, постоянно кружился рядом – к другим, наоборот, испытывал враждебность и отталкивался. Одни чувствовали в тумане умиротворенность, другие – ненависть. Это было связано с осторожными действиями Разрушителя и с тем, насколько охотно люди следовали его подсказкам.

20

Тен-Сун сидел в клетке.

Сама по себе клетка уже была оскорблением. Кандра отличались от людей: даже если бы его не подвергли заточению, Тен-Сун не попытался бы спастись бегством. Он принял свою судьбу по доброй воле.

И все-таки его заперли. Непонятно, где они раздобыли клетку; обычно кандра в таких вещах не нуждались. Но Вторые нашли ее и поместили в одной из главных пещер Обиталища. Сделанная из железных пластин и прочных стальных полос, она со всех четырех сторон была обтянута крепкой проволоочной сетью, чтобы узник не смог выбраться, превратив свое тело в простой комок мышц.

Еще одно оскорбление.

Абсолютно голый, Тен-Сун сидел на холодном железном полу. Добился ли он чего-то, кроме собственного заключения? Был ли хоть какой-то прок в тех словах, что он произнес в Сокровенном месте?

Пещеру за пределами клетки освещал специально выращиваемый мох; мимо проходили кандра, занятые своими делами. Многие останавливались и разглядывали узника, точно диковинного зверя. Такова и была цель отложенного на долгий срок наказания. Тен-Сун добился возможности высказаться, и Вторые хотели убедиться, что его наказание будет соответствующим. Они выставили его на всеобщее обозрение, как люди выставляют животных на рынке. За всю историю кандра ни с кем так не обходились. Его имя на века делается символом позора.

«Только нам не суждено прожить века, – с яростью подумал Тен-Сун. – Об этом я и говорил».

Однако он не справился с задачей. Как объяснить соплеменникам то, что он чувствовал? Как показать, что приближался момент, когда придется вспомнить обо всех традициях? Как доказать, что их жизнь, на протяжении долгого времени бывшая такой спокойной и размеренной, должна вскоре резко перемениться?

«Что там, наверху? Попала ли Вин к Источнику Вознесения?»

А что с Разрушителем и Охранителем? Боги народа кандра снова воевали друг с другом, и те немногие, кто знал о них правду, притворялись, что ничего не происходит.

За пределами клетки кандра жили своей обычной жизнью. Некоторые занимались обучением нового поколения: Тен-Сун видел Одиннадцатых, похожих на кляксы с проглядывающими кое-где костями. Превращение туманного призрака в кандра было делом нелегким. Получив Благословение, туманный призрак обретал разум и утрачивал почти все свои инстинкты, после чего ему приходилось заново учиться созданию мышц и тел. На это уходило много-много лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.